

Учредитель и издатель:

Пермский
государственный
национальный
исследовательский
университет

Адрес учредителя
и издателя:

614068, Россия,
г. Пермь, ул. Букирева, 15

Адрес редакции:

614068, Россия,
г. Пермь, ул. Букирева, 15,
юридический факультет

Тел. (342) 239-62-75
E-mail: ex-jure@mail.ru
Http://ex-jure.psu.ru

Журнал зарегистрирован в Фе-
деральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор).
Регистрационный номер
ПИ № ФС 77-73154
от 22 июня 2018 г.

Подписка на журнал
осуществляется онлайн
на сайте «Урал-пресс»
[https://www.ural-press.ru/
catalog/97266/8650364/?
sphrase_id=396140](https://www.ural-press.ru/catalog/97266/8650364/?sphrase_id=396140).
Подписной индекс 83987

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Голубцов Валерий Геннадьевич (председатель) – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Габов Андрей Владимирович – д. ю. н., член-корреспондент Российской академии наук, Заслуженный юрист РФ, главный научный сотрудник сектора предпринимательского и корпоративного права Института государства и права РАН, г. Москва;

Головина Светлана Юрьевна – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой трудового права Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург;

Гонгало Бронислав Мечиславович – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой гражданского права Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург;

Вавилин Евгений Валерьевич – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой семейного и жилищного права Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина, г. Москва;

Ершова Инна Владимировна – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой предпринимательского права Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина, г. Москва;

Зайцев Владимир Васильевич – д. ю. н., профессор, профессор кафедры правового обеспечения рыночной экономики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Заслуженный юрист РФ, г. Москва;

Запольский Сергей Васильевич – д. ю. н., профессор, главный научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права РАН, Заслуженный юрист РФ, г. Москва;

Зуев Сергей Васильевич – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой правоохранительной деятельности и национальной безопасности Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск;

Кочев Владимир Александрович – д. ю. н., профессор, профессор кафедры административного и конституционного права Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Кузнецова Ольга Анатольевна (главный редактор) – д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права, зам. декана по науке юридического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Тарханов Ильдар Абдулхакович – д. ю. н., профессор, профессор кафедры уголовного права, научный руководитель юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань;

Толстик Владимир Алексеевич – д. ю. н., профессор, начальник кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД РФ, г. Нижний Новгород.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Кузнецова Ольга Анатольевна (главный редактор) – д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права, заместитель декана по науке юридического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Аристов Евгений Вячеславович – д. ю. н., доцент, профессор кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь

Безруков Сергей Сергеевич – д. ю. н., доцент, начальник отдела Научно-исследовательского центра по исследованию проблем расследования преступлений Всероссийского научно-исследовательского института МВД РФ, г. Москва;

Валеев Дамир Хамитович – д. ю. н., профессор, профессор кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь; заместитель декана юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань;

Васильева Юлия Валерьевна – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой трудового и международного права Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Каплунов Андрей Иванович – д. ю. н., профессор, руководитель научной школы «Административная и административно-процессуальная деятельность МВД России» Санкт-Петербургского университета МВД России, г. Санкт-Петербург;

Комиссарова Елена Генриховна – д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Липинский Дмитрий Анатольевич – д. ю. н., профессор, профессор кафедры «Конституционное и административное право» Тольяттинского государственного университета, г. Тольятти;

Лопашенко Наталья Александровна – д. ю. н., профессор, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов;

Матвеев Антон Геннадьевич – д. ю. н., доцент, профессор кафедры гражданского права Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Незнамова Зинаида Александровна – д. ю. н., профессор, профессор кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург;

Пастухов Павел Сысоевич – д. ю. н., доцент, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Поляков Сергей Борисович – д. ю. н., профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Романовский Георгий Борисович – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой уголовного права Пензенского государственного университета, г. Пенза;

Стахов Александр Иванович – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой административного права и процесса Российского государственного университета правосудия, г. Москва.

Федорова Марина Юрьевна – д. ю. н., профессор, Советник Конституционного суда Российской Федерации, г. Санкт-Петербург

Quarterly Scientific
Magazine
Published since 2018

Ex jure

2024. № 3

Founder and publisher:
Perm State University

Address of the Founder,
Editorial Board:

15, Bukireva st., Perm,
Russia, 614068

Address of the Editorial
Staff and Editorial Office:

Faculty of Law,
15, Bukireva st., Perm,
Russia, 614068
Phon.+7 (342) 239-62-75
E-mail: ex-jure@mail.ru
Http://ex-jure.psu.ru

EDITORIAL BOARD

Golubtsov Valeriy Gennadyevich (Head of the Editorial Board) – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Business Law, Civil and Arbitration Procedure, Perm State University, Perm;

Gabov Andrey Vladimirovich – Doctor of Juridical Sciences, Corresponding Member of the Academy of Sciences of Russia, Honored Lawyer of the Russian Federation, Chief Researcher of the Business and Corporate Law Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences Moscow;

Golovina Svetlana Yurevna – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Labor Law, The Ural State Law University, Ekaterinburg;

Gongalo Bronislav Mechislavovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Civil Law, The Ural State Law University, Ekaterinburg;

Vavilin Yevgeniy Valeryevich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Vice-Rector of Scientific Affairs, Head of the Department of Family and Housing Law, The Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow;

Yershova Inna Valentinovna – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Entrepreneurial Law, The Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow;

Zaitsev Vladimir Vasilievich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor in the Department of Legal Support of Market Economy, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Honored Lawyer of the Russian Federation, Moscow;

Zapolskiy Sergey Vasilievich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Chief Researcher of the Branch of Administrative Law and Administrative Procedure of the Institute of State and Law, the Russian Academy of Sciences, Honored Lawyer of the Russian Federation, Moscow;

Zuev Sergei Vasilevich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Law Enforcement and National Security, The South Ural State University, Chelyabinsk;

Kochev Vladimir Aleksandrovich – Professor, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Administrative and Constitutional Law, Perm State University, Perm;

Kuznetsova Olga Anatolyevna (Editor in Chief) – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Vice Dean for Scientific Affairs of the Law Faculty, Perm State University, Perm;

Tarkhanov Ildar Abdulhakovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor in the Department of Criminal Law, Research Supervisor of the Law Faculty, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan;

Tolstik Vladimir Alekseevich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Nizhny Novgorod Academy of the Interior Ministry of the Russian Federation, Nizhny Novgorod

EDITORIAL STAFF

Kuznetsova Olga Anatolyevna (Editor in Chief)

– Doctor of Juridical Sciences, Professor, Vice Dean for Scientific Affairs of the Law Faculty, Perm State University, Perm;

Aristov Evgeny Vyacheslavovich – Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor in the Department of Business Law, Civil and Arbitration Process, Perm State University, Perm;

Bezrukov Sergey Sergeevich – Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of Division Research Center for the Study of Investigation of Crimes Issues Federal Public Establishment, National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, Moscow;

Valeev Damir Khamitovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor in the Department of Business Law, Civil and Arbitration Procedure, Perm State University, Perm; Vice Dean of the Law Faculty, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan;

Vasileva Yuliya Valerevna – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Labor and International Law, Perm State University, Perm;

Kaplunov Andrei Ivanovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Scientific School «Administrative and Administrative-Procedural Activity of the Ministry of Internal Affairs of Russia», Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint-Petersburg;

Komissarova Elena Genrikhovna – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor in the Department of Civil Law, Perm State University, Perm;

Lipinsky Dmitriy Anatolyevich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor in the Department of Constitutional and Administrative Law, Togliatti State University, Togliatti;

Lopashenko Natalya Aleksandrovna – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor of the Department of Criminal and Criminal Executive Law, Saratov State Law Academy, Saratov;

Matveev Anton Gennadievich – Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor in the Department of Civil Law, Perm State University, Perm;

Neznamova Zinaida Aleksandrovna – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Ural State Law University, Ekaterinburg;

Pastukhov Pavel Sysoevich – Doctor of Juridical Sciences, Professor in the Department of Criminal Procedure and Criminology, Perm State University, Perm;

Polyakov Sergei Borisovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Perm State University, Perm;

Romanovskiy Georgiy Borisovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Criminal Law, Penza State University, Penza;

Stahov Aleksandr Ivanovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Administrative Law and Procedure, Russian State University of Justice, Moscow;

Fedorova Marina Yurevna – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Adviser of the Constitutional Court of the Russian Federation, Saint-Petersburg

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Крушанова Л. А.* Борьба правоохранительных органов с бандитизмом на Дальнем Востоке в послевоенные годы 7
- Паршина Н. В.* Историко-юридический опыт функционирования судебных учреждений на Кубани в 1827–1869 годах (по материалам правоприменительной практики) 25

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Асадуллин М. Р.* О корпорациях в спорте 38
- Волков А. В., Демиева А. Г.* Правовая природа цифрового товара в современных экономических реалиях 54
- Кузнецова О. А., Сенотрусова Е. М.* О правовой природе и пределах ограничения и приостановления предоставления коммунальных услуг в случае их неполной оплаты потребителем 61
- Пучков В. О.* Неустойка в частном праве континентальной Европы: историко-методологический очерк 75
- Райников А. С.* Свобода переговоров как самостоятельный аспект принципа свободы договора: содержание и пределы 97

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Кочев В. А.* Конституционно-правовые основы институционализации федеральных территорий 111
- Худолей Д. М.* Избирательная система как мера выборов 128
- Эйриян Г. Н.* На пути к первой конституции: начальный этап формирования советской земельной политики 141

УГОЛОВНО- ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Кузьменков В. А.* Влияние экологической ситуации на преступность в мире и в регионах Российской Федерации 153
- Чудин Н. М., Корж П. А.* Экстремизм и одна из форм его проявления 166
- Правила направления и опубликования научных статей в EX JURE* 180

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

<i>Krushanova L. A.</i> The Fight Against Banditry of Law Enforcement Agencies in the Far East in the Post-War Years	7
<i>Parshina N. V.</i> Historical and Legal Experience of Functioning of Judicial Institutions in the Kuban in 1827–1869 (Based on the Materials of Law Enforcement Practice)	25

PRIVATE LAW (CIVIL) SCIENCES

<i>Asadullin M. R.</i> About Corporations in Sports	38
<i>Volkov A. V., Demieva A. G.</i> The Legal Nature of Digital Goods in Modern Economic Realities	54
<i>Kuznetsova O. A., Senotrusova E. M.</i> About The Legal Nature and Limits of the Restriction and Suspension of the Provision of Public Services in Case of Incomplete Payment by the Consumer	61
<i>Puchkov V. O.</i> Contractual Penalty in Continental Private Law: Historico-Methodological Outline	75
<i>Raynikov A. S.</i> Freedom of Negotiation as a Separate Aspect of the Principle of Freedom of Contract: Content and Limits	97

PUBLIC LAW SCIENCES

<i>Kochev V. A.</i> Constitutional and Legal Framework of the Institutionalization of Federal Territories	111
<i>Khudoley D. M.</i> Electoral System as a Measure of Elections	128
<i>Eyrian G. N.</i> On the Way to the First Constitution: Land Policy in the First Months of Soviet Power.....	141

CRIMINAL LAW SCIENCES

<i>Kuzmenkov V. A.</i> Influence of Ecological Situation on Crime in the Countries of the World and in Subjects of the Russian Federation	153
<i>Chudin N. M., Korzh P. A.</i> Extremism is One of Its Forms	166
<i>Rules of Submission and Publication Scientific Articles in EX JURE</i>	181

Борьба правоохранительных органов с бандитизмом на Дальнем Востоке в послевоенные годы

Л. А. Крушанова

Кандидат исторических наук, доцент кафедры правового регулирования бизнеса и гражданского судопроизводства

Московский финансово-промышленный
университет «Синергия»
127015, Россия, г. Москва, Ленинградский пр-т, 80г

E-mail: larrie@list.ru

Аннотация: *статья посвящена проблеме борьбы с бандитизмом в послевоенные годы на Дальнем Востоке. Специфика региона, связанная с наличием в нем богатых природных ресурсов, в которых страна испытывала острую потребность, слабой заселенностью и дефицитом трудовых ресурсов, определила высокую концентрацию здесь спецконтингентов – военнопленных, военнослужащих и лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях. Автором рассматривается численность преступных группировок, причины и условия их появления, методы борьбы правоохранительных органов с бандитами и ликвидации бандформирований. По мнению автора, весьма высокий уровень уголовных преступлений, характерный для региона, был обусловлен тем, что банды состояли не только из уголовников, сбежавших из лагерей Дальстроя и не пойманных своевременно, но также из военнопленных и военнослужащих. Кроме них на Южном Сахалине орудовали отряды «Боётай», объединявшие бывших японских военнопленных и членов военизированных формирований.*

Ключевые слова: *уголовный бандитизм; правоохранительные органы; Дальний Восток*

The Fight Against Banditry of Law Enforcement Agencies in the Far East in the Post-War Years

L. A. Krushanova

Moscow Financial and Industrial University "Synergy"
80g, Leningradsky prospekt, Moscow, 127015, Russia

E-mail: larrie@list.ru

Abstract: *the article is devoted to the problem of combating banditry in the post-war years in the Far East. Being a specific region characterized by the presence of rich natural resources, in which the country was in dire need, low population and a shortage of labor resources, led to a high concentration of special agents in the region – prisoners of war, military personnel and persons held in penitentiary institutions. A special place in this list was occupied by the Japanese population repatriated from Southern Sakhalin and the Kuril Islands. It was from these categories of persons who were in the Far East that gangs were formed. In the article, the author examines the number of bandit groups, the causes and conditions of their appearance, methods of law enforcement agencies' struggle with bandits and the elimination of bandit manifestations. The author revealed that the region was characterized by a fairly high level of criminal banditry, consisting not only of criminals who escaped from the Dalstroy camps and were not caught in a timely manner, but also prisoners of war and servicemen. Besides them, Boetai detachments consisting of former Japanese servicemen and members of paramilitary formations operated on Southern Sakhalin.*

Keywords: *criminal banditry; law enforcement agencies; the Far East*

Проблема уголовного бандитизма традиционно вызывает определенный интерес не только у исследователей и практиков – специалистов, которые ежедневно борются с преступностью, но и у обывателей. Если для первой категории интересантов важно выявить причины динамики данного вида преступления, то есть ее криминогенные факторы, то внимание граждан к этой проблеме вызвано потребностью в безопасности – личной и имущественной.

Ухудшение криминогенной ситуации, особенно в трансформационные периоды, будь то война, послевоенные годы, распад государства или вхождение в его состав новых территорий, негативно отражается как на состоянии общества в целом, так и на стабильности самого государства как важнейшего политического института, призванного бороться с преступностью.

Борьба советских правоохранительных органов с преступностью в целом и с бандитизмом в частности в послевоенные годы получила освещение во многих видах и жанрах литературы: научные исследования – от статей до диссертаций, публицистика, мемуары, художественная литература с достаточной исторической точностью описывали происходившее¹. Но в большинстве своем работы были посвящены либо ситуации в стране, либо регионам, имеющим этнополитическую специфику².

Приходится констатировать, что научные исследования деятельности правоохранительных органов на Дальнем Востоке охватывают преимущественно до-революционный период (Е. В. Гамерман) и 1920–30-е годы (А. В. Милежик, Т. А. Орнацкая, Н. А. Шабельникова, Е. С. Ширина). Количество работ, посвященных деятельности правоохранительных органов в послевоенный период, крайне ограничено (В. Ж. Дорохов, А. В. Жадан, В. В. Синиченко, М. В. Чепик), что, по нашему мнению, вызвано сложностью сбора материалов, находящихся в архивах разных ведомств и российских субъектов. Отдельные сюжеты по борьбе с бандитизмом на Дальнем Востоке нашли отражение в трудах Д. А. Кузнецова, И. Д. Бацаева и А. П. Пирагиса³, а также в коллективных монографиях, посвященных истории Дальнего Востока во второй половине 1940-х годов⁴. Анализ существующих работ позволяет сделать вывод о том, что тема деятельности правоохранительных органов, направленной на борьбу с бандитизмом в Дальневосточном регионе в послевоенные годы, не получила должного освещения.

¹ Например, детектив братьев Вайнеров «Эра милосердия», в котором повествуется о борьбе московской милиции и прокуратуры с уголовными элементами, расплодившимися во время войны и послевоенной разрухи. В основу романа легла реальная история банды Ивана Митина из Красногорска. По этому произведению С. Говорухин снял художественный фильм «Место встречи изменить нельзя» (1979). Будучи ребенком войны, режиссер с документальной точностью воспроизвел быт послевоенных лет и практики выживания, в частности подростковую спекуляцию билетами в кино или обмен 200 граммов конфет на 2 килограмма макарон.

² Например, в Западной Украине, Белоруссии, Прибалтике и на Северном Кавказе кроме уголовного бандитизма распространенным явлением был политический бандитизм в виде политически мотивированного вооруженного подполья.

³ Кузнецов Д. А. Организация охраны правопорядка и борьба с преступностью на Южном Сахалине (1945–1950 гг.) // Россия и АТР (Владивосток). 2009. № 2. С. 101–109; Бацаев И. Д. Особенности промышленного освоения Северо-Востока России в период массовых политических репрессий (1932–1953). Дальстрой. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002; Пирагис А. П. От нагана до компьютера: история камчатской полиции и милиции (XVIII–XX): в 2 ч. Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2005.

⁴ Исторические проблемы социально-политической безопасности российского Дальнего Востока (вторая половина XX – начало XXI в.). Кн. 1: Дальневосточная политика: стратегии социально-политической безопасности и механизмы реализации / А. С. Ващук, А. Е. Савченко, Ю. Н. Ковалевская и др.; под общ. ред. А. С. Ващук. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014; Мир после войны: дальневосточное общество в 1945–1950-е гг. / А. С. Ващук, С. Г. Коваленко, Е. Н. Чернолуцкая; под общ. ред. В. Л. Ларина // История Дальнего Востока России. Т. 3, кн. 4. Владивосток: Дальнаука, 2009.

Великая Отечественная война оказала влияние на все стороны жизни советского общества. Победа народа в этой войне предопределила дальнейшую модель развития советского государства, общества и частной жизни граждан. Закаленный на фронте и в тылу, народ с новыми силами взялся за восстановление хозяйства страны, строительство городов, сел, предприятий и отраслей экономики.

Однако трудности реализации планов восстановления государства усугублялись и негативными социальными последствиями войны. Одним из таких последствий было моральное состояние общества. С одной стороны, как правомерно отмечает Е. С. Сенявская, ценой огромного морального и физического напряжения почти четырех лет войны советский народ «не сломался»⁵; с другой стороны, массовая демобилизация, когда вчерашние фронтовики оказались выброшены в ставшую уже непривычной для них гражданскую среду, и тяжелейшие условия всеобщей разрухи приводили в мирной жизни к агрессии и силовым методам как способу разрешения личных проблем⁶. Все это способствовало росту послевоенной преступности, особенно бандитизма. Опираясь на архивные данные, можно констатировать, что за период с 1940 по 1947 год количество таких преступлений в СССР увеличилось в 5,4 раза, грабежей и разбоев – в 2,4 раза. Причем наибольший их рост пришелся на 1945–1947 годы⁷.

Государство на послевоенные вызовы ответило ужесточением мер по охране общественного порядка, личной безопасности граждан, социалистической собственности и личного имущества. Среди прочего законодатель использовал традиционные методы, апробированные еще в дореволюционный период: организацию паспортной системы и изоляцию преступников. Особое внимание правительство вынуждено было уделить вопросам содержания и охраны военнопленных и интернированных, привлечения их к различным видам работ.

Серьезное беспокойство у властей всех уровней вызывали масштабы бандитизма и действий повстанческих формирований, представлявших угрозу послевоенной стабилизации государства и общества, особенно в приграничных районах СССР. Свое отношение к данному виду преступления советская власть обозначила еще в первые дни своего существования, поскольку,

⁵ Сенявская Е. С. Фронтовое поколение Великой Отечественной: социально-психологический феномен. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/frontovoe-pokolenie-velikoy-otechestvennoy-sotsialno-psihologicheskij-fenomen>.

⁶ Она же. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999. С. 81.

⁷ Мир после войны: дальневосточное общество в 1945–1950-е гг. С. 440.

совершая убийства, уничтожая государственное, общественное и личное имущество граждан и сопровождая все это крайне жестокими формами насилия, бандиты, будучи устойчивыми в своей преступно-насильственной деятельности, подрывали доверие не только к советской власти в целом, но и к институту государства в частности. Уже в первых законодательных актах политическое руководство страны продемонстрировало жесткое отношение к бандитам, установив для них наказание в виде смертной казни. В дальнейшем это нашло закрепление в Уголовных кодексах (УК) РСФСР 1922 и 1926 годов, определивших состав бандитизма и ответственность за его совершение и признанных базовыми для всех последующих законодательных трансформаций. Уголовно наказуемое деяние «бандитизм» законодатель поместил в главу 1 Особенной части «Государственные преступления», таким образом отнеся его к преступлениям, направленным против государства⁸.

После окончания войны в советском уголовном праве, как полагает П. В. Максимов, произошло разделение квалификационных характеристик между «уголовным бандитизмом» и «политическим бандитизмом»⁹. По мнению исследователя, это нашло отражение в указах Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и «Об усилении охраны личной собственности граждан», в которых законодатель предпринял попытку отделить бандитизм, совершаемый с корыстными целями, от бандитизма, преследующего цели политические, то есть направленного против власти и управления. Квалификационные признаки уголовного бандитизма были определены в следующей формулировке: организованная группа (шайка), состоящая не менее чем из двух членов, при этом хотя бы один из них вооружен (огнестрельное оружие, нож, кастет и пр.), объединившаяся для совершения насильственных преступлений (убийство, покушение на убийство, разбой) с корыстными целями (хищение государственного, общественного или личного имущества граждан). Позволим себе не согласиться с позицией автора в этой части, поскольку считаем, что законодательного разделения уголовного и политического бандитизма не произошло. Об этом свидетельствует сохранение статьи 59³ УК РСФСР 1922 года в разделе, посвященном государственным преступлениям. Что же

⁸ Максимов П. В. Признаки бандитизма в динамике концептуальных подходов и уголовно-правового регулирования // Вестник экономической безопасности. 2022. № 2. С. 116. См. также: Меньшагин В. Д., Вышинская З. А. Советское уголовное право. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1950. С. 251–255.

⁹ Максимов П. В. Указ. соч. С. 117.

касается правоприменительной практики, то в отношении лиц, совершавших корыстно-насильственные преступления в составе организованной группы, применялись санкции, предусмотренные и статьей 59³ УК РСФСР 1922 года, и вышеназванными указами. В то же время Р. Н. Таймасов правомерно отмечает, что сложившееся в науке уголовного права понятие шайки практически ничем не отличалось от понятия банды, а после указов от 4 июня 1947 года широко стал употребляться термин «организованная группа (шайка)»¹⁰.

Основная нагрузка в борьбе с бандитизмом традиционно легла на плечи органов внутренних дел и безопасности. Перед МВД стояли традиционные задачи – бороться с бандитизмом, повстанческими формированиями, уголовной преступностью и хищениями социалистической собственности, детской беспризорностью и безнадзорностью, охранять общественный порядок и личную безопасность граждан СССР. В этих условиях важное значение приобретала деятельность по организации паспортной системы. Институт прописки в СССР по месту постоянного или временного жительства позволял государству контролировать трудовую и учебную занятость, передвижение и перемещение населения в случае смены места жительства, а при необходимости разыскать человека по месту жительства, если он совершил преступление или уклонялся от общественно полезного труда.

Особая значимость Министерства внутренних дел СССР была связана и с другим видом его деятельности – обеспечением изоляции преступников, военнопленных и интернированных, их трудовым использованием, содержанием и охраной, поскольку пенитенциарная система являлась в те годы неотъемлемой составляющей МВД. Будучи встроенным в народное хозяйство страны, это министерство решало народнохозяйственные задачи, такие как строительство оборонительных рубежей, военно-морских баз, аэродромов, заводов и предприятий промышленности, железных и шоссейных дорог, жилья, промышленная добыча золота, олова, никеля, угля и т.п. Как и вся страна, каждый исправительно-трудовой лагерь (ИТЛ) имел свой план выработки, почти каждый осужденный участвовал в социалистическом соревновании.

Решение поставленных перед МВД задач по обеспечению безопасности государства, общества и граждан, а также по выполнению народнохозяйственных планов в определенной степени зависело от кадрового обеспечения. Как и другие министерства, МВД в своих краевых и областных управлениях

¹⁰ Таймасов Р. Н. Правовое регулирование борьбы с бандитизмом в Советском государстве 1917–1958 гг. (историко-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 8–9.

испытывало сильнейший кадровый дефицит (примерно 15 %¹¹). Массовая демобилизация военных снижала остроту проблемы, но в полной мере ее не решала. В отличие от строек народного хозяйства и добывающих отраслей, где дефицит кадров закрывался за счет принудительной рабочей силы – военнопленных, интернированных и заключенных, для правоохранительных органов такой способ кадрового обеспечения был неприемлем. Поэтому приходилось использовать внутренние резервы, реорганизуя и реструктурируя систему. Так, в январе 1946 года был расформирован Отдел проверочно-фильтрационных лагерей Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) СССР и его функции переданы в Главное управление исправительно-трудовых лагерей (ГУЛАГ) НКВД СССР, а 16 мая 1946-го упразднены Административный отдел Главного управления милиции и его органы на местах с последующей передачей их функций паспортному отделу ГУМ МВД и его местным органам.

Правительство усиливало кадровый состав органов внутренних дел в надежде на то, что структурные изменения будут способствовать мобилизации сил в борьбе с преступностью. В том же 1946 году краевые и областные подразделения НКВД были преобразованы соответственно в краевые и областные управления МВД СССР. Например, Приморское краевое управление НКВД стало называться Приморским краевым управлением МВД СССР¹². Аналогичные мероприятия проводились и в Хабаровском крае. Однако сам процесс реорганизации Хабаровского краевого управления оказался более трудоемким, поскольку в его состав, кроме собственно Хабаровского края, входили Амурская, Камчатская, Сахалинская и Магаданская области (в современных границах), ставшие в 1948 году самостоятельными областями.

Определенную сложность представляла территория Сахалинской области, являвшаяся на тот момент частью Хабаровского края. Возвращенные в 1945 году в состав СССР после почти сорокалетнего колониального владения Японией Южный Сахалин и Курильские острова требовали изначального выстраивания советской системы государственного управления. Это была специфическая территория: конфликт между японским и корейским населением; появившиеся отряды японских военных «Боётэй», не примирившиеся

¹¹ Согласно исторической справке официального сайта МВД, например, на 30 декабря 1945 года по штатам органов НКВД (без войск) числилось 993 072 человека (фактически было укомплектовано 846 022); по штатам Центрального аппарата НКВД СССР числилось 9530 человек (фактически было укомплектовано 8577); по штатам в войсках НКВД СССР числилось 680 280 человек (фактически было 655 370). URL: https://мвд.рф/history/1940_1966.

¹² Управление МВД России по Приморскому краю: офиц. сайт. URL: http://25.mvd.ru/gu_mvd/istoriya/.

с поражением Японии во Второй мировой войне; наконец, как фактор приграничной территории, высокая концентрация специальных контингентов (советские военнослужащие и бывшие советские военнопленные¹³). Поэтому создание правоохранительных и административных органов стало одной из первоочередных задач, от решения которой зависело скорейшее включение Южного Сахалина и Курильских островов не только территориально, но и политически.

В мае 1947 года было образовано единое сахалинское МВД с дислокацией в городе Южно-Сахалинске. Необходимость его образования во вновь присоединенной южной части Сахалина диктовалась прежде всего тем, что через систему организованной миграции населения, расходы на которую государство взяло на себя, на остров попадали люди, желавшие скрыться от уголовного преследования. Несмотря на то что организованных мигрантов и сельхозпереселенцев проверяли в местах выхода на причастность к «криминальному миру», до конца советского периода эта проблема оставалась неизменной, хотя ее острота за десятилетия снизилась.

Советская система организованных переселений на Дальний Восток формировала определенные требования к таким мигрантам. Поскольку данная территория повсеместно имела статус «ЗП» – «пограничная зона», въезд на нее лицам, имевшим судимость, был ограничен. Тем не менее в регион регулярно пребывали граждане, использовавшие государственную поддержку в переселении как способ скрыться от закона. Сахалинский исследователь К. Е. Гапоненко указал, что в 1947 году в числе прибывших на Сахалин по набору были 143 уголовника, 74 государственных преступника, 488 злостных неплательщиков алиментов¹⁴. Выявление такого количества криминальных элементов еще на этапе въезда на остров имело положительное влияние, значительно снизив здесь в дальнейшем уровень криминогенности.

В этих условиях нельзя недооценивать работу сотрудников всех служб Управления внутренних дел (УВД) области, и в первую очередь паспортного стола и уголовного розыска. Последнему уделялось особое внимание, поскольку на него возлагалась работа по борьбе с тяжкими и особо тяжкими преступлениями: убийствами, кражами, хулиганством, мошенничеством, половыми преступлениями, детской преступностью и т.д. Уже в конце августа и в

¹³ См. об этом подробнее: Крушанова Л. А. Миграционная политика СССР на Дальнем Востоке (середина 1940-х – 1970-е гг.) / отв. ред. А. С. Ващук. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. С. 17–46.

¹⁴ Гапоненко К. Е. Вслед за ушедшим днем: Очерки о сахалинских переселенцах 1946–1952 годов. Южно-Сахалинск: Сахалин. обл. тип., 1998. С. 29.

течение сентября 1945 года на юг острова были направлены группы сотрудников УНКВД Сахалинской области, усиленные воинскими соединениями, прибывшими из Амурской области и Приморского края. Серьезные шаги были предприняты для формирования штата Оперативного отдела внутренних дел Южного Сахалина, численность которого на начальном этапе составляла 30 человек. Уже через несколько месяцев Оперативный отдел был реорганизован в Отдел внутренних дел (ОВД) Южного Сахалина, увеличена численность практически всех его подразделений, а общее количество сотрудников возросло до 148 человек¹⁵. Значительным был и штат уголовного розыска УВД Сахалинской области, насчитывавший 90 сотрудников¹⁶. И все же несмотря на увеличение штатной численности сотрудников ОВД, по-прежнему остро ощущался дефицит квалифицированных специалистов. С целью снижения кадрового голода, особенно переводчиков восточных языков – японского и корейского, что для Сахалина было актуально, 14 апреля 1948 года ЦК ВКП(б) принял постановление «О политической и культурно-просветительской работе среди корейского населения Дальнего Востока», согласно которому из Узбекистана на Сахалин были направлены 24 учителя-корейца¹⁷, депортированные из Приморья в 1938 году (не будь данного постановления, эта категория переселенцев ни при каких условиях не могла бы переехать на Сахалин). Даже в Отделе по делам о военнопленных и интернированных Хабаровского края к началу декабря 1945 года 20,4 % должностей оставались вакантными¹⁸.

Кроме оргмигрантов, которые, по заключению работников милиции, совершали больше преступлений, чем корейцы и японцы¹⁹, много проблем создавали советские военнослужащие, совершавшие преступления в районах дислокации воинских частей, что развенчивало благочестивый образ советского воина, сформировавшийся у иностранцев во время боевых действий в Европе, северной части Корейского полуострова и Северо-Восточном Китае. Работа по борьбе с преступностью военнослужащих, которые за первые шесть

¹⁵ Жадан А. В. Органы НКВД Хабаровского края в период заключительного этапа Второй мировой войны и первое послевоенное время (июнь – декабрь 1945 г.) // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2021. Т. 5, № 1. С. 192.

¹⁶ Управление МВД России по Сахалинской области: офиц. сайт. URL: <http://65.mvd.ru/gumvd/history/>.

¹⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 132. Д. 367. Л. 85.

¹⁸ Жадан А. В. Указ. соч. С. 193.

¹⁹ Щеглов В. В. Население Сахалинской области в XX веке: моногр. Южно-Сахалинск: Изд-во ЮСИЭПИ, 2002. С. 74.

месяцев 1948 года совершили более 100 различных преступлений, в том числе 9 бандитских налетов, 20 убийств, 17 грабежей, 80 краж, тоже легла на плечи сотрудников уголовного розыска²⁰.

Победа СССР в войне и необходимость восстановления народного хозяйства обусловили появление как советских военнопленных, так и военнопленных Германской и Квантунской армий, что требовало создания новых организационных структур. Согласно справке, содержащей сведения о ходе репатриации советских граждан из английской и американской оккупационных зон, расположенных в Западной Германии, по состоянию на 1 декабря 1945 года было выявлено 1 175 367 бывших советских военнопленных²¹. Численность японских военнопленных, находившихся на территории СССР к моменту окончания военных действий, достигла 639 776 солдат и офицеров²². На учет также были взяты гражданские лица – советские, оказавшиеся за пределами СССР в годы войны либо как беженцы, либо как остарбайтеры, и японские и корейские, оказавшиеся на Сахалине после присоединения к СССР острова по результатам окончания Второй мировой войны. Поэтому в числе важнейших задач НКВД стояла организация лагерей для японских военнопленных и проверочно-фильтрационных лагерей с последующим формированием трудотрядов для бывших советских военнопленных, репатриированных из стран Западной Европы, а также проведение в отношении них фильтрационных мероприятий для выявления лиц, состоявших в связи или на службе у фашистов. С этой целью в Хабаровске, Благовещенске, Николаевске-на-Амуре и Александровске организовали специальные проверочные комиссии, которым подчинялись оперативные группы по проверке репатриантов²³.

Таким образом, послевоенное реформирование органов внутренних дел отражало текущую ситуацию в стране, обусловленную окончанием войны, включением в состав СССР Сахалинской области, появлением на Дальнем Востоке новых специальных контингентов: военнопленных из числа советских граждан и иностранных военнослужащих, интернированных, организованных мигрантов – сельхозпереселенцев и орграбочих, наличие которых в той или иной степени влияло на уровень политической и социальной стабильности и безопасности в регионе.

²⁰ Мир после войны: дальневосточное общество в 1945–1950-е гг. С. 450.

²¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9526. Оп. 6. Д. 91. Л. 118.

²² Крушанова Л. А. Указ. соч. С. 113.

²³ Жадан А. В. Указ. соч. С. 194.

После войны Дальний Восток стал территорией повышенного внимания руководства страны, поскольку в регионе были сосредоточены в больших количествах разнообразные природные и ископаемые ресурсы, необходимые для страны в целом и восстановления народного хозяйства в частности: лес, рыба, золото, уголь... При этом регион испытывал дефицит трудовых ресурсов, который государство стремилось покрыть, организуя добровольное переселение и принудительные миграции. По данным отчетов переселенческих отделов Сахалинской области, только в мае – июне 1946 года для работы в рыбной, лесной и сельскохозяйственных отраслях прибыло 10 792 трудоспособных гражданина²⁴.

Среди прибывших на Сахалин не все готовы были трудиться в соответствии с трудовым договором. Как ранее уже упоминалось, в их числе были и те, кто имел проблемы с законом и не планировал отказываться от своей преступно-профессиональной деятельности. Не имея легальных источников дохода и официального места жительства, эти «оргмигранты», чтобы выжить в довольно сложных природно-климатических и социальных условиях, организовывались в преступные сообщества, совершали кражи, а нередко и убивали прохожих с целью грабежа. В 1946–1947 годах бандитизм, разбой и грабежи возросли вдвое, а хищения государственной собственности за год увеличились на 43,7 %²⁵. Хотя более распространенным оставалось мелкое воровство одежды и продуктов питания, наибольший всплеск которого был обусловлен голодом, вызванным неурожаем по причине сильнейшей засухи 1946 года. Даже государственная поддержка населения, особенно аграрного, не смогла снизить остроту этой социальной проблемы, о чем писал в своей докладной записке министр заготовок СССР Б. А. Двинский заместителю председателя Совета Министров СССР А. И. Микояну²⁶.

Государство в Дальневосточном регионе, как и в целом по стране, столкнулось с образованием уголовных банд. На Дальнем Востоке их насчитывалось 338, что сопоставимо с численностью банд в Сибири, на Урале и Приуралье (в совокупности 377) и в три раза больше, чем в Средней Азии и Казахстане (110)²⁷. Однако данные Дж. Бурдса о долевом распределении в послевоенный период уголовно-криминальных банд свидетельствуют о том, что на Дальнем Востоке их количество достигало 3 %. Примерно это сопоставимо с долей населения, проживавшего в регионе²⁸.

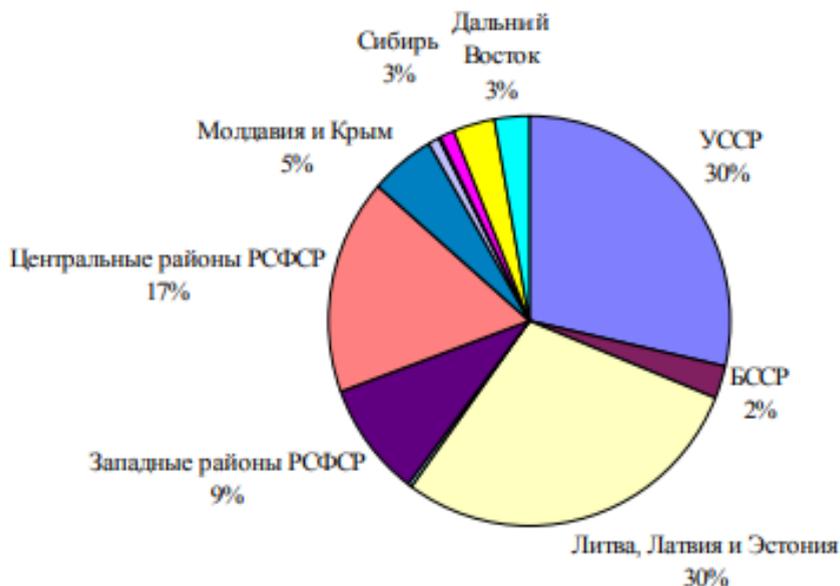
²⁴ Крушанова Л. А. Указ. соч. С. 75.

²⁵ Бурдс Дж. Советская агентура. Очерки истории СССР в послевоенные годы (1944–1948). Москва; Нью Йорк: Современная История, 2006. С. 18.

²⁶ Крушанова Л. А. Указ. соч. С. 43.

²⁷ Мир после войны: дальневосточное общество в 1945–1950-е гг. С. 441.

²⁸ Бурдс Дж. Указ. соч. С. 16.

Распределение социального бандитизма по районам, 1946 г.

С увеличением численности пенитенциарного населения, что было связано в том числе с ужесточением карательной политики Советского государства, в период с 1930 по 1955 год наблюдается количественный рост лагерного бандитизма. В этом отношении Дальний Восток можно охарактеризовать как территорию с высокой концентрацией учреждений пенитенциарной системы. Крупнейшей структурой был Дальстрой. Численность заключенных и военнопленных здесь на 15 октября 1947 года составляла 113,5 тыс. человек, в начале 1952-го – 189 тыс.²⁹

Столь высокая концентрация спецконтингентов, находившихся в лагерях Дальстроя, и нехватка кадров, обеспечивавших их охрану, привели к тому, что нарушение условий их содержания приобрело массовый характер. Наиболее распространенным явлением были грубейшие нарушения лагерной администрацией приказов, распоряжений и инструкций, регламентирующих размещение, режим содержания заключенных, а также невыполнение указаний о надежной изоляции различных категорий уголовного рецидива. Ситуацию усугубляло поощрение и распространение опыта привлечения к сотрудничеству по «наведению порядка» в местах лишения свободы

²⁹ Бацаев И. Д. Указ. соч. С. 133, 136, 151, 153, 156.

представителей уголовного рецидива, допуск их на работу в хозобслужбу и на низовые административно-производственные должности и создание таким образом благоприятной обстановки для их преступной деятельности³⁰.

Бесконтрольное расконвоирование заключенных, отсутствие оборудования зон, вышек, освещения и т.д. провоцировали массовые побеги. Например, из Тенькинского ГПУ за десять месяцев 1948 года (с 1 января по 1 ноября) было совершено 1133 побега, задержано 3830 заключенных³¹. Те, кого задержать не удалось, сбивались в уголовные банды, отличавшиеся особой жестокостью. И. Д. Бацаев цитирует архивные документы: «Беглецы, совершившие побеги из лагерей Дальстроя, особенно в районах Якутской АССР и Чаунском, Анадырском районах Камчатского округа, грабят, истребляют колхозный скот... организуют банды, терроризируют местное население»³². Если на территории западных областей РСФСР на 1087 бандпроявлений пришлось 203 убитых и 57 раненых, то на 338 дальневосточных банд – 136 убитых и 58 раненых (1,6 % всех погибших от рук бандитов)³³.

Такие побеги отличались организованностью, тщательной подготовкой и осуществлялись, как правило, с разоружением и убийством. В июле 1949 года из 60 побегов из ИТЛ Дальстроя 18 были групповыми, в том числе 4 вооруженных с убийством стрелков внутренней охраны. Особой жестокостью выделялась банда Лошкарева, в составе которой насчитывалось 11 человек: 1 апреля 1949 года они убили рабочего Иванникова, нанеся ему 17 ножевых ран, 25 мая организовали вооруженный налет на квартиру начальника санчасти прииска «Комсомолец» и совершили ряд других преступлений³⁴. Годом ранее сбежала группа из 12 заключенных, убив двух дежурных и забрав револьвер с боевыми патронами и винтовки. Вооружившись, они совершили налет на помещение взвода Северного военно-строительного отряда, убили и разоружили дежурного, а затем скрылись в сопках. Совместными силами оперативных работников уголовного розыска, военизированной охраны и конвойных войск МВД в течение 12 дней (июль – август 1948 года) эта банда была ликвидирована³⁵.

³⁰ Таймасов Р. Н. Указ. соч. С. 9.

³¹ Бацаев И. Д. Указ. соч. С. 136.

³² Там же. С. 153.

³³ Мир после войны: дальневосточное общество в 1945–1950-е гг. С. 442.

³⁴ Бацаев И. Д. Указ. соч. С. 153.

³⁵ Управление МВД по Магаданской области: офиц. сайт. URL: <http://49.mvd.ru/gumvd/history/>.

Политика принудительного трудоустройства провоцировала социальный протест и среди интернированных советских военнопленных. Одной из таких банд была группа, сформировавшаяся из бывших военнопленных. С октября 1945 года в Оборском леспромхозе (район им. Лазо Хабаровского края) трудился 24-й отдельный рабочий батальон в количестве 984 человек и 10 офицеров. В 1946 году администрация объявила, что теперь они являются постоянными рабочими и домой отпущены не будут. После этого около половины состава батальона прекратило выходить на работу и занялось сбором и торговлей орехами. Ситуация выходила из-под контроля, и секретарь райкома ВКП(б) им. Лазо М. Щелканов вынужден был доложить секретарю Хабаровского крайкома Р. К. Назарову, что «командный состав батальона сжился с бойцами, совместно пьянствуют... Из 984 чел. 145 чел. сбежало (дезертировало), а из оставшихся 839 чел. 50 % не работают, занимаются сбором орехов и продажей их в г. Хабаровске». Среди так называемых «орешников» были отмечены случаи избиений и даже убийства³⁶.

Органы внутренних дел приступили к борьбе с бандитизмом на территории вновь образованной Южно-Сахалинской области. Здесь банды имели многочисленное вооружение, что усиливало у населения страх перед ними и требовало принятия особых мер по их ликвидации. Как пример политической акции можно назвать убийство бандитами в октябре 1945 года капитана контрразведки «Смерш» Н. Земляницкого. Весной 1946 года в 50 километрах от поселка Котон (Победино, ныне входит в состав Смирныховского городского округа) и на территории Томаринского района с помощью местных жителей из числа корейского населения были обнаружены замаскированные в лесу японские склады и тайники с большим количеством стрелкового оружия, боеприпасов и обмундирования, которые были уничтожены. В том же 1946 году органы ликвидировали 13 вооруженных банд (общей численностью 60 человек), состоявших из бывших японских военнослужащих и членов военизированных формирований – отрядов «Боётая». К высшей мере наказания было приговорено четверо, остальные – на срок от 6 до 25 лет³⁷.

Если в западных приграничных районах СССР ситуация характеризовалась высокой концентрацией бандитизма и грабежей, связанных с наличием антисоветских формирований, в крупных центральных городах – с действиями

³⁶ Государственный архив Хабаровского края. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 236. Л. 97–98.

³⁷ Кузнецов Д. А. Указ. соч. С. 104–105.

уголовных банд, то на Дальнем Востоке положение обострялось большой численностью и плотностью исправительно-трудовых лагерей, использованием уголовного элемента на стройках и в леспромхозах. В июне – июле 1947 года на территорию северных районов Амурской области – Верхнебуреинского и Селемджинского – была направлена большая партия бывших заключенных. Администрация предприятий и органы милиции контролировали ситуацию, но все равно происходили очень серьезные конфликты, когда бойцы вынуждены были применить оружие³⁸. О ежедневных трудностях противодействия преступности и бандитизму вспоминал один из сотрудников Камчатского уголовного розыска И. И. Олейник: «Работать было трудно, сутками не приходил домой. Была большая преступность – бандитизм, разбои, кражи»³⁹.

Специфика исторической ситуации заключалась в том, что в советском уголовном праве в послевоенные годы различий между политическим и уголовным бандитизмом не делалось. Однако уже с 1947 года карательные органы стали их юридически различать, что отразилось на методах и специфике противодействия этому явлению. Так, борьба с политическим бандитизмом была передана в ведение МГБ, а с уголовным – в ведение МВД. В 1946 году образовали Государственное управление по борьбе с бандитизмом (ГУББ МВД СССР). В июне 1947-го последовало переустройство всех карательных органов. С этой целью выделялись помещения, транспорт, другое имущество и денежные средства. Политическое руководство страны особое внимание уделяло укреплению органов на периферии и повышению квалификации кадров. Были открыты две специальные школы в Саратове и Сортавале (Карелия). В системе высшего военно-технического образования ежегодно создавались 180 дополнительных мест для подготовки кадров в управления по борьбе с бандитизмом.

ГУББ представляло разветвленную структуру. Специальные подразделения применяли особые методы для подавления социального и политического бандитизма. В частности, они проводили сбор информации об общественных настроениях населения или оппозиционно настроенных группах (разведка), создав широкую сеть осведомителей, которых внедряли в эти группы (агентурная работа). Некоторые недавно рассекреченные документы позволяют судить о масштабах такого рода деятельности. На 1 января 1952 года, как следует из доклада заместителя начальника Управления уголовного розыска МВД полковника милиции Кирова, «благодаря 10 473 осведомителям в СССР было

³⁸ Мир после войны: дальневосточное общество в 1945–1950-е гг. С. 454.

³⁹ Пирагис А. П. Указ. соч. Кн. 1. С. 72.

раскрыто 2504 преступления и произведено 3713 арестов, в том числе 27 – за убийства, 150 – за грабежи, 1524 – за воровство и хищения, 710 – за другие преступления»⁴⁰. Значимым вклад осведомителей был и в Дальстрое. В результате их деятельности в 1951 году удалось предотвратить 30 вооруженных побегов (204 чел.), 369 групповых (1136 чел.) и 976 одиночных побегов, 262 бандпроявления, 97 случаев хищения золота (27 476 г, дополнительно изъято 72 890 г). К уголовной ответственности привлекли 2189 человек, в том числе 1051 – за побег и 1147 – за бандитизм⁴¹.

Специфическим вызовом в послевоенное время оказалась высокая концентрация воинских частей в Дальневосточном регионе и рост количества преступлений военнослужащих в отношении гражданского населения. Представители местных органов власти могли действовать лишь пассивными методами – в частности, обращались к командованию с просьбой навести порядок на подведомственной им территории. Так, на Сахалине председатель Томаринского райисполкома просил перевести войсковую часть из села Белинского в другой район. В 1948 году Д. Н. Мельник писал командующему Дальневосточным военным округом Н. И. Крылову и министру Вооруженных сил СССР Н. А. Булганину: «...за последнее время распушенность отдельных военнослужащих в некоторых воинских частях дошла до прямого терроризирования гражданского населения. Как это ни странно, у нас... человек в военной форме в ночное время вызывает у рабочих и служащих беспокойство за жизнь и свое имущество. Несмотря на проведение в последнее время целого ряда мероприятий, факты возмутительного поведения военнослужащих продолжаются. За первые шесть месяцев 1948 года на территории Сахалинской области военнослужащими было совершено более 100 различных преступлений, в том числе 9 бандитских налетов, 20 убийств, 17 грабежей, 80 краж». Как правило, такие преступления «провоцировались пьянством»⁴².

Таким образом, специфика Дальнего Востока определяла особенности регионального бандитизма. Он носил исключительно уголовный характер, в том числе на Сахалине, где орудовали банды «Боётай», поскольку их преступная деятельность была направлена на сопротивление установившемуся политическому строю СССР. Высокая концентрация пенитенциарных учреждений, воинских частей, а также большая численность рабочих трудотрядов из

⁴⁰ Бурдс Дж. Указ. соч. С. 29.

⁴¹ Бацаев И. Д. Указ. соч. С. 157.

⁴² Мир после войны: дальневосточное общество в 1945–1950-е гг. С. 450.

числа бывших советских военнопленных, слабая дисциплина, плохие условия содержания и невысокий уровень профессионализма сотрудников, в обязанности которых входили охрана и контроль над ними, создавали условия для побегов и объединения в банды, терроризировавшие местное население. И все же к концу 1940-х годов, несмотря на тяжелые условия работы, сотрудники правоохранительных органов, опираясь на помощь местного населения и осведомителей, большую часть уголовных банд сумели ликвидировать. Особое внимание уделялось вопросам дисциплины, что позволило впоследствии предотвратить побеги заключенных и военнослужащих.

Библиографический список

Бацаев И. Д. Особенности промышленного освоения Северо-Востока России в период массовых политических репрессий (1932–1953). Дальстрой. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002.

Бурдс Дж. Советская агентура. Очерки истории СССР в послевоенные годы (1944–1948). Москва; Нью Йорк: Современная История, 2006.

Гапоненко К. Е. Вслед за ушедшим днем: Очерки о сахалинских переселенцах 1946–1952 годов. Южно-Сахалинск: Сахалин. обл. тип., 1998.

Жадан А. В. Органы НКВД Хабаровского края в период заключительного этапа Второй мировой войны и первое послевоенное время (июнь – декабрь 1945 года) // *Historia provinciae – журнал региональной истории.* 2021. Т. 5, № 1. С. 183–216.

Исторические проблемы социально-политической безопасности российского Дальнего Востока (вторая половина XX – начало XXI в.): моногр. Кн. 1: Дальневосточная политика: стратегии социально-политической безопасности и механизмы реализации / А. С. Ващук, А. Е. Савченко, Ю. Н. Ковалевская и др.; под общ. ред. А. С. Ващук. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014.

Крушанова Л. А. Миграционная политика СССР на Дальнем Востоке (середина 1940-х – 1970-е гг.) / отв. ред. А. С. Ващук. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014.

Кузнецов Д. А. Организация охраны правопорядка и борьба с преступностью на Южном Сахалине (1945–1950 гг.) // *Россия и АТР (Владивосток).* 2009. № 2. С. 101–109.

Максимов П. В. Признаки бандитизма в динамике концептуальных подходов и уголовно-правового регулирования // *Вестник экономической безопасности.* 2022. № 2. С. 115–121.

Меньшагин В. Д., Вышинская З. А. Советское уголовное право. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1950.

Мир после войны: дальневосточное общество в 1945–1950-е гг. / А. С. Ващук, С. Г. Коваленко, Е. Н. Чернолуцкая; под общ. ред. В. Л. Ларина // История Дальнего Востока России. Т. 3, кн. 4. Владивосток: Дальнаука, 2009.

Пирагис А. П. От нагана до компьютера: история камчатской полиции и милиции (XVIII–XX): в 2 ч. Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2005.

Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН), 1999.

Сенявская Е. С. Фронтовое поколение Великой Отечественной: социально-психологический феномен. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fron-tovoe-pokolenie-velikoy-otechestvennoy-sotsialno-psihologicheskij-fenomen>.

Таймасов Р. Н. Правовое регулирование борьбы с бандитизмом в Советском государстве 1917–1958 гг. (историко-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.

Щеглов В. В. Население Сахалинской области в XX веке: моногр. Южно-Сахалинск: Изд-во ЮСИЭПИИ, 2002.

Информация для цитирования

Ex jure

Крушанова Л. А. Борьба правоохранительных органов с бандитизмом на Дальнем Востоке в послевоенные годы // *Ex jure*. 2024. № 3. С. 7–24. DOI: 10.17072/2619-0648-2024-3-7-24

Krushanova L. A. The Fight Against Banditry of law Enforcement Agencies in the Far East in the Post-War Years. *Ex jure*. 2024. № 3. Pp. 7–24. DOI: 10.17072/2619-0648-2024-3-7-24

УДК 340.1

DOI: 10.17072/2619-0648-2024-3-25-37

Историко-юридический опыт функционирования судебных учреждений на Кубани в 1827–1869 годах (по материалам правоприменительной практики)

Н. В. Паршина

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории государства и права

Кубанский государственный университет
350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149

E-mail: natalya.v.parshina2012@yandex.ru

Аннотация: на основе нормативно-правовых актов Российской империи и архивных материалов исследуется система судостроительства и судопроизводства на Кубани в дореформенный период. Проанализирована специфика функционирования сословных учреждений, отправляющих правосудие, а также обозначен критерий разграничения их подсудности, который напрямую зависел от сословной принадлежности участвующих в деле лиц. В частности, на примерах судебной практики показаны особенности гражданского и уголовного судопроизводства, порядок формирования судебных органов. В заключение автор приходит к выводу, что начавшийся в 1827 году процесс законодательного оформления правосудия на Кубани, несмотря на недостатки, свойственные общероссийской судебной системе исследуемого периода, стал значимым этапом в становлении и развитии местных органов юстиции, функционировавших в Кубанской области вплоть до введения Судебных уставов в 1869 году.

Ключевые слова: Черноморское казачье войско; Кубанское казачье войско; судостроительство; судопроизводство; законодательство; судебная практика

© Паршина Н. В., 2024

Historical and Legal Experience of Functioning of Judicial Institutions in the Kuban in 1827–1869 (Based on the Materials of Law Enforcement Practice)

N. V. Parshina

Kuban State University
149, Stavropol'skaya st., Krasnodar, 350040, Russia

E-mail: natalya.v.parshina2012@yandex.ru

Abstract: *on the basis of normative legal acts of the Russian Empire and archival materials, the system of judicial system and judicial proceedings in the Kuban in the pre-reform period is studied. The specifics of the functioning of estate institutions administering justice are analyzed, and the criterion for distinguishing their jurisdiction is indicated, which directly depended on the class affiliation of the persons involved in the case. In particular, the examples of judicial the practice shows the features of civil and criminal proceedings, the procedure for the formation of judicial bodies. In conclusion, the author concludes that the process of legislative registration of justice in the Kuban, which began in 1827, despite a number of shortcomings inherent in the all-Russian judicial system of the period under review, became a significant stage in the formation and development of local justice bodies that functioned in the Kuban region until the introduction of Judicial Charters in 1869.*

Keywords: *Black Sea Cossack army; Kuban Cossack army; judicial system; judicial proceedings; legislation; judicial practice*

С тановление судебных учреждений на Кубани тесно связано с казачеством, которое осваивало этот регион Российской империи с конца XVIII века. Так, в 1778 году¹ Екатериной II был сформирован Кош верных черноморских казаков из числа бывших запорожцев, чьи поселения были уничтожены государыней несколько лет назад, в 1775 году².

¹ Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска: в 4 т. / собр. и изд. И. И. Дмитренко. Т. 2: бумаги императрицы Екатерины II, Потемкина-Таврического, Суворова-Рымникского, Голенищева-Кутузова, де-Рибаса, де-Нассау-Зиген, И. Е. Потемкина, Меллера-Закомельского, Горича, Кречетникова [и др.]. 1787–1795 гг. СПб.: Тип. Штаба отд. корп. жанд., 1896. С. 10.

² Об уничтожении Запорожской сечи, и причислении оной к Новороссийской Губернии: манифест от 3 авг. 1775 г. № 14354.

В 1792 году Черноморскому войску была отведена «в вечное владение» часть приграничных земель для защиты и охраны правобережной Кубани³. Ввиду законодательно установленной сословной замкнутости региона, которая выражалась в ограничении проживания на территории войска представителей неказачьего населения⁴, местное судоустройство и судопроизводство до 1827 года основывались преимущественно на нормах полуофициального законодательства – «Порядка общей пользы»⁵, принятого черноморским старшиной в 1794 году. С 1801 года Павел I контролировал работу судебных учреждений в Черномории через специальные экспедиции⁶.

Полноценное юридическое оформление сословное правосудие на Кубани получило при императоре Николае I – в Положении 1827 года⁷.

Согласно данному акту при Войсковой канцелярии⁸ учреждался Военный суд под надзором войскового атамана. В его состав входили: один презус (председатель суда) штаб-офицерского чина, четыре ассессора (члены суда) из обер-офицеров, один аудитор. Презус и ассессоры назначались войсковым атаманом, а аудитор – Аудиториатским департаментом Военного министерства Российской империи. Следует отметить, что аудиторы «не являлись членами суда, а выступали, как правило, либо в роли секретарей, либо наблюдателей за установленным порядком судопроизводства»⁹.

Военному суду были подсудны все казачьи чины черноморцев, даже не отбывающие очередной службы. Маловажные проступки (пьянство, своеволие, нарушение благочиния, кража от 20 до 100 рублей), совершенные нижними чинами войска, рассматривались сыскными и куренными начальствами – представителями местной администрации. На такие административные учреждения возлагалось, кроме того, производство следственных действий в отношении казаков по уголовным преступлениям. Скажем, 23 мая 1829 года на имя наказного атамана Черноморского казачьего войска А. Д. Бескровного от Екатеринодарского земского сыскного начальства поступил рапорт о том,

³ Жалованная грамота войску Черноморскому от 30 июня 1792 г. № 17055.

⁴ Паршина Н. В. Правовое регулирование общественного устройства и земельных отношений казачества юга России (XV – начало XX вв.): моногр. Бийск: АГАО, 2015. С. 91.

⁵ Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 249. Оп. 1. Д. 2830.

⁶ Там же. Ф. 250. Оп. 2. Д. 23. Л. 23–24.

⁷ Об управлении Черноморским войском, с приложением штата: Высочайше утвержденное положение от 26 апр. 1827 г. № 1058.

⁸ Войсковая канцелярия – высший административный орган управления в Черномории.

⁹ Янчев А. С. Аудиториат в структуре Военного ведомства // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 27 (281). Серия: Право. Вып. 32. С. 129.

что, согласно донесению из Нововеличковского куренного управления, казачка Васса Головатова в период нахождения ее мужа в персидском походе прижила незаконно ребенка мужского пола и «по рождении, придавши смерти, закопала в землю в избе своей под полом... ..За оный поступок взята под стражу и содержится в оном управлении»¹⁰.

Что касается военных чиновников, проживающих в войске, то штаб- и обер-офицеры и нижние чины из дворян подвергались суду согласно предписанию командира Отдельного Кавказского корпуса, а нижние чины не из дворян – по распоряжению войскового атамана. Приговор таким подсудимым вместе со всем делопроизводством передавался судом войсковому атаману, который направлял его на утверждение командиру Отдельного Кавказского корпуса¹¹. Отметим, что в юрисдикции последнего находилось и утверждение судебного решения в отношении нижних чинов не из дворян, если подсудимые приговаривались к наказанию в виде битья шпицрутенами с прогоном через строй в тысячу человек более трех раз, что, по сути, приравнивалось к смертной казни. В остальных случаях войсковой атаман единолично утверждал приговор и приведение его в исполнение. Необходимо сказать, что наказание шпицрутенами было сформулировано еще при Петре I в уголовном законодательстве, нормы которого были ориентированы «на смертную казнь, сопровождающуюся особыми страданиями виновного лица»¹².

Представители неказачьего сословия судились в Гражданском суде Черноморского войска. В соответствии с Положением 1827 года он формировался из войскового судьи, двух заседателей, секретаря и штатной канцелярии. Надзор за судопроизводством осуществлял прокурор, назначаемый министром юстиции Российской империи. Войсковой судья и заседатели избирались на три года из чиновников Черноморского казачьего войска и утверждались в должности корпусным командиром. Секретаря и писарей определяла Войсковая канцелярия. К подсудности Гражданского суда относились уголовные

¹⁰ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1046. Л. 25.

¹¹ См.: О подчинении Черноморского войска Начальнику Отдельного Грузинского Корпуса и о управлении землями, войску сему принадлежащими, Кавказскому Губернскому начальству: именной указ, данный Сенату, от 11 апр. 1820 г. № 28225; О именовании Грузинского Отдельного Корпуса Кавказским Отдельным Корпусом: сенатский указ, вследствие Именного повеления от 11 окт. 1820 г. № 28436.

¹² Сафин Л. Р. Исторический очерк правового регулирования наказаний, не связанных с изоляцией от общества по уголовному праву России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. Вып. 1 (59). С. 146.

преступления и гражданские правонарушения, совершенные иногородними, женщинами, дворовыми людьми и крестьянами. Иски на сумму более 300 рублей, дела о лишении жизни и чести Гражданским судом не рассматривались, а направлялись в Кавказскую палату уголовного и гражданского суда. С 1828 года сумма иска для Гражданского суда была увеличена до 500 рублей¹³. В связи с упразднением в июле 1827 года Кавказской палаты уголовного и гражданского суда иски, превышающие указанную сумму, стали разрешаться новым органом – Кавказским областным судом. Дела об опеке над малолетними казаками, наследовании тоже находились в юрисдикции Гражданского суда Черноморского войска¹⁴.

Например, в период с 1 января 1830 года по 31 декабря 1834-го в производстве данного судебного учреждения находилось дело о наследовании денежных сумм и вещей умершего сотника Григория Виташевского его сыном – корнетом 7-го Черноморского эскадрона лейб-гвардейского Казачьего полка Аркадием Виташевским¹⁵. В материалах этого дела сохранились подробные сведения о наследственной массе, принадлежавшей Г. Виташевскому. В том числе информация о праве взыскания наследником умершего денежных средств, шестнадцать лет назад одолженных наследодателем однодворцу Орловской губернии Алексею Селиванову в размере 135 рублей 75 копеек. По этому поводу из Гражданского суда Черноморского войска 22 декабря 1830 года на имя командующего лейб-гвардией 7-м Черноморским эскадрона ротмистра Г. А. Рашпиля поступило донесение № 5067 о том, что в войсковом Гражданском суде было заслушано сообщение Орловского губернского правления № 64166. В нем говорилось, что деньги А. Селивановым Г. Виташевскому, согласно рапорту орловской городской полиции № 6900, возвращены не были. В духовном завещании, составленном 16 августа 1810 года сотником Г. Виташевским, упоминалось, что орловский купец А. Селиванов должен ему вышеуказанную сумму. Эти сведения были переданы в Орловское губернское правление. По распоряжению губернского правления орловская городская полиция 21 октября 1829 года сообщением № 6899 донесла в Гражданский суд Черноморского войска, что А. Селиванов был допрошен по поводу займа денежных средств у Г. Виташевского и в ходе дачи показаний по делу пояснил, что

¹³ О дозволении совершать в Гражданском суде Черноморского войска крепостные акты до 500 рублей: сенатский указ от 12 окт. 1828 г. № 2336.

¹⁴ О производстве дел в Черноморском войске об имуществах, остающихся по смерти казаков: сенатский указ от 23 авг. 1833 г. № 6403.

¹⁵ ГАКК. Ф. 332. Оп. 1. Д. 16.

по расписке он получил от Г. Виташевского шестнадцать лет назад 135 рублей 75 копеек, однако за указанную сумму передал заимодавцу бичеву со дня рыбной ловли в Екатеринодаре на Ейской косе¹⁶. Также орловской полицией были представлены письменные показания должника.

По данному делу суд заключил, что ввиду наступления своего совершеннолетия сын Г. Виташевского Аркадий как наследник имеет право взыскать вышеупомянутый долг с А. Селиванова, поскольку письменные сведения о денежном займе Г. Виташевского А. Селиванову хранятся в позашнуренной книге Войскового казначейства. Эта информация наследнику была письменно адресована Гражданским судом Черноморского войска через командира 7-го Черноморского эскадрона полковника Миргородского. В данном случае Гражданский суд счел недостаточным основанием показания А. Селиванова о том, что денежные средства в таком размере были получены от заимодавца за бичеву, и оставил за наследником умершего право предъявить иск должнику. Важно подчеркнуть, что суд в мотивировочной части своего решения не ссылаясь на нормы действующего права. Это наглядно свидетельствует не только об отсутствии юридической грамотности должностных лиц – представителей дореформенной юстиции, но и о законодательной регламентации правил протоколирования судебного процесса.

Далее, как видно из постановления Гражданского суда, к исполнению его решения привлекалась местная администрация. Этот факт многократно фиксируется в материалах данного дела. Например, 20 января 1834 года Гражданским судом было отослано прошение № 187 на имя командующего лейб-гвардии 7-м Черноморским эскадрона полковника и кавалера Г. А. Рашпиля. В нем ему повелевалось сообщить «служащему вверенного... эскадрона Аркадию Виташевскому... что принадлежащие ему по наследству по смерти отца его Сотника Григория Виташевского состоящие в ведении сего суда вещества кроме иконы Божьей Матери под серебром как-то: сабля турецкая в коей ножны серебряные вызолоченные с пятью красными камушками... серебряная посуда... и серьги золотые с маленькими жемчужинами... будут высланы ему в Санкт-Петербург»¹⁷.

Длительность нахождения в производстве Гражданского суда данного дела (более четырех лет) во многом объяснялась несовершенством местной

¹⁶ ГАКК. Ф. 332. Оп. 1. Д. 16. Л. 1.

¹⁷ Там же. Л. 30 об.

судебной системы, вовлечением в работу суда администрации. Военачальники выступали посредниками между наследником и судебной инстанцией. Так, виднейший цивилист XIX века Т. М. Яблочков по этому поводу писал: «...крупным недостатком дореформенного процесса является смешение власти судебной с административной. Судебные места находились под надзором администрации [Губернских Правлений и Губернаторов]... Решение бесспорных дел было вверено полиции... <...> Исполнялись судебные решения властями, не стоявшими в подчинении у суда и ему неотчетственными за свои упущения»¹⁸. Данные обстоятельства препятствовали оперативному разрешению гражданских дел, которые перманентно кочевали из одной инстанции в другую.

Этот же недостаток был характерен и для уголовного судопроизводства. Так, 26 апреля 1836 года командующему 4-м конным полком есаулу и кавалеру Шпилевскому поступил циркуляр от генерал-майора Н. С. Завадовского, наказного атамана Черноморского казачьего войска. В нем шла речь о завершении следствия Екатеринодарским земским начальством над пятью преступниками: Иваном Крижановским, Леонтием Гречкою, Шкрябенком, Алексеем и Ефимом Волком для передачи в Военный суд, учрежденный при Черноморской войсковой канцелярии¹⁹. Н. С. Завадовский приказал Шпилевскому немедленно доставить в Военный суд сведения, запрошенные у него по этому делу, а затем отчитаться о выполнении данного поручения²⁰.

Дела в порядке упрощенного производства в Черноморском казачьем войске рассматривались Мировым судом. Деятельность данного учреждения, основанная на обычаях черноморцев, заключалась в проведении внесудебных примирительных процедур между истцом и ответчиком по гражданскому делу. Каждая из сторон имела право избрать от трех до пяти посредников из числа посторонних людей для разрешения возникшего спора. Тяжущиеся были обязаны предоставить посредникам подписку о том, что не станут обжаловать данное решение в Гражданский или Военный суды. При этом цена иска не могла превышать 300 рублей²¹.

¹⁸ Яблочков Т. М. Учебник Русского гражданского судопроизводства. Ярославль: типо-лит. торг. дома А. Г. Фальк и К°, 1910. С. 14.

¹⁹ ГАКК. Ф. 296. Оп. 1. Д. 139. Л. 1.

²⁰ Там же. Л. 1 об.

²¹ Об управлении Черноморским войском, с приложением штата...

Следующий виток развития судебной системы в Черноморском казачьем войске относится к 1842 году²², когда Николай I устранил прежнее императивное разграничение подсудности дел по критерию сословной принадлежности, упразднив Гражданский суд. Решение было связано с увеличением числа постоянных жителей неказачьего сословия на территории Черноморского войска²³. Ликвидация Гражданского суда в итоге спровоцировала путаницу в вопросах подсудности уголовных дел, где обвиняемый принадлежал к неказачьему сословию. Так, в 1844 году в Правительствующем Сенате был заслушан рапорт военного министра Российской империи А. И. Чернышева, доложившего, что к нему поступило представление командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории. В данном документе содержалось прошение разъяснить порядок «суждения проживающих в пределах Черноморского казачьего войска лиц, не принадлежащих казачьему сословию и военному ведомству»²⁴. В ответ было принято законодательное решение, согласно которому уголовные дела из бывшего Гражданского суда передавались в подведомственность Комиссии военного суда, учрежденной, согласно Положению 1842 года, при Войсковом дежурстве.

Комиссия военного суда была представлена следующими членами: презусом, штаб-офицером, четырьмя асессорами и аудитором. Презус избирался наказным атаманом и по его представлению утверждался в должности командующим войсками на Кавказской линии и в Черномории. Асессоры из числа казачьих чиновников назначались войсковым правительством на три года. Их кандидатуры, как и кандидатуру презуса, утверждал командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории.

Рассматривая уголовные дела в отношении представителей неказачьего сословия, а также женщин-казачек, суд должен был ссылаться на общеуголовные законы Российской империи. То есть при квалификации преступлений, которые совершались казаками, суд руководствовался нормами Устава военно-уголовного 1839 года²⁵, а в отношении других сословий – положениями

²² О Черноморском казачьем войске: Высочайше утвержденное положение от 1 июля 1842 г. № 15809.

²³ ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 21. Л. 2.

²⁴ О порядке суждения проживающих в пределах Черноморского казачьего войска лиц, не принадлежащих казачьему сословию и военному ведомству: сенатский указ, по Высочайшему повелению от 10 авг. 1844 г. № 18139.

²⁵ Свод военных постановлений. Ч. 5: Устав военно-уголовный. СПб.: Тип. II Отделения СЕИВК, 1839.

общеимперского законодательства: Сводом законов Российской империи 1832 года (т. XV, кн. I «О преступлениях и наказаниях вообще»)²⁶ и Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года²⁷.

Приговоры Комиссии военного суда утверждались наказным атаманом, которому вверялись также и полномочия по их исполнению. Если число подсудимых по одному уголовному делу превышало девять человек либо если среди обвиняемых были лица дворянского происхождения – приговор передавался командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории, а тот направлял его для утверждения в Правительствующий Сенат.

Помимо Комиссии военного суда, которая была органом, действующим постоянно, в войске учреждались временные военно-судные комиссии, рассматривавшие уголовные дела при окружных дежурствах. С 1849 года в состав таких комиссий в качестве презусов и ассессоров было запрещено назначать казаков, находящихся на внешней или кордонной службе. Временные военно-судные комиссии формировались из презуса (из числа штаб-офицеров) и трех ассессоров (из числа обер-офицеров, состоящих на льготной службе)²⁸. Данная мера стала необходимой ввиду невозможности эффективного отправления казаками одновременно военных и судебных полномочий.

Вообще, система судоустройства и судопроизводства в войске была крайне непродуманной, изобилующей законодательными пробелами и коллизиями. Дореформенному уголовному правосудию во всей империи были присущи такие изъяны, как «массы инстанций, различная организация судов в зависимости от сословия, к которому принадлежит подсудимый... и преобладание канцелярии»²⁹.

Из общего числа подсудимых, согласно Отчету по военному управлению Черноморского казачьего войска за 1844–1845 годы³⁰, под стражей в 1844 году находилось 268 человек, в 1845-м – 282. Подсудимых – уроженцев Черноморского войска за 1844 год осталось 45 человек. В течение 1845 года к уголовной

²⁶ Свод законов Российской империи. Т. XV: Свод законов уголовных. СПб.: Тип. II Отделения СЕИВК, 1833.

²⁷ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб.: Тип. II Отделения СЕИВК, 1845.

²⁸ О производстве жалованья Презусам и Ассессорам временных Военно-Судных Комиссий Черноморского казачьего войска: именной указ, объявленный Сенату Военным Министром от 28 мая 1849 г. № 23271.

²⁹ Духовской М. В. Русский уголовный процесс. Москва: Склад издания в книжном складе М. В. Ключкина, 1908 (Тип. А. П. Поплавского). С. 18.

³⁰ ГАКК. Ф. 254. Оп. 1. Д. 402. Л. 25.

ответственности в качестве подозреваемых в совершении преступления было привлечено 94 человека. В соответствии с Манифестом от 16 апреля 1841 г.³¹ от уголовной ответственности освобождено 6 человек. По результатам судебного разбирательства в 1844 году оправдано 22 человека, в 1845 – 26. Оставлено в подозрении в 1844 году 14 человек, в 1845 – 13. Осужденным на каторжные работы в 1845 году числился один человек (в 1844-м это наказание в Черномории не назначалось). На поселение в арестантские роты в 1844 году было отправлено 24 человека, в 1845 – 33. К телесным наказаниям шпицрутенами в 1844 году приговорено 15 человек, в 1845 – 22. В 1844 году через полицейских смотрителей наказанию плетью подверглось 37 человек, розгами – 11. В 1845 году такие наказания были применены к 36 и 22 осужденным соответственно. Большинство осужденных – лица мужского пола в возрасте от 21 года до 40 лет³².

В общем, статистические сведения о числе уголовных дел, возбужденных в 40-х годах XIX века на территории Черноморского войска, свидетельствуют о росте преступности. Поэтому государство предприняло соответствующие превентивные меры для борьбы с правонарушениями, и в частности с кражами. Так, в 1848 году было принято решение, согласно которому казаков Черноморского казачьего войска, избличенных в воровстве (за исключением тех, кто по закону не подлежали ссылке в арестантские роты), следовало по приговору суда отправлять в войсковой Ачугевский рыболовный завод. Заработная плата осужденного, полученная на заводе, обращалась в доход потерпевшего, при этом треть заработка передавалась на содержание семьи виновного³³.

Гражданские споры находились в юрисдикции окружных судов: Таманского, Екатеринодарского и Ейского. Эти суды рассматривали дела в отношении лиц всех сословий, проживающих на территории Черноморского войска. В состав окружного суда входил судья, который избирался наказным атаманом на три года и утверждался в этой должности командующим войсками на

³¹ О всемилостивейше дарованных милостях и облегчениях по случаю бракосочетания Его Императорского Высочества, Государя Наследника, Цесаревича и Великого Князя Александра Николаевича: манифест от 16 апр. 1841 г. № 14460.

³² ГАКК. Ф. 254. Оп. 1. Д. 402. Л. 26.

³³ О мерах к пресечению воровства в Черноморском казачьем войске: именной указ, объявленный Главнокомандующему отдельным Кавказским корпусом Военным Министром от 8 дек. 1848 г. № 22801.

Кавказской линии и в Черномории, и два заседателя. Последние избирались чиновниками и рядовыми казаками из своей среды и утверждались в этой должности наказным атаманом. При этом казак в качестве заседателя принимал участие только в тех гражданских спорах, где одной из сторон являлось лицо, принадлежащее к его же сословию. В последующем число заседателей в окружных судах Черноморского казачьего войска было увеличено с двух до трех³⁴.

Помимо вышеуказанных учреждений, судебными функциями наделялись окружные сыскные начальства, которые работали в каждом из трех округов Черноморского войска. В состав окружного сыскного начальства входило пять членов: сыскной начальник, два заседателя из чиновников и два – от казаков. Полномочия окружных судов в Черноморском казачьем войске соответствовали компетенции уездных судов губернского управления, за исключением уголовных дел, а полномочия сыскных начальств – компетенции земских судов.

При сыскных начальствах учреждались словесные и мировые суды, которые в своей работе должны были руководствоваться общеимперским законодательством: Уставом благочиния или Полицейским 1782 года³⁵ и Положением о третейском суде 1831 года³⁶. Кроме того, предполагалось учреждение в войске Торгового словесного суда. Данный орган предназначался для разрешения в ходе устного производства коммерческих споров, возникающих как между торговыми казаками, так и между представителями других сословий. Однако в итоге Торговый словесный суд начал работу лишь в марте 1860-го³⁷. В этом же году Черноморское казачье войско стало частью Кубанского³⁸. На территории проживания черноморцев была образована Кубанская область³⁹.

³⁴ Об определении в Окружные Суды Черноморского казачьего войска еще по одному Заседателю от чиновников: именной указ, объявленный Департаменту Военных Поселений Военным Министром от 14 нояб. 1843 г. № 17321.

³⁵ Устав благочиния или Полицейский от 8 апр. 1782 г. № 15379.

³⁶ О Третейском суде: Высочайше утвержденное положение от 15 апр. 1831 г. № 4500.

³⁷ ГАКК. Ф. 385. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 об.

³⁸ О некоторых изменениях в Положениях казачьих войск Черноморского и Кавказского линейного, переименованных в Кубанское и Терское казачьи войска: именной указ, объявленный Сенату Военным Министром от 19 нояб. 1860 г. № 36327.

³⁹ О том, чтобы правое и левое крылья Кавказской линии именовать Кубанской и Терской областями, а все пространство к северу от главного хребта Кавказских гор – Северным Кавказом: именной указ, объявленный Сенату Министром Юстиции от 8 февр. 1860 г. № 35421.

Следует отметить, что Судебные уставы 1864 года⁴⁰ были введены здесь только в 1869 году⁴¹.

Таким образом, для судоустройства и судопроизводства на Кубани в 1827–1869 годах было характерно невнимание к фундаментальным принципам судебного права⁴², что подтверждалось главным образом отсутствием принципа невмешательства административных учреждений в деятельность правосудия, что было свойственно фактически всей общероссийской практике до второй половины XIX века. Кроме этого, трудности в построении эффективной судебной системы были вызваны спецификой социальной организации местного населения. Данное обстоятельство подразумевало законодательную регламентацию судебной юрисдикции в зависимости от принадлежности субъекта к казачьему либо неказачьему сословию, с чем государство не всегда своевременно справлялось.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что принятие Положений о Черноморском казачьем войске в 1827 и 1842 годах явилось своеобразным правовым апофеозом того периода, поскольку в данных нормативно-правовых актах впервые регламентировалась персональная подсудность уголовных и гражданских дел в зависимости от принадлежности субъектов к той или иной сословной группе. Именно в рассматриваемый период на Кубани был урегулирован порядок разрешения гражданских споров, в которых в качестве сторон принимали участие представители в том числе неказачьего сословия, и регламентирован процесс привлечения к уголовной ответственности всех категорий местных жителей. Оформившаяся в течение 1827–1869 годов судебная система сохранялась вплоть до введения в Кубанской области новелл судебной реформы Александра II в 1869 году.

⁴⁰ Учреждение судебных установлений, Высочайше учрежденное положение от 20 нояб. 1864 г. № 41475.

⁴¹ О введении Судебных Уставов 20 ноября 1864 года в Кубанской и Терской области и в Черноморском округе: именной указ, данный Сенату от 30 дек. 1869 г. № 47848.

⁴² См.: *Большакова В. М., Холиков И. В.* Теоретическое исследование системообразующих принципов организации судебной системы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 4 (58). С. 584.

Библиографический список

Большакова В. М., Холиков И. В. Теоретическое исследование системообразующих принципов организации судебной системы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 4 (58). С. 579–604.

Духовской М. В. Русский уголовный процесс. М.: Склад изд. в книжном магазине М. В. Ключкина, 1908 (Тип. А. П. Поплавского).

Паршина Н. В. Правовое регулирование общественного устройства и земельных отношений казачества юга России (XV – начало XX вв.): моногр. Бийск: АГАО, 2015.

Сафин Л. Р. Исторический очерк правового регулирования наказаний, не связанных с изоляцией от общества по уголовному праву России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. Вып. 1 (59). С. 142–158.

Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска: в 4 т. / собр. и изд. И. И. Дмитренко. Т. 2: Бумаги императрицы Екатерины II, Потемкина-Таврического, Суворова-Рымникского, Голенищева-Кутузова, де-Рибаса, де-Нассау-Зиген, И. Е. Потемкина, Меллера-Закомельского, Горича, Кречетникова [и др.]. 1787–1795 гг. СПб.: Тип. Штаба отд. корп. жанд., 1896.

Яблочков Т. М. Учебник Русского гражданского судопроизводства. Ярославль: типо-лит. торг. дома А. Г. Фальк и К°, 1910.

Янчев А. С. Аудиториат в структуре Военного ведомства // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 27 (281). Серия: Право. Вып. 32. С. 129–131.

Информация для цитирования

Ex jure

Паршина Н. В. Историко-юридический опыт функционирования судебных учреждений на Кубани в 1827–1869 годах (по материалам правоприменительной практики) // Ex jure. 2024. № 3. С. 25–37. DOI: 10.17072/2619-0648-2024-3-25-37

Parshina N. V. Historical and Legal Experience of Functioning of Judicial Institutions in the Kuban in 1827–1869 (Based on the Materials of Law Enforcement Practice). Ex jure. 2024. № 3. Pp. 25–37. DOI: 10.17072/2619-0648-2024-3-25-37

УДК 346.27

DOI: 10.17072/2619-0648-2024-3-38-53

О корпорациях в спорте

М. Р. Асадуллин

Кандидат юридических наук, доцент кафедры политологии
и связей с общественностью

Уфимский университет науки и технологии
450076, Россия, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32

E-mail: asadullin-murad@yandex.ru

Аннотация: *статья посвящена оценке правового статуса спортивных организаций как корпораций и проверке того, целесообразно ли связывать правила в спорте с корпоративной жизнью и корпоративными отношениями. Делается вывод о необходимости доктринальной разработки модели связи учредительства и участия в спортивной федерации с гарантированностью определенного эффекта, который вытекает из данного обстоятельства, а также о необходимости последующего обсуждения ключевых положений этой модели и ее нормативного закрепления. При этом опираться следует не только на имущественный ценз или размер ожидаемых собственных либо привлеченных вложений, однако и отказываться от таких подходов было бы неправильно. Вариантом может быть и принятие участниками федерации на себя определенных обязательств, неисполнение которых может служить основанием для прекращения членства.*

Ключевые слова: *спорт; спортсмен; спортивная организация; корпорация; корпоративные акты; корпоративные отношения*

© Асадуллин М. Р., 2024

About Corporations in Sports

M. R. Asadullin

Ufa University of Science and Technology
32, Zaki Validi st., Ufa, 450076, Russia

E-mail: asadullin-murad@yandex.ru

Abstract: *the article is devoted to assessing the legal status of sports organizations as corporations and verifying the appropriateness of linking rules in sports with corporate life and corporate relations. It is concluded that there is a need for a doctrinal development of a model for linking foundation and participation in a sports federation with the level of guarantee of a certain effect arising from this circumstance, subsequent discussion of its key provisions and normative consolidation. At the same time, one should rely not only on the property qualification or the amount of expected own or attracted investments, but also one should not abandon such approaches. An option may be the acceptance of certain obligations by the members of the federation, the non-fulfillment of which may serve as a basis for termination of membership.*

Keywords: *sport; athlete; sports organization; corporation; corporate acts; corporate relations*

Спортивные организации неизбежно принимают различные акты: нормативные и индивидуальные (например, о поощрении кого-либо), касающиеся спорта и не связанные с этой сферой. В том числе не только в отношении правил игры, но и посвященные вопросам безопасности проведения спортивных мероприятий, порядку входа и выхода зрителей со стадионов и т.п. При этом часть таких правил может касаться именно спортсменов (например, положения подп. 5 п. 1 ст. 16 Федерального закона от 04.12.2017 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»¹, далее – ФЗ о спорте), а часть лежит в области других правоотношений: организационных (формирование правил спорта и иных условий) и «обслуживающих» (тренировки, подготовка и уборка помещений, предоставление мест для соревнований, медицинские услуги и пр.). Назвать их корпоративными было бы ошибочно уже потому, что они не касаются вопросов участия в корпорации. Иначе

¹ О физической культуре и спорте в Российской Федерации: Федер. закон от 4 дек. 2017 г. № 329-ФЗ: принят Гос. Думой 16 нояб. 2007 г.: одобрен Советом Федерации 23 нояб. 2007 г.

говоря, неточно именовать корпоративными акты, которые вообще не направлены на урегулирование отношений между членами корпорации или между корпорацией и ее участниками, хотя и рождаются в рамках корпораций.

Многие акты корпорации в спорте вообще не имеют признаков регулирования корпоративных отношений. Разумеется, по этой причине они не утрачивают своей природы, поскольку принимаются уполномоченными органами корпорации, но и только. В этом контексте значительную и пока не преодоленную проблему составляет отбор учредителей и участников спортивных корпораций, установление того, как именно они способны содействовать их развитию, будут ли вносить существенные средства, каким должен быть порядок формирования органов управления, критерии эффективности подразделений, способы решения задач, в том числе по финансовому обеспечению деятельности, и пр.

Уместно напомнить, что граница между коммерческими и некоммерческими организациями, если оценивать всю совокупность норм и оговорок в научной плоскости, проведена весьма условно. Что и отмечается в многочисленных специальных исследованиях². Однако нам важно отметить то обстоятельство, что большинство федераций и других спортивных организаций, которые осуществляют функции правовой «самоорганизации», определены отечественным законодателем именно как некоммерческие корпорации. Это позволяет им, с одной стороны, осуществлять деятельность не только для себя или к своей выгоде, но и для других лиц (общественно-социальный эффект). В частности, налоговые органы не вправе ставить под сомнение обоснованность сделок таких организаций с точки зрения их выгоды или невыгодности (результативности), в том числе в порядке налогового контроля (ст. 54.1 Налогового кодекса РФ³). Разумеется, это не мешает предъявлять претензии по другим основаниям – например, когда в результате снижения уровня выгоды оказываются нарушенными права третьих лиц⁴. Наконец, общественные организации (объединения) в спорте не обязаны учитывать размер «доли участия»: в отличие от хозяйственных обществ здесь просто нет такого понятия

² См., например: Григорьев В. И. Деление юридических лиц на коммерческие и некоммерческие организации // Вестник гражданского права. 2023. Т. 23, № 3. С. 188–229.

³ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ: принят Гос. Думой 16 июля 1998 г.: одобрен Советом Федерации 17 июля 1998 г.

⁴ См.: Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / А. В. Асосков, В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко [и др.]; отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2020. С. 367.

и голосование строится по количеству участников. С другой же стороны, такая черта правосубъектности некоммерческих организаций дает более или менее надежный маркер в оценке поведения, не позволяя им уклоняться от осуществления общественно значимых задач. Правда, вряд ли мы готовы сказать, в какой степени настройка этого показателя реально работает в условиях, когда текущая деятельность спортивных федераций не то чтобы закрыта, сколько не вполне публична. Международные организации периодически проводят исследования о коррупции и других нарушениях в различных сферах, в числе которых и спорт, где нарушения стимулируются «бюджетным финансированием, непрозрачной системой принятия решений, договорными матчами, огромным влиянием агентов»⁵. Многие авторы обоснованно отмечают, что почвой для девиантного поведения, правонарушений и коррупции в спорте являются просчеты и дефекты в его организации⁶. Между тем возможность превратить отмеченную черту спортивных организаций данного типа в действенное средство борьбы за открытость спорта есть. Не исключаем, что данный критерий, то есть формальная обязанность принимать решения без учета меркантильных и иных личных предпочтений, еще более значим, чем запрет на распределение прибыли между участниками, который даже нормативно может быть преодолен.

Круг такого рода проблем в развитии спортивных корпораций можно анализировать и с точки зрения капитализации, то есть уровня обеспеченности имуществом и денежными средствами для ведения деятельности⁷. Сегодня применительно к некоммерческим организациям данный аспект редко обсуждается, но эта проблема равным образом касается всех субъектов гражданского права, а некоммерческие организации также становятся банкротами. В практике банкротства вопрос о том, имеется ли достаточная капитализация, справедливо связывается с недобросовестностью лиц, контролирующих должника, и служит одним из оснований привлечения их к субсидиарной ответственности⁸. В этом контексте вопрос может быть поставлен и так: чем

⁵ Спорт высших искушений. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2917574>.

⁶ См., например: *Рахманова Е. Н.* Коррупция в спорте: проблемы спортивной автономии и управления // Бизнес. Образование. Право. 2020. № 3. С. 277–282.

⁷ См., например: *Миннуллина К. А.* Недостаточная капитализация как злоупотребление корпоративной формой: к вопросу квалификации // Хозяйство и право. 2022. № 7. С. 31–38.

⁸ См., например: Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 2 июля 2021 г. № 09АП-31859/2021 № 09АП-33071/2021 по делу А40-69692/17.

принципиально отличается ответственность участников коммерческой корпорации и некоммерческой, допустивших деятельность без надлежащей капитализации и причинивших имущественный вред партнерам, контрагентам, с которыми корпорация не может рассчитаться, спортсменам, которым не было выплачено вознаграждение? Заметим, что не всегда вред имеет только имущественную форму. Как, например, измерить ущерб от падения интереса к определенному виду спорта в связи с плачевным положением дел в федерации?

В свое время Т. В. Сойфер⁹ высказывала мысль о том, что правила о публичных договорах применимы и к некоммерческим организациям, хотя в судебной практике обычно придерживаются противоположной правовой позиции. Однако ряд некоммерческих организаций нередко ведут ту или иную доходную деятельность, а статья 36 Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» прямо указывает на возможность ведения именно предпринимательской деятельности. На наш взгляд, если даже рассматривать такую деятельность как предпринимательскую «лишь отчасти»¹⁰, остаются вопросы – и о том, в какой именно «части», и о надежности критериев допуска в рыночное пространство, и об уровне обеспечения лиц, оказывающихся с такими субъектами в экономических отношениях.

Оставление группы проблем, связанных с недостаточной капитализацией спортивных федераций (в том числе с началом не обеспеченной ресурсами деятельности), за пределами обсуждения ведет к тому, что мы просто консервируем их. А в плане текущей правоприменительной политики игнорируем очевидное нарушение принципа равенства субъектов гражданских правоотношений¹¹.

Чаще всего о корпоративных актах, направленных на регламентацию отношений в спорте, говорят в тех случаях, когда обсуждается правовая природа регламентов и положений спортивных федераций. В принципе, казалось бы, все верно: большинство таких субъектов действительно корпорации и, как всякие корпорации, они принимают корпоративные акты. В целом же нет сомнения,

⁹ Сойфер Т. В. К вопросу о публичных договорах с участием некоммерческих организаций // Гражданское право. 2016. № 3. С. 6–9.

¹⁰ См.: Предпринимательское право: современный взгляд: моногр. / М. И. Клеандров, Г. А. Гаджиев, Ш. М. Исмаилов и др.; отв. ред. С. А. Карелина, П. Г. Лахно, И. С. Шиткина. М.: Юстицинформ, 2019.

¹¹ См., например: Абросимова Е. А., Музафаров Э. Э., Севеева К. В. Эволюция доктринальных подходов к определению правовой природы некоммерческих организаций // Гражданское право. 2021. № 3. С. 3–8.

что корпоративные акты могут иметь нормативную составляющую. Так, специалисты в области трудового права рассматривают акты спортивных федераций именно как источники трудового права¹². Есть аналогичные взгляды и у представителей общей теории права¹³. Однако если внимательно присмотреться, то мы увидим, что правил и соответствующих актов, содержащих нормы для регулирования именно корпоративных отношений, довольно мало. Для признания их корпоративными они должны регулировать именно корпоративные, а не иные отношения. Если, например, федерация определенного спорта принимает правила данного вида спорта и (или) дисциплинарный регламент, то их положения адресованы всем, кто будет заниматься данным спортом, а участники федерации как общественной организации (общественного объединения) в этом случае не рассматриваются в качестве непосредственных участников спортивных соревнований и вряд ли будут ими. В соответствии же с пунктом 7 статьи 14 ФЗ о спорте «уставом общероссийской спортивной федерации может быть исключено членство в ней физических лиц». Да, разумеется, как лица, организующие процесс подготовки и проведения спортивных мероприятий, они должны будут соблюдать связанные с этим требования, но такие отношения имеют организационный характер.

Равно и другие организации, осуществляющие подготовку и проведение мероприятий, а также отдельные спортсмены, занимающиеся данным спортом, но не являющиеся участниками, соблюдают указанные правила под влиянием известного эффекта «вынужденного следования». Явление это хорошо известно в праве и социальной жизни, хотя как самостоятельное понятие мало изучалось. Например, в режиме «вынужденного следования» находятся лица, проживающие в многоквартирных домах, но не являющиеся членами товарищества собственников недвижимости, поскольку с известной долей необходимости подчиняются положениям данного товарищества. В литературе называются и другие случаи проявления «вынужденного следования». Так, Ю. Ф. Маврина отмечает, что положения Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 217-ФЗ «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные

¹² См., например: *Ведешкина Т. П.* Место и роль актов общероссийских спортивных федераций в системе источников трудового права // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2020. № 3. С. 63–69.

¹³ См., например: *Козырева А. Б.* Корпоративное правотворчество: теория и практика: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.

акты Российской Федерации» могут действовать в отношении и третьих лиц, а не только участников корпорации¹⁴. Есть и другие случаи. Например, при залоге доли в обществе с ограниченной ответственностью корпоративные права и обязанности, в силу нормы статьи 358.15 Гражданского кодекса РФ¹⁵, могут осуществляться залогодержателем, не являющимся членом общества с ограниченной ответственностью¹⁶. На наш взгляд, эти действия не следует относить к категории «принуждение»¹⁷, поскольку юридическое принуждение обычно сопровождается применением мер ответственности.

Объяснение этого феномена может быть различным – нормативным, социологическим, политическим, но в целом заметно стремление законодателя придать стабильность сложившейся среде, в которой живет соответствующее гражданское сообщество. Законодатель намерен минимизировать риски разрушения сложившихся структур под влиянием девиантных факторов и предпочитает считать возможным распространение известных правил на тех лиц, которые формально не входят в число официальных участников сообществ. Впрочем, то же наблюдается и в международной сфере, когда высокий уровень требований ряда конвенций оказывается привлекателен и для субъектов, не подписавших и не участвующих в них. Примером может быть соблюдение положений Международной организации гражданской авиации (ИКАО) государствами, в ней не участвующими¹⁸.

В некотором смысле это рефлексивное поведение, поскольку принятие и следование правилам, которые лично субъектом не вырабатывались, дает ему возможность реализовать индивидуальные задачи. В частности, в спорте – достичь общественно признанных результатов, получить известность и определенное имущественное удовлетворение. Поэтому нельзя считать, что

¹⁴ Маврина Ю. Ф. Распределение имущества корпорации как одно из последствий исключения юридического лица из Единого государственного реестра юридических лиц: вопросы теории и практики // Гражданское право. 2021. № 4. С. 31–34.

¹⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ: принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г. (в ред. от 11.03.2024).

¹⁶ См.: Лаптев В. А. Корпоративная собственность – юридический прием корпоративного права // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2017. № 2. С. 62–68.

¹⁷ См.: Миронов А. Н., Амиров И. М., Чембарисов Т. И. Спортивное правовое принуждение // Административное и муниципальное право. 2016. № 3. С. 211–217.

¹⁸ Елисеев Б. П., Сvirкин В. А. К вопросу интеграции результатов расследования авиационных происшествий и инцидентов в систему управления безопасностью полетов // Транспортное право. 2017. № 1. С. 14–18.

«вынужденное поведение» есть непременно поведение принудительное, поскольку здесь принцип автономии воли продолжает действовать.

Зададимся вопросом: а существует ли нормативная основа для того, чтобы правила спортивных федераций действовали в отношении лиц, не являющихся их членами? Ответ должен быть структурирован.

Во-первых, как известно, отечественные спортивные организации лишь принимают участие в процессе принятия правил спорта. Их роль важна, поскольку они аккумулируют все предложения и замечания от граждан, других организаций. На этой основе и с учетом положений соответствующей международной федерации создается свой проект правил¹⁹, который и поступает на утверждение Министерства спорта РФ. В итоге перед нами приказ отечественного министерства, создавая содержательную часть которого оно не уполномочено; документ, отражающий представления массы участников гражданского сообщества, выразивших свою позицию, но не уполномоченных на придание этому акту юридической силы; а кроме того, документ, во многом повторяющий (иногда лингвистически удачно, иногда – нет) текст соответствующей международной организации, которой не может противоречить²⁰. Можем ли мы определенно заявлять, что именно спортивная федерация «создает» или «принимает» правила спорта? Думается, более точно говорить о ее участии в процессе принятия таких актов.

При этом невольно обращает внимание отсутствие очевидной содержательной роли Минспорта. Разумеется, управленческие функции должны оставаться у этого ведомства. В том числе для того, чтобы соединить процесс подготовки спортсменов, организации площадок для тренировок с системой соревнований по времени, обеспеченности специалистами и пр.²¹ Ряд действий и документов этого ведомства связан также с процессом перевода организаций, осуществляющих спортивную подготовку в качестве основного вида деятельности, в категорию образовательных (письмо Минспорта России

¹⁹ ФЗ о спорте использует термин «разрабатывают» (подп. 5 п. 1 ст. 16).

²⁰ Например, Устав Федерации спортивной борьбы России (URL: <http://www.wrestrus.ru/media/turnirs/blocks/2012/confa/ustav-final.pdf>) прямо предусматривает, что реализует положения, утвержденные Международной федерацией объединенных стилей борьбы (ФИЛА).

²¹ См.: Понкин И. В., Понкина А. И. К вопросу о понятии и особенностях автономного внеправового нормативного порядка в области спорта // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. Вып. 1. С. 28–34.

от 21.11.2022²²). Однако принятие правил спорта трудно отнести к управленческой деятельности. Здесь надо пояснить, что общероссийские федерации спорта должны быть не просто зарегистрированы в качестве таковых в определенной организационно-правовой форме с указанием в уставе территории действия, но и аккредитованы уполномоченным Правительством РФ государственным органом (приказ Минспорта России от 01.08.2014²³). Одним словом, это крупная, легитимно существующая и вполне подконтрольная Правительству РФ социально важная структура, имеющая в своем составе профильных специалистов. И было бы правильно перейти на новый уровень организации процесса подготовки и принятия правил спорта, предусмотрев, что они именно принимаются (в смысле и подготовки, и введения в действие) общероссийской спортивной федерацией. Одновременно уместно было бы придать этой процедуре больше публичности, открытости и установить надежную обратную связь с заявителями предложений и замечаний на проект, размещенный в открытом доступе.

Во-вторых, порядок воздействия на конкретные отношения с участием спортсменов непросто и обычно опосредован. Имеется в виду, что, например, на спортсмена клуба «Маяк» правила спортивных федераций действуют путем включения их положений в акты данного спортивного клуба (так сказать, «вторым шагом»). При этом спорным в литературе оказался вопрос об обязательности применения тех положений спортивных федераций, которые «не получили законодательного закрепления»²⁴. Авторы исследований склоняются к тому, что и в силу статьи 348.2 Трудового кодекса РФ²⁵, и в связи с направленностью положений статьи 24 ФЗ о спорте их применение не зависит от того, отражены ли они в нормативных правовых актах.

²² Об исполнении Минспортом России пунктов протокола от 11 ноября 2022 г. № П8-81256, составленного по итогам совещания у директора Департамента просвещения, высшего образования и науки Правительства РФ: письмо М-ва спорта Рос. Федерации от 21 нояб. 2022 г. № Иск-02-5-10/18312.

²³ Об утверждении Порядка проведения государственной аккредитации Российской Федерацией общественных организаций для наделения их статусом общероссийской спортивной федерации и формы документа о государственной аккредитации, подтверждающего наличие статуса общероссийской спортивной федерации: приказ М-ва спорта Рос. Федерации от 1 авг. 2014 г. № 662.

²⁴ Сафонов В. А., Баранов Д. С. Акты общероссийских спортивных федераций в системе источников трудового права: постановка проблемы // Трудовое право в России и за рубежом. 2012. № 2. С. 9–32.

²⁵ Трудовой кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ: принят Гос. Думой 21 дек. 2001 г.: одобрен Советом Федерации 26 дек. 2001 г. (в ред. от 06.04.2024).

С этими соображениями можно согласиться только отчасти. Например, статья 24 ФЗ о спорте говорит лишь о том, что спортсмены обязаны «соблюдать положения (регламенты) о физкультурных мероприятиях и спортивных соревнованиях, в которых они принимают участие, и требования организаторов таких мероприятий и соревнований». То есть это требование касается лишь соблюдения правил «места нахождения», что можно сказать о любом публичном пространстве, где имеется специальное регулирование (от тамбура электрички до городской площади). И из этого еще не следует, что такие положения всегда и непременно должны быть порождены или «освящены» государственными органами. Однако правильна установка опираться на правила спортивных федераций как универсальную (общую) основу, без чего в принципе нереально само проведение спортивных мероприятий. Авторы отмечают: «...если признать участником соревнования только лиц, признающих требования общероссийской спортивной федерации, то мы все равно приходим к выводу о непосредственном действии норм, утвержденных федерацией, и присоединении к ним субъектов спорта – участников соответствующих соревнований»²⁶. Одним словом, здесь мы вновь встречаемся с явлением «вынужденного следования», подталкивающего всех участников соревнований по данному спорту придерживаться правил, утвержденных спортивной федерацией. Можно сформулировать иначе: сам характер спорта и задачи, в нем решаемые, требуют единства стандартов действий (от используемой формы до критериев, по которым определяется результат). Однако данный эффект – следствие не правил спортивной федерации, а объективной ситуации и универсальности спорта.

Наконец, в-третьих. Есть и сугубо юридическое объяснение, пусть и не охватывающее все ситуации, но способное служить весьма надежным аргументом. Правовой статус спортивных федераций, действующих обычно в организационно-правовой форме общественных организаций или общественных объединений, официально предусматривает не только участие в принятии правил о спорте, но и возможность применять их для неограниченного числа лиц, а не только членов данных организаций. Это выражено и в направленности деятельности (ст. 14–16 ФЗ о спорте и ст. 123.4 Гражданского кодекса РФ), поскольку, будучи ориентированными на интересы большой группы людей, они могут создавать и реализовывать правила для всех, кто

²⁶ Сафонов В. А., Баранов Д. С. Указ. соч. С. 11.

участвует в соответствующем движении. Такие организации, несомненно, не обладают публичной властью, но их акты, в силу признания (санкционирования) деятельности этих организаций Российской Федерацией (ст. 2, 14 ФЗ о спорте), могут рассматриваться как особый источник регулирования большой группы отношений. Во многом этот взгляд выражен и в известном постановлении Верховного Суда РФ по вопросам спорта²⁷. В его пункте 2 перечислены источники регулирования труда спортсменов и отмечено, что их нормы применяются в соответствии со статьей 8 Трудового кодекса РФ с учетом норм, утвержденных общероссийскими спортивными федерациями. Проще говоря, данный орган предлагает рассматривать их как локальные правовые акты. Поскольку в этом случае «локальность» связана со сферой применения, а не с определенной территорией, то нет сомнений в возможности квалифицировать указанные документы в качестве особых нормативных актов.

Завершая разговор о связи спорта и корпораций, отметим, что действующие спортсмены потенциально могут входить в число учредителей (и, следовательно, участников) спортивных федераций, на практике же этого нет. Возможно, в силу занятости или отсутствия специального организационного опыта²⁸. Но бывшие спортсмены, лица, оставившие спорт, нередко включаются в число учредителей.

Однако странным образом бытует мнение о том, что для участия в соревнованиях спортсмен должен быть членом соответствующего спортивного общества. Здесь есть элементы и непонимания, и обольщения, и неточной правовой квалификации. Например, утверждается, что «требование членства в спортивной организации» является одним из ограничений права на участие в спортивном соревновании. По мнению С. А. Юрлова, «требование о членстве в спортивной организации есть не что иное, как понуждение спортсмена вступать в спортивную организацию, то есть его обременение дополнительными обязательствами перед третьими лицами. Такое положение вещей прямо противоречит предписаниям международных правовых

²⁷ О применении судами законодательства, регулирующего труд спортсменов и тренеров: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 нояб. 2015 г. № 52; Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, возникающим из трудовых правоотношений спортсменов и тренеров: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 8 июля 2015 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 1. С. 40–48.

²⁸ См. об этом: *Васькевич В. П.* К вопросу о классификации прав и обязанностей профессиональных спортсменов // *Ex iure*. 2022. № 3. С. 33–45.

актов и статье 30 Конституции Российской Федерации»²⁹. Данное высказывание содержится в статье, в целом весьма обстоятельной и излагающей ряд идей, которые следует поддержать. Но принципиально неверно говорить о каком-либо «членстве». Да и автор в действительности пишет совсем о другом: он указывает, что для участия в соревновании заявка должна подаваться от имени спортивной организации (а не самого спортсмена) и что орган, рассматривающий ее, находится в коммуникации не со спортсменом, а с соответствующей спортивной организацией.

По этому поводу надо заметить, что картина допуска к большинству соревнований в РФ обрисована в целом правильно: допуск к соревнованиям, согласно общему правилу, предполагает не индивидуальные заявки, а заявки от соответствующих организаций. В таком случае сокращаются и стандартизируются процедуры, снижаются издержки, появляется возможность опираться на значительную информационную базу, касающуюся статуса спортсмена (его спортивных результатов), да и прохождение допинг-контроля облегчается. Важные сведения об этом есть именно у спортивных федераций и клубов³⁰. Словом, в фактически используемых приемах организации данного процесса присутствует определенная логика.

Это так. И данное положение следует, не ломая наработанных способов и процедур, изменить с тем, чтобы каждый спортсмен, сведения о котором заносятся в специальные информационные авуары, был вправе выступать вне какой-либо связи с конкретным клубом, организацией. Уже сейчас в отношении профессиональных спортсменов собирается значительная информация (например, приказ Минспорта России от 30.03.2017³¹). Это весьма сходная ситуация с ранее отмеченным явлением «вынужденного следования», но, на наш взгляд, имеющая иные исторические, экономические и управленческие корни.

²⁹ Юрлов С. А. Право не вступать в общественные объединения: практика Европейского суда по правам человека и ее значение для мира спорта // Прецеденты Европейского суда по правам человека. 2018. № 4. С. 52.

³⁰ См., например: Положение о межрегиональных и всероссийских официальных спортивных соревнованиях по легкой атлетике на 2023 год. Номер-код вида спорта: 0020001611Я; утв. М-вом спорта Рос. Федерации 27 дек. 2022 г. (в ред. от 24.11.2023).

³¹ Об утверждении порядка осуществления профессиональными спортивными лигами подготовки контролеров-распорядителей, ведения учета данных о соответствующих спортсменах и выдачи документов, удостоверяющих принадлежность спортсменов к профессиональным спортивным клубам»: приказ Минспорта России от 30 марта 2017 г. № 283.

Однако нас в данном случае более интересует вопрос о том, как и что именно рождает почву для разговора о «членстве» спортсмена в спортивной организации. Ранее отмечалось, что в сложившейся правовой системе организации спорта спортсмены без достаточного опыта и квалификации нуждаются как в получении информации, методик, технологий по тактике соревнований и тренировкам, так и в иной поддержке. Впрочем, часть спортсменов, в основном профессиональных, обращается в спортивные организации, скорее, вынужденно. При этом в отечественной практике формой такой связи является как трудовой договор, так и контракт, а вопрос о том, что в каждом случае превалирует – условия гражданско-правового или трудового договора, не столь важен, в том числе и потому, что содержание соглашений со спортсменами давно уже носит смешанный характер. Существование в спорте договоров, сочетающих в себе условия гражданско-правовых и трудовых договоров, отмечено в отечественной литературе³². Главным результатом такого оформления связи является, с одной стороны, определенная стабильность для спортсмена (он получает известное покровительство, возможность допуска к соревнованиям, некоторое денежное вознаграждение), а с другой стороны, оказывается в отношениях зависимости. Это касается и сроков, и свободы перехода в другой клуб, и возможности устанавливать конкретные условия – основная их масса для профессиональных спортсменов predetermined положениями (регламентами) спортивных федераций, включение же в договор иных условий просто запрещено. Если даже не учитывать иных ограничивающих норм, весьма характерна статья 17 Правового регламента Континентальной хоккейной лиги: «1. Запрещается наличие в Контракте условий, предусматривающих разрыв Контракта Хоккеистом или его переход в другую команду в случае смены руководства Клуба, включая Президента, вице-президента, генерального менеджера, спортивного директора, главного тренера и других руководящих работников и Тренеров, а также в зависимости от игрового времени Хоккеиста и иных спортивных показателей. 2. Запрещается наличие условий относительно досрочного расторжения или приостановления Контракта в связи с отъездом Игрока в клуб другой хоккейной лиги или федерации»³³.

Данные правовые связи, возникающие из соответствующего договора (трудового или гражданско-правового), воспринимают иногда как отношения «членства» в организации, что в юридическом смысле глубоко неверно.

³² См.: *Столяров С. Е.* О трудовом статусе спортивных тренеров // Юрист. 2021. № 6. С. 54–59.

³³ Правовой регламент КХЛ: утв. Советом директоров ООО «КХЛ» (протокол № 119 от 27.07.2021).

И хотя термин «членство» до настоящего времени остается многозначным³⁴, применительно к характеристикам организаций, связям самостоятельных субъектов с организацией членство в ней определяется весьма устойчиво и означает действия через корпорацию в результате участия в ней самой³⁵. Теоретически можно допустить, что спортсмен войдет в число именно участников или даже в органы управления, но и это объективно маловероятно. Не выражает юридически значимого «членства» и вхождение в состав команды, поскольку сама спортивная команда не обладает правосубъектностью. Тем более ошибочно говорить о «членских отношениях» применительно к учреждениям, муниципальным предприятиям и т.п.: в них просто нет отношений членства.

Представляется, что пришло время доктринальной разработки модели связи учредительства и участия в спортивной федерации с гарантированностью определенного эффекта, вытекающего из данного обстоятельства, последующего обсуждения ее ключевых положений и нормативного закрепления. При этом опираться следует не только на имущественный ценз или размер ожидаемых собственных либо привлеченных вложений, однако и отказываться от таких подходов было бы неправильно. Несомненно также, что ни размер вступительного взноса, ни величина привлеченных финансовых ресурсов сами по себе не могут влиять на значение голоса всякого учредителя (участника). Вариантом может быть и принятие участниками федерации на себя определенных обязательств, неисполнение которых может служить основанием прекращения членства.

Библиографический список

Абросимова Е. А., Музафаров Э. Э., Севеева К. В. Эволюция доктринальных подходов к определению правовой природы некоммерческих организаций // Гражданское право. 2021. № 3. С. 3–8.

Васькевич В. П. К вопросу о классификации прав и обязанностей профессиональных спортсменов // *Ex jure*. 2022. № 3. С. 33–45.

Ведешкина Т. П. Место и роль актов общероссийских спортивных федераций в системе источников трудового права // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2020. № 3. С. 63–69.

³⁴ См., например: Современное корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики: моногр. / О. А. Беляева, С. А. Бурлаков, М. М. Вильданова и др.; отв. ред. О. В. Гутников. М.: Статут, 2021. (Автор раздела о членских отношениях – С. А. Сеницын.)

³⁵ См. об этом подробнее: Корпоративное право: учеб. курс: в 2 т. / отв. ред. И. С. Шиткина. Т. 1. М.: Статут, 2017. С. 788–790. (Автор главы – Д. В. Ломакин.)

Григорьев В. И. Деление юридических лиц на коммерческие и некоммерческие организации // Вестник гражданского права. 2023. Т. 23, № 3. С. 188–229.

Елисеев Б. П., Свиркин В. А. К вопросу интеграции результатов расследования авиационных происшествий и инцидентов в систему управления безопасностью полетов // Транспортное право. 2017. № 1. С. 14–18.

Козырева А. Б. Корпоративное правотворчество: теория и практика: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.

Корпоративное право: учеб. курс: в 2 т. / отв. ред. И. С. Шиткина. Т. 1. М.: Статут, 2017.

Лаптев В. А. Корпоративная собственность – юридический прием корпоративного права // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2017. № 2. С. 62–68.

Маврина Ю. Ф. Распределение имущества корпорации как одно из последствий исключения юридического лица из Единого государственного реестра юридических лиц: вопросы теории и практики // Гражданское право. 2021. № 4. С. 31–34.

Миннуллина К. А. Недостаточная капитализация как злоупотребление корпоративной формой: к вопросу квалификации // Хозяйство и право. 2022. № 7. С. 31–38.

Мионов А. Н., Амиров И. М., Чембарисов Т. И. Спортивное правовое принуждение // Административное и муниципальное право. 2016. № 3. С. 211–217.

Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / А. В. Асосков, В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко и др.; отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2020.

Понкин И. В., Понкина А. И. К вопросу о понятии и особенностях автономного внеправового нормативного порядка в области спорта // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. Вып. 1. С. 28–34.

Предпринимательское право: современный взгляд: моногр. / М. И. Клеандров, Г. А. Гаджиев, Ш. М. Исмаилов и др.; отв. ред. С. А. Карелина, П. Г. Лахно, И. С. Шиткина. М.: Юстицинформ, 2019.

Рахманова Е. Н. Коррупция в спорте: проблемы спортивной автономии и управления // Бизнес. Образование. Право. 2020. № 3. С. 277–282.

Сафонов В. А., Баранов Д. С. Акты общероссийских спортивных федераций в системе источников трудового права: постановка проблемы // Трудовое право в России и за рубежом. 2012. № 2. С. 29–32.

Современное корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики: моногр. / О. А. Беляева, С. А. Бурлаков, М. М. Вильданова и др.; отв. ред. О. В. Гутников. М.: Статут, 2021.

Сойфер Т. В. К вопросу о публичных договорах с участием некоммерческих организаций // Гражданское право. 2016. № 3. С. 6–9.

Столяров С. Е. О трудовом статусе спортивных тренеров // Юрист. 2021. № 6. С. 54–59.

Юрлов С. А. Право не вступать в общественные объединения: практика Европейского суда по правам человека и ее значение для мира спорта // Прецеденты Европейского суда по правам человека. 2018. № 4. С. 51–56.

Ex jure

Информация для цитирования

Асадуллин М. Р. О корпорациях в спорте // *Ex jure*. 2024. № 3. С. 38–53.
DOI: 10.17072/2619-0648-2024-3-38-53

Asadullin M. R. About Corporations in Sports. *Ex jure*. 2024. № 3. Pp. 38–53.
DOI: 10.17072/2619-0648-2024-3-38-53

УДК 347

DOI: 10.17072/2619-0648-2024-3-54-60

Правовая природа цифрового товара в современных экономических реалиях

А. В. Волков

Доктор юридических наук, профессор
кафедры гражданского и предпринимательского права

Ульяновский государственный университет
432017, Россия, г. Ульяновск, ул. Льва Толстого, 42

E-mail: volkov@ab-irbis.ru

А. Г. Демиева

Доктор юридических наук, доцент кафедры
предпринимательского и энергетического права

Казанский (Приволжский) федеральный университет
420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, 18

E-mail: ainuraa@bk.ru

Аннотация: *статья посвящена оценке существенных характеристик цифрового товара. Обращается внимание на то, что в юридической доктрине не сложилось единого мнения о правовой природе цифрового товара. Уточняется, что некоторые трудности в правовой квалификации цифрового товара связаны с особенностями его гражданского оборота, в частности с трансформацией классической концепции «имущества», платформизацией гражданских правоотношений и договорным цифровым взаимодействием; кроме того, сам оборот происходит помимо конкретных границ государств (к примеру, программное обеспечение распространяется вне таможенного и налогового контроля). Исследуемая категория соотносится с «товаром» в его классическом понимании, а также с понятием «услуга».*

© Волков А. В., Демиева А. Г., 2024

Выявленные специфические черты цифрового товара предопределяют его собственный правовой режим. Делается вывод, что в отношении цифровых товаров есть необходимость создания специальных норм.

Ключевые слова: цифровой товар; товар; услуга; товарооборот; гражданский оборот; цифровизация

The Legal Nature of Digital Goods in Modern Economic Realities

A. V. Volkov

Ulyanovsk State University
42, Lev Tolstoy st., Ulyanovsk, 432017, Russia

E-mail: volkov@ab-irbis.ru

A. G. Demieva

Kazan (Volga Region) Federal University
18, Kremlyovskaya st., Kazan, 420008, Russia

E-mail: ainuraa@bk.ru

Abstract: *the article is devoted to the assessment of the essential characteristics of a digital product. Attention is drawn to the fact that there is no consensus in the legal doctrine on the legal nature of a digital product. It is clarified that some difficulties in the legal qualification of digital goods are also related to the peculiarities of its civil turnover, in particular, the transformation of the classical concept of “property”, the platformization of civil legal relations, contractual digital interaction, in addition, the turnover itself occurs in addition to specific borders of states (for example, software distribution occurs outside customs and tax control). The correlation of the studied category and the “product” in the classical sense, as well as with the concept of “service”, is carried out. The identified specific features of a digital product predetermine its own legal regime. It is concluded that in relation to digital goods, there is a need to create special rules.*

Keywords: *digital goods; goods; services; trade turnover; civil turnover; digitalization*

Современные технологические процессы привели к созданию качественно новой реальности, именуемой сегодня цифровой. Традиционные формы хозяйствования также приобретают непосредственную связь с цифровыми инструментами. Соответственно, и прежняя регламентация всевозможных сфер экономической жизни нуждается в существенной модернизации, заставляя иначе взглянуть на привычные термины. Как известно, все категории и явления в гражданском обороте должны быть переопределены с позиции экономических процессов, в том числе и обращение товаров. Глубинная трансформация всех сфер экономики приводит ко всеобщей оцифровке всех физических ценностей, работ и услуг, а также к постоянному увеличению доли цифровых благ на рынке¹. О новом тренде – цифровизации всех областей права – давно говорят и ученые-юристы².

Поэтому перед юридической наукой и практикой ставится ряд задач: определение правовой природы новой категории – цифрового товара, соотношение его с сущностью товара в классическом понимании, а также выявление возможности применения норм о торговом обороте к регламентации отношений по продаже цифровых товаров.

Особый правовой режим товара складывается из-за необходимости специальной правовой регламентации всего товарного оборота. Как известно, товар не обозначен законодателем среди объектов гражданских прав, вместе с тем наличие у товара особых свойств позволяет выделить его среди иных вещей. К примеру, особые правила существуют в отношении реализации партии некачественных товаров или товаров без необходимых документов: для этого законодателем предусмотрены средства индивидуализации товаров. Кроме того, специальные нормы предусмотрены для допуска товаров в гражданский оборот: соответствие всех партий товаров необходимым требованиям качества и безопасности, соблюдение условий упаковки и маркировки товаров, их перевозки, хранения, рекламы и т.п. Следовательно, именно наличие оборотоспособности позволяет отнести вещь к товару. Как верно отмечает Е. И. Высоцкая, «любой товар – вещь, но не любая вещь – товар»³.

¹ Котванов М. В., Котванова С. Г., Шипулина И. А. Сетевое взаимодействие как мультипликатор экономического роста: макроэкономический и региональный аспекты // Региональная экономика: теория и практика. 2021. Т. 19, № 8. С. 1542–1567.

² См., например: Захаркина А. В. Основы цивилистической теории цифровых финансовых активов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 3 (57). С. 504–526; Губин Е. П., Харитонов Ю. С. Цифровые платформы в Европе, Китае и России: основные подходы и тенденции правового регулирования // Право и экономика. 2020. № 8. С. 5–13.

³ Высоцкая Е. И. Товар как объект гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2013. С. 10.

В юридической литературе не сложилось единого мнения о правовой природе цифрового товара⁴. Относить ли эту категорию к «товару» или ее необходимо рассматривать как «услугу»? Или же следует предусмотреть для нее в законодательстве специальный термин? Кроме того, существует мнение, которое мы не разделяем, что цифровым товаром является криптовалюта; при этом высказывающие его предлагают внести изменения в статью 454 Гражданского кодекса РФ⁵.

В первую очередь стоит разграничить правовую природу категорий «товар» и «цифровой товар». Отметим, кстати, что «товар – продукт труда и обмена (продажи), способный к отчуждению и имеющий стоимость. Обычно товаром называют лишь материальные объекты, но в широком смысле товаром можно именовать всякое благо, реализуемое на рынке в результате возмездных сделок»⁶.

Во-первых, как предмет договора цифровой товар конкретизируется иными свойствами и характеристиками, нежели обычные товары. Как правило, это наименование, состав поставки и функциональные возможности (операционная система, драйвер и т.д.).

Во-вторых, процесс передачи цифрового продукта происходит с использованием технологий (по каналам электронной связи). Эта особенность цифрового товара обостряет проблемы определения места исполнения обязательства по передаче цифрового товара, применимого права и надлежащей юрисдикции для рассмотрения и разрешения споров.

В-третьих, указанная выше особенность передачи цифрового товара существенно сокращает срок его поставки (моменты заключения, исполнения, а также списания денег с указанного покупателем счета могут совпасть).

В-четвертых, при передаче цифрового товара существенно сокращаются расходы, связанные с поставкой обычного товара (отсутствие тары (упаковки), издержек по пересылке, перевозке, хранению и т.п.). Вместе с тем продавец несет особое бремя – обеспечение безопасности каналов электронной связи.

В-пятых, специфика цифрового товара существенно трансформирует обязательство продавца, связанное с наличием обременений и возражений третьих лиц.

⁴ Горшкова Л.В. Цифровой товар – товар или услуга? Доклад на VII Международной конференции «Право и Интернет». URL: <https://www.ifap.ru/pi/07/>.

⁵ Толкачев А. Ю., Жужжалов М. Б. Криптовалюта как имущество – анализ текущего правового статуса // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 9. С. 91–135.

⁶ Хохлов В. А. Глоссарий корпоративного права. М.: Юстицинформ, 2019. С. 199.

В-шестых, осмотр цифрового товара в традиционном смысле уместно заменить на его установку и запуск в тестовом (проверочном) режиме.

В-седьмых, в отношении цифрового товара изменяется характер определения его качества, а также соответствия условиям договора (например, несоответствие договору при появлении обновленной версии и т.п.).

В-восьмых, сущность цифрового товара предопределяет необходимость видоизменения понятия безопасности цифрового товара как товара и понятия вреда, причиненного потребителю такого товара, что следует также уточнить в договоре.

В-девятых, особенность цифрового продукта отражается и на таком понятии, как «риск случайной гибели». Возникает необходимость указать в договоре условия, при которых покупатель подобного товара имеет право на его восстановление без повторной покупки.

Наконец, в-десятых, любой цифровой товар может быть использован несколькими покупателями, если продавец не установит техническую защиту от копирования или переустановки.

Таким образом, в отличие от товара в классическом понимании, цифровые товары, существующие только в электронном формате (музыкальные альбомы, лекции и видеоуроки, электронные книги и презентации), имеют ряд специальных характеристик, требующих отдельного внимания законодателя.

Некоторые трудности в правовой квалификации цифрового товара связаны и с особенностями его гражданского оборота, в частности с трансформацией классической концепции «имущества», платформизацией гражданских правоотношений, договорным цифровым взаимодействием; кроме того, сам оборот происходит помимо конкретных границ государств (к примеру, программное обеспечение распространяется вне таможенного и налогового контроля). Следует отметить, что если исходно передачу цифрового товара в сети Интернет сложно определить как трансграничное перемещение, то в сложившейся ситуации маловероятно отнести цифровой товар к категории «товар». При экспортно-импортных операциях в отношении цифрового товара происходит обмен электронными данными, составляющими содержание цифрового объекта, а не физическое перемещение товаром границы. Анализ содержания Венской конвенции позволяет сделать вывод, что она также относит цифровой товар к категории услуг⁷.

⁷ Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров: комментарий / М. М. Богуславский, Н. Г. Вилкова, А. М. Городисский [и др.]; ред. В. И. Кулешова. М.: Юрид. лит., 1994.

В отечественной и зарубежной доктрине определение категории «товар», как правило, строится на противопоставлении понятию услуги, отличительным признаком которой называют отсутствие материального выражения в овеществленной форме. В сферу услуг входят только те экономические отношения, когда граждане для удовлетворения своих потребностей получают «особую потребительную стоимость» в виде деятельности определенного субъекта. По этому признаку сюда не могут быть включены отношения по продаже товаров, ведь «товар как таковой никогда не является непосредственно предметом потребления, а является носителем меновой стоимости»⁸. По общему правилу, услуга не имеет вещественного результата, как операция обладает свойством неосвязаемости и этим кардинально отличается от наиболее распространенных объектов гражданских прав – вещей⁹.

Ввиду того что в международной и отечественной практике отсутствует единый подход, позволяющий отличать цифровые товары от цифровых услуг, следует руководствоваться определенным набором критериев, среди которых способность товара быть предметом торгового оборота, возможность владения цифровым товаром, существование цифрового товара независимо от собственника или иного лица, наличие какого-либо материального эквивалента цифрового товара.

Вышеуказанные правовые нормы и положения доктрины отражают различные подходы к определению товара, но единым критерием является наделение данной категории материальными, телесными характеристиками, восприятие ее как «движимого имущества». Следовательно, критерий материального выражения в овеществленной форме позволяет квалифицировать торговые операции в отношении цифрового товара в качестве услуги. В этой связи, несмотря на терминологическую приближенность категорий «товар» и «цифровой товар», последний не может выступать предметом правового регулирования нормативно-правовыми актами, регламентирующими товарооборот.

Таким образом, обозначенная специфика цифрового товара предопределяет собственный правовой режим – правила, по которым товары вовлекаются в гражданский оборот и участвуют в нем в качестве предметов торговых сделок. В связи с этим возникает сложность адаптации права, то есть применение уже действующих норм к новым категориям объектов. Полагаем, в отношении цифровых товаров существует необходимость создания специальных норм.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 30 т. Т. 26, ч. 1: Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала») / подгот. В. К. Бругилинский, И. И. Прейс. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1962. С. 141.

⁹ Дроздова А. В. Понятие и содержание услуги как объекта гражданских прав // Сибирский юридический вестник. 2003. № 1. С. 41.

Библиографический список

Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров: комментарий / М. М. Богуславский, Н. Г. Вилкова, А. М. Городисский и др.; ред. В. И. Кулешова. М.: Юрид. лит., 1994.

Высоцкая Е. И. Товар как объект гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2013.

Горшкова Л. В. Цифровой товар – товар или услуга? Доклад на VII Международной конференции «Право и Интернет». URL: <https://www.ifar.ru/pi/07/>.

Губин Е. П., Харитонов Ю. С. Цифровые платформы в Европе, Китае и России: основные подходы и тенденции правового регулирования // Право и экономика. 2020. № 8. С. 5–13.

Дроздова А. В. Понятие и содержание услуги как объекта гражданских прав // Сибирский юридический вестник. 2003. № 1. С. 39–44.

Захаркина А. В. Основы цивилистической теории цифровых финансовых активов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 3 (57). С. 504–526.

Котванов М. В., Котванова С. Г., Шипулина И. А. Сетевое взаимодействие как мультипликатор экономического роста: макроэкономический и региональный аспекты // Региональная экономика: теория и практика. 2021. Т. 19, № 8. С. 1542–1567.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 30 т. Т. 26, ч. 1: Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала») / подгот. В. К. Бругилинский, И. И. Прейс. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1962.

Толкачев А. Ю., Жужжалов М. Б. Криптовалюта как имущество – анализ текущего правового статуса // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 9. С. 91–135.

Хохлов В. А. Глоссарий корпоративного права. М.: Юстицинформ, 2019.

Информация для цитирования

Ex jure

Волков А. В., Демиева А. Г. Правовая природа цифрового товара в современных экономических реалиях // Ex jure. 2024. № 3. С. 54–60. DOI: 10.17072/2619-0648-2024-3-54-60

Volkov A. V., Demieva A. G. The Legal Nature of Digital Goods in Modern Economic Realities. *Ex jure*. 2024. № 3. Pp. 54–60. DOI: 10.17072/2619-0648-2024-3-54-60

УДК 347

DOI: 10.17072/2619-0648-2024-3-61-74

О правовой природе и пределах ограничения и приостановления предоставления коммунальных услуг в случае их неполной оплаты потребителем

О. А. Кузнецова

Доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин

Пермский институт ФСИН России
614012, Россия, г. Пермь, ул. Карпинского, 125

E-mail: grazhdanskoe.pravo@gmail.com

Е. М. Сенотрусова

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин

Иркутский юридический институт (филиал)
ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации»
664035, Россия, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1

E-mail: evg-suranova@yandex.ru

Аннотация: статья посвящена анализу правовой природы мер по ограничению и приостановлению предоставления коммунальных услуг в связи с наличием задолженности со стороны потребителя. Данные меры

© Кузнецова О. А., Сенотрусова Е. М., 2024

отнесены авторами к мерам оперативного воздействия. Названы такие их особенности, как организационно-правовой характер, реализация в рамках сложившихся договорных связей и ввиду неисправности контрагента, направленность на временное преобразование структуры правоотношений, выполнение стимулирующей, воспитательной и обеспечительной функций. Отмечается несовершенство отечественного гражданского законодательства в части регламентации неюрисдикционной формы защиты. Перечислены пределы ограничения и приостановления предоставления коммунальных услуг, а именно: соразмерность допущенному нарушению, недопустимость нарушения прав иных лиц и создания угрозы жизни и здоровью граждан, обеспечение баланса прав и интересов потребителей.

Ключевые слова: *приостановление исполнения договора; коммунальные услуги; меры оперативного воздействия; неюрисдикционная форма защиты*

About The Legal Nature and Limits of the Restriction and Suspension of the Provision of Public Services in Case of Incomplete Payment by the Consumer

O. A. Kuznetsova

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

Institute of the Federal Penal Service of Russia
125, Karpinskogo st., Perm, 614012, Russia

E-mail: grazhdanskoe.pravo@gmail.com

E. M. Senotrusova

Irkutsk Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
1, Shevtsova st., Irkutsk, 664035, Russia

E-mail: evg-suranova@yandex.ru

Abstract: *the article analyzes the legal nature of measures for the restriction and suspension of the provision of public services with these measures imple-*

mentation against the consumer's debt. A conclusion is made that they belong to retaliatory measures. Their features are listed as follows: their organizational and legal nature, their implementation within the framework of established contractual relations and in connection with the malfunction of the counterparty, their being focused on temporary transformation of the structure of legal relations, the execution of stimulating, educational and security functions. The imperfection of domestic civil legislation is noted in terms of insufficient regulation of the non-jurisdictional form of protection. The limits of the implementation of restrictions and suspensions of the public services provision are listed, and in particular: proportionality of the liability to the violation, inadmissibility of violating the rights of other persons and endangering the life and health of citizens, ensuring a balance of rights and interests of consumers.

Keywords: *suspension of contract execution; public services; retaliatory measures; non-jurisdictional form of protection*

Гражданское и жилищное законодательство устанавливает обязанность собственников и нанимателей по договорам социального найма и найма жилого помещения жилищного фонда социального использования своевременно и в полном объеме вносить плату за коммунальные услуги. В случае неисполнения данной обязанности допускается ограничение или приостановление предоставления коммунальных услуг (абз. «а» п. 117 Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 06.05.2011 № 354 (далее – Правила № 354)).

Полноценное цивилистическое исследование того или иного явления в рамках устоявшихся традиций отечественного права предполагает определение его правовой природы, его квалификацию и установление родо-видовой связи с иными институтами. Теоретико-практическое значение данных вопросов существенно, однако в отношении мер по ограничению и приостановлению предоставления коммунальных услуг однозначного решения они не имеют.

Традиционно в доктрине частного права принято выделять две формы защиты нарушенных гражданских прав: юрисдикционную и неюрисдикционную. Последняя, в свою очередь, представлена такими двумя видами, как самозащита и меры оперативного воздействия. Впрочем, поскольку в общих положениях гражданского законодательства «отсутствует сводная информация

о неюрисдикционной форме защиты»¹, а о мерах оперативного воздействия получить какую-либо информацию «вообще невозможно»², высказывается позиция о необходимости их включения в категорию самозащиты. По утверждению Н. В. Южанина, на сегодняшний день потребности в выделении «мер оперативного воздействия как самостоятельного правового института в отрыве от самозащиты права»³ нет, ввиду чего в доктрине и судебной практике все чаще наблюдается приравнивание указанных институтов.

Анализ судебных актов косвенно подтверждает указанную выше позицию: из 2121 акта, вынесенного по спорам, связанным с ограничением или приостановлением предоставления коммунальных услуг, только в двух соответствующие действия квалифицируются судами как меры оперативного воздействия⁴. Так, Верховный суд Республики Коми в своем решении указал, что «законодатель в качестве последствия неисполнения или частичного исполнения... предусмотрел право кредитора, на котором лежит встречное исполнение, прибегнуть к мерам оперативного воздействия, содействующим исполнению обязательств должником по договору и предотвращению возможных для кредитора отрицательных последствий»⁵. В другом решении – апелляционном определении Тверского областного суда – отмечено, что «при нарушении договора поставки газа наряду с мерами гражданско-правовой ответственности применяются меры оперативного воздействия: ограничение или прекращение поставки газа»⁶. При этом в подавляющем большинстве случаев суды рассматривают одностороннее приостановление исполнения договора предоставления коммунальных услуг как меру самозащиты⁷.

¹ Кузнецова О. А. Формы защиты гражданских прав: необходимость нового подхода // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия: сб. материалов IX Междунар. науч.-практ. конф., 6–8 апр. 2022 г.: в 2 т. / сост. А. И. Согрина. Т. 1. Пермь, 2022. С. 224.

² Там же. С. 225.

³ Южанин Н. В. Приостановление исполнения обязательств как односторонняя правозащитная мера // Вестник экономической безопасности. 2020. № 2. С. 57. Аналогичной позиции придерживается Г. Я. Стоякин. По его мнению, под мерами самозащиты понимаются предусмотренные законом односторонние действия как правового, так и фактического характера, в том числе и организационно-правовые меры. См.: Стоякин Г. Я. Меры защиты в советском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1973. С. 82–83.

⁴ Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» по состоянию на 26 марта 2024 г.

⁵ Апелляционное определение Верховного суда Республики Коми от 18 янв. 2018 г. по делу № 33-209/2018.

⁶ Апелляционное определение Тверского областного суда от 30 июня 2015 г. по делу № 33-2322.

⁷ Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 27 июня 2023 г. по делу № 88-17889/2023; Апелляционные определения Амурского областного суда от 2 нояб. 2022 г. по делу № 33АП-3907/2022, от 12 окт. 2022 г. по делу № 33АП-3640/202, от 11 окт. 2021 г.

Между тем такое положение вещей, на наш взгляд, обусловлено не отрицанием со стороны правоприменителя самостоятельного характера мер оперативного воздействия, а попыткой преодолеть юридико-технические недостатки действующего правового регулирования. Так, в статье 12 Гражданского кодекса Российской Федерации⁸ (далее – ГК РФ) среди способов защиты гражданских прав названа самозащита права, а меры оперативного воздействия в этом перечне отсутствуют. Хотя заметим, что некоторые ученые полагают возможным в качестве разновидности последних рассматривать такой поименованный законодателем способ защиты гражданских прав, как прекращение или изменение правоотношения⁹. В общих положениях гражданского законодательства отсутствуют основания, условия и пределы применения мер оперативного воздействия, хотя пределы самозащиты довольно лаконично и емко изложены в статье 14 ГК РФ.

Думается, отнесение мер оперативного воздействия к мерам самозащиты объясняется желанием заполнить вакуум в части законодательной регламентации пределов их реализации посредством применения к ним требований статьи 14 ГК РФ. К примеру, А. Г. Карапетов, указывая на необходимость отнести приостановление исполнения к односторонним мерам защиты (термин «меры оперативного воздействия» ученый считает неудачным ввиду отсылки на некие «командно-административные механизмы давления на нарушителя»¹⁰), а последние – к мерам самозащиты права, полагает решение данного вопроса принципиальным, поскольку от того, относятся ли исследуемые явления к категории мер самозащиты, «зависит возможность применения к праву на приостановление принципиальной нормы, заложенной в ст. 14 ГК РФ»¹¹.

№ 33АП-3564/2021; Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 10 янв. 2018 г. по делу № 33-293/2018.

⁸ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ: принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г.

⁹ См., например: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / Г. Е. Авилов, В. В. Безбах, Н. И. Клейн и др.; под ред. О. Н. Садикова. М.: Контракт, Инфра-М, 2005. С. 63; *Панова А. С.* Гражданско-правовая сущность мер оперативного воздействия // Право и экономика. 2016. № 5. С. 29–30; Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / А. В. Асосков, В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко и др.; отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2020. С. 898.

¹⁰ *Карапетов А. Г.* Приостановление исполнения обязательства как способ защиты прав кредитора. М.: Статут, 2011. С. 167.

¹¹ Там же.

Безусловно, меры оперативного воздействия и меры самозащиты имеют общие признаки, что позволяет объединить их в некие односторонние неюрисдикционные действия, однако игнорировать их отличия представляется недопустимым. Среди таких отличий в разное время учеными назывались, в частности, фактический или правовой характер применяемых мер, направленность на обеспечение договорного обязательства или охрану абсолютных прав, применение в условиях чрезвычайности или при отсутствии таковой¹² и т.п.

С учетом действия общеправовых начал и принципов гражданского права, законодательных требований к конкретным разновидностям мер оперативного воздействия (например, абз. 2 п. 2 ст. 328 ГК РФ) следует полагать, что само по себе отсутствие легально закрепленных общих положений о пределах их применения не тождественно отсутствию таковых вовсе.

Кроме того, анализ ряда научных трудов по данной проблематике показывает, что зачастую правовая природа приостановления исполнения договора в целом и ограничения (приостановления) предоставления исполнителем коммунальных услуг в частности рассматриваются учеными в отрыве от оснований для применения данных мер. Между тем основание совершения соответствующих действий представляется значимым для их правильной квалификации. Так, думается, что если ограничение (приостановление) предоставления коммунальных услуг связано с неисполнением (ненадлежащим исполнением) потребителем обязанности по их оплате, то такие меры следует рассматривать как меры оперативного воздействия.

В. П. Грибанов под мерами оперативного воздействия понимал «такие юридические средства правоохранительного характера, которые применяются к нарушителю гражданских прав и обязанностей непосредственно самим управомоченным лицом, как стороной в гражданском правоотношении, без обращения за защитой права к компетентным государственным или общественным органам»¹³. По мнению А. Е. Кирпичева, меры оперативного воздействия суть юридические неблагоприятные для нарушителя условий договора последствия, для применения которых кредитору не требуется обращаться

¹² См., например: Бурмистрова С. А. Система форм защиты правовых интересов // Вестник гражданского процесса. 2020. Т. 10, № 3. С. 100–118; Кархалев Д. Н. Восстановление нарушенных гражданских прав во внесудебном порядке // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 3. С. 90–111.

¹³ Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2000. С. 133.

в юрисдикционные органы¹⁴. М. С. Карпов определяет меры оперативного воздействия как «предусмотренные в законе или соглашении сторон меры юридического воздействия на неисправного должника в договорном обязательстве, применение которых заключается в совершении управомоченным лицом односторонних действий по изменению или прекращению договорного обязательства в связи с нарушением обязанностей со стороны контрагента»¹⁵.

Учитывая изложенные и иные существующие на этот счет позиции¹⁶, полагаем, что приостановление и ограничение предоставления коммунальных услуг, реализуемые исполнителем в связи с их неполной оплатой потребителем, полностью отвечают признакам мер оперативного воздействия:

1) приостановление и ограничение предоставления коммунальных услуг имеют юридический характер;

2) названные меры неразрывно связаны с обязательственными отношениями, складывающимися между исполнителем и потребителем;

3) исследуемые меры применяются управомоченным лицом лишь в том случае, если потребитель допустил нарушения договора в части оплаты предоставляемых услуг;

4) приостановление и ограничение предоставления коммунальных услуг имеют превентивное значение, направлены на недопущение возникновения новых и увеличения уже возникших убытков управомоченного лица. Данный признак, в частности, объясняет и возложение всех расходов по введению ограничения, приостановления и возобновления предоставления коммунальной услуги на неисправного потребителя;

5) исполнитель вправе применить исследуемые меры самостоятельно, без обращения к компетентным государственным или общественным органам;

6) приостановление и ограничение имеют обеспечительное (или, по утверждению М.С. Карпова, «пассивно-обеспечительное»¹⁷) и воспитательное

¹⁴ *Кирпичев А. Е.* Система санкций за нарушение договора: меры ответственности, меры оперативного воздействия, расторжение договора и неюридические санкции // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2016. № 7. С. 14.

¹⁵ *Карпов М. С.* Гражданско-правовые меры оперативного воздействия. М.: Статут, 2004. С. 76.

¹⁶ См., например: *Живихина И. Б.* Оперативный способ защиты права собственности // *Российский судья.* 2006. № 3. С. 16–18; *Она же.* Применение мер оперативного воздействия и самозащиты права собственности: вопросы теории и практики // *Российский судья.* 2006. № 6. С. 23–26; *Сиротина Т. А.* Формирование представлений о мерах оперативного воздействия в отечественной цивилистической доктрине // *Законодательство и экономика.* 2008. № 11. С. 92–100.

¹⁷ *Карпов М. С.* Гражданско-правовые меры оперативного воздействия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 7.

воздействие на нарушителя, побуждают контрагента «к надлежащему исполнению своих обязанностей»¹⁸. Действительно, Правилами № 354 предусмотрено такое процедурное условие введения ограничения (приостановления) предоставления коммунальной услуги, как предварительное предупреждение (уведомление) потребителя о предстоящем применении мер в случае непогашения им задолженности или незаключения соглашения о погашении долга в течение 20 дней со дня доставки указанного уведомления.

Более того, ограничение и приостановление услуг в данном случае характеризуются срочным характером, представляют собой временную несущественную модификацию правовой связи сторон, направленную на приведение поведения неисправного контрагента к идеальной модели отношений и в конечном итоге на сохранение договора. При ограничении договорная связь меняется в части поставляемого потребителю объема (количества) коммунального ресурса и (или) периодичности такого предоставления; в случае приостановления – обязанность исполнителя временно «замораживается», а подача коммунального ресурса временно прекращается. Направленность мер оперативного воздействия на восстановление правовой сферы исполнителя и стимулирование потребителя к надлежащему исполнению принятых на себя обязательств, а не на наказание последнего проявляется в поэтапности процедуры реализации данных мер. Так, в соответствии с Правилами № 354 коммунальная услуга должна быть сперва ограничена и лишь затем приостановлена; ее приостановление без предварительного введения ограничения допускается лишь при отсутствии технической возможности введения последнего.

Нельзя не отметить и превалирующий организационный характер исследуемых правовых мер, поскольку они направлены лишь на временное преобразование структуры правоотношений сторон¹⁹ и оказание стимулирующего воздействия на должника. Все вероятные негативные последствия имущественного характера носят вторичный характер и могут быть исключены должником при принятии всех разумных и зависящих от него мер (погашение долга или заключение соглашения о его реструктуризации) после получения уведомления от исполнителя. Верно замечено, что положительный эффект от мер оперативного воздействия может быть достигнут уже

¹⁸ Грибанов В. П. Указ. соч. С. 137.

¹⁹ Карапетов А. Г. Указ. соч. С. 168.

с момента «начала совершения правозащитного действия, не изменяя и не прекращая правоотношения»²⁰.

Право кредитора в одностороннем порядке приостановить исполнение обязательства к мерам оперативного воздействия относят также В. В. Витрянский²¹, Д. Н. Кархалев, М. С. Карпов²² и другие цивилисты.

Приостановление и ограничение предоставления коммунальных услуг имеют иную юридическую природу, если они реализуются в связи с возникновением или угрозой возникновения аварийной ситуации в централизованных сетях инженерно-технического обеспечения, возникновением стихийных бедствий или чрезвычайных ситуаций (п. 115 Правил № 354). В данном случае соответствующие действия могут быть оценены как меры самозащиты, поскольку они не связаны с нарушением обязательств потребителем услуг, направлены не на восстановление нарушенных прав в рамках договорных обязательств, а на предотвращение или устранение причиненного в результате техногенных или природных аварий вреда, не требуют предварительного уведомления потребителя и т.п.

Большинство ученых придерживаются позиции о необходимости соблюдения исполнителем коммунальных услуг при их ограничении или приостановлении пределов правомерности. Так, по мнению Д. Н. Кархалева, реализация оперативного воздействия возможна лишь при соблюдении пределов правомерности, в противном случае имеет место самоуправство²³. Н. В. Южанин, отрицая самостоятельность мер оперативного воздействия и относя их к разновидностям мер самозащиты, указывает, что на приостановление исполнения «распространяется критерий соразмерности», заложенный в статье 14 ГК РФ²⁴. О пределах ограничения и приостановления коммунальных услуг пишет и С. А. Киракосян²⁵.

²⁰ Южанин Н. В. Односторонние правозащитные меры в системе юридических фактов гражданского права // Вестник Российской правовой академии. 2016. № 1. С. 28.

²¹ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Кн. 1: Общие положения. М.: Статут, 2008. С. 703.

²² Карпов М. С. Гражданско-правовые меры оперативного воздействия: автореф. дис. ... С. 7.

²³ Кархалев Д. Н. Указ. соч. С. 108.

²⁴ Южанин Н. В. Приостановление исполнения обязательств как односторонняя правозащитная мера. С. 57.

²⁵ Киракосян С. А. Новеллы правового регулирования и судебная практика по вопросу ограничения и приостановления предоставления коммунальных услуг при наличии задолженности // Вестник арбитражной практики. 2017. № 1. С. 51–57.

Признание мер оперативного воздействия в качестве самостоятельной группы неюрисдикционных способов защиты гражданских прав или их отнесение к мерам самозащиты сами по себе не определяют наличия или отсутствия пределов их реализации. С учетом сказанного некоторые сомнения вызывает позиция М. С. Карпова, согласно которой практическим следствием из признания самостоятельного характера мер оперативного воздействия служит то, что в случае их применения «нет необходимости соблюдать требования к способам самозащиты, закрепленные в ст. 14 ГК РФ»²⁶. Как указывает ученый, «в соответствии с ч. 2 ст. 14 ГК РФ при применении мер оперативного воздействия как мер самозащиты возникала бы необходимость соблюдения условий самозащиты гражданских прав, в частности – соразмерности способа защиты нарушению и невыхождения за пределы действий, необходимых для его пресечения, в силу чего многие оперативные меры оказались бы в принципе неприменимы»²⁷.

С учетом универсального характера принципа добросовестности такое решение представляется необоснованным, ведь сам по себе отказ законодателя от легального закрепления общих пределов применения мер оперативного воздействия совсем не тождествен их отсутствию. Пределы применения могут быть «выведены» из общего смысла гражданского законодательства и принципов гражданского права, для этого не требуется искусственное приравнивание разных по своей юридической природе институтов. Поскольку при реализации мер оперативного воздействия в договорных отношениях, связанных с предоставлением коммунальных услуг, затрагивается право граждан на жилище и достойные условия существования, наличие рассматриваемых пределов объясняется и тем, что Российская Федерация на конституционном уровне признается социальным и правовым государством.

Нельзя не отметить и то обстоятельство, что при отсутствии общих положений о соразмерности и пропорциональности мер оперативного воздействия допущенному нарушению пределы применения этих мер нормативно регламентированы. Так, Правилами № 354 установлены следующие пределы реализации ограничения и приостановления предоставления коммунальных услуг: недопустимость повреждения общего имущества собственников помещений в многоквартирном доме; недопустимость нарушения прав и интересов потребителей, пользующихся другими помещениями в многоквартирном

²⁶ Карпов М. С. Гражданско-правовые меры оперативного воздействия: автореф. дис. ... С. 8.

²⁷ Там же. С. 14.

доме и полностью выполняющих возложенные на них обязательства; недопустимость нарушения установленных требований пригодности жилого помещения для постоянного проживания граждан. В частности, не допускается приостановление предоставления отопления, а в многоквартирных домах – отопления и холодного водоснабжения. При этом запрет ограничения и приостановления отопления толкуется правоприменителем расширительно: если теплоснабжение зависит от наличия электрической энергии или воды, то предоставление последних также не может быть ограничено (приостановлено).

Приведем пример. И. обратилась в суд с иском к энергосбытовой компании о признании незаконным отключения электроснабжения и компенсации морального вреда. Судом было установлено, что И. является собственником жилого дома, в котором проживает совместно с несовершеннолетними детьми, имеет статус многодетной матери; что жилой дом для И. и членов ее семьи – единственное пригодное для проживания жилое помещение и тепло- и водоснабжение в нем осуществляются с помощью электричества. В связи с задолженностью исполнитель приостановил предоставление электроэнергии в осенне-зимний период без соблюдения установленного порядка уведомления истца. Суд указал, что, помимо ненадлежащего уведомления потребителя о предстоящем применении мер оперативного воздействия (звонок на телефон), исполнителем не были соблюдены баланс прав и интересов проживающих граждан и требование соразмерности применяемой им меры. Суд принял во внимание проживание в доме несовершеннолетних детей, а также нарушение исполнителем установленных требований пригодности жилого помещения в связи с отключением электроэнергии, без которой энергоотопление дома зимой стало невозможным. Альтернативный способ отопления в доме отсутствовал. В итоге суд удовлетворил заявление истца²⁸.

Требование пропорциональности и соразмерности нашло отражение и в абзаце 3 пункта 40 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2017 г. № 22 «О некоторых вопросах рассмотрения судами споров по оплате коммунальных услуг и жилого помещения, занимаемого гражданами в многоквартирном доме по договору социального найма или принадлежащего им на праве собственности» (далее – Постановление № 22), согласно которому «само по себе наличие задолженности по оплате

²⁸ Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 14 сент. 2023 г. № 88-15853/2023 по делу № 2-7514/2022.

коммунальной услуги не может служить безусловным основанием для приостановления или ограничения предоставления такой коммунальной услуги. Действия исполнителя... должны быть соразмерны допущенному нанимателем (собственником) нарушению, не выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения, не нарушать прав и законных интересов других лиц и не создавать угрозу жизни и здоровью окружающих».

Помимо пропорциональности применяемой меры допущенному потребителем нарушению (продолжительность неоплаты, сумма долга и т.п.), суды учитывают социальный статус семьи, наличие в ее составе несовершеннолетних детей, инвалидов и иных лиц из числа социально незащищенных категорий граждан, иные обстоятельства. Так, Р. обратилась в суд с иском к ПАО «ТНС энерго Воронеж» о признании незаконными действий по приостановлению подачи электроэнергии в связи с наличием задолженности в размере около 150 тыс. рублей. Суд, признавая действия исполнителя незаконными, несмотря на соблюдение им установленной процедуры и наличия задолженности со стороны потребителя, исходил из того, что своими действиями ответчик нарушил право истца и членов его семьи на надлежащие санитарно-гигиенические условия проживания в доме, ограничил истца с детьми в удовлетворении необходимых жизненных потребностей по пользованию теплом в холодное время и водой, по приготовлению пищи. При этом, как указывалось судом, исполнитель обязан был соблюдать не только порядок по ограничению и приостановлению подачи электроэнергии, но и баланс прав и интересов проживающих граждан и соразмерности применяемой меры²⁹.

Таким образом, по своей правовой природе ограничение и приостановление предоставления коммунальных услуг, реализуемые в связи с наличием задолженности со стороны потребителя, являются мерами оперативного воздействия. Названные меры имеют правовой характер, реализуются исполнителем в рамках сложившихся договорных связей по предоставлению коммунальных услуг и вследствие неисполнения (или ненадлежащего исполнения) потребителем обязанности по их оплате, выполняют стимулирующую, воспитательную и обеспечительную роль. Реализация данных мер возможна при соблюдении установленных гражданским и жилищным законодательством требований, в частности требований пропорциональности и соразмерности, обеспечения баланса прав и интересов потребителей.

²⁹ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 12 июля 2023 г. № 88-19860/2023 по делу № 2-3102/2022.

Библиографический список

Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Кн. 1: Общие положения. М.: Статут, 2008.

Бурмистрова С. А. Система форм защиты правовых интересов // Вестник гражданского процесса. 2020. Т. 10, № 3. С. 100–118.

Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2000.

Живихина И. Б. Оперативный способ защиты права собственности // Российский судья. 2006. № 3. С. 16–18.

Живихина И. Б. Применение мер оперативного воздействия и самозащиты права собственности: вопросы теории и практики // Российский судья. 2006. № 6. С. 23–26.

Карпетов А. Г. Приостановление исполнения обязательства как способ защиты прав кредитора. М.: Статут, 2011.

Карпов М. С. Гражданско-правовые меры оперативного воздействия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

Карпов М. С. Гражданско-правовые меры оперативного воздействия. М.: Статут, 2004.

Кархалев Д. Н. Восстановление нарушенных гражданских прав во внесудебном порядке // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 3. С. 90–111.

Киракосян С. А. Новеллы правового регулирования и судебная практика по вопросу ограничения и приостановления предоставления коммунальных услуг при наличии задолженности // Вестник арбитражной практики. 2017. № 1. С. 51–57.

Кирпичев А. Е. Система санкций за нарушение договора: меры ответственности, меры оперативного воздействия, расторжение договора и неюридические санкции // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 7. С. 9–16.

Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / Г. Е. Авилов, В. В. Безбах, Н. И. Клейн и др.; под ред. О. Н. Садикова. М.: Контракт, Инфра-М, 2005.

Кузнецова О. А. Формы защиты гражданских прав: необходимость нового подхода // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия: сб. материалов IX Междунар. науч.-практ. конф., 6–8 апр. 2022 г.: в 2 т. / сост. А. И. Сорина. Т. 1. Пермь, 2022. С. 224–227.

Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / А. В. Асосков, В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко и др.; отв. ред. А. Г. Карпетов. М.: М-Логос, 2020.

Панова А. С. Гражданско-правовая сущность мер оперативного воздействия // Право и экономика. 2016. № 5. С. 23–30.

Сиротина Т. А. Формирование представлений о мерах оперативного воздействия в отечественной цивилистической доктрине // Законодательство и экономика. 2008. № 11. С. 92–100.

Стоякин Г. Я. Меры защиты в советском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1973.

Южанин Н. В. Односторонние правозащитные меры в системе юридических фактов гражданского права // Вестник Российской правовой академии. 2016. № 1. С. 24–28.

Южанин Н. В. Приостановление исполнения обязательств как односторонняя правозащитная мера // Вестник экономической безопасности. 2020. № 2. С. 56–61.

Информация для цитирования

Ex jure

Кузнецова О. А., Сенотрусова Е. М. О правовой природе и пределах ограничения и приостановления предоставления коммунальных услуг в случае их неполной оплаты потребителем // Ex jure. 2024. № 3. С. 61–74. DOI: 10.17072/2619-0648-2024-3-61-74

Kuznetsova O. A., Senotrusova E. M. About the Legal Nature and Limits of the Restriction and Suspension of the Provision of Public Services in Case of Incomplete Payment by the Consumer. *Ex jure*. 2024. № 3. Pp. 61–74. DOI: 10.17072/2619-0648-2024-3-61-74

УДК 347.412.8

DOI: 10.17072/2619-0648-2024-3-75-96

Неустойка в частном праве континентальной Европы: историко-методологический очерк

В. О. Пучков

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры предпринимательского права

Уральский государственный экономический университет
620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62/45

Ведущий юрисконсульт

ООО «Урал Импортер Лимитед»
620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. Фурманова, 126, оф. 1014.2

E-mail: v.o.puchkov@uslu.su

Аннотация: в статье исследуются истоки проблемы неустойки в современном гражданском праве с позиции социокультурных и экономических оснований. Делается вывод о том, что римское право не рассматривало неустойку в контексте обеспечительной либо штрафной конструкции, а соответствующая проблема была порождена в первую очередь особенностями интерпретаций глоссаторов. Аргументируется, что то или иное представление данной конструкции не является догматическим, поскольку таковым выступает лишь понимание неустойки как абстрактной имущественной обязанности, а не как юридического средства. Автор приходит к заключению, что в современном праве с учетом экономических характеристик рынка актуально представление неустойки как заранее оцененных убытков, в связи с чем ее обеспечительный характер является декларативным.

Ключевые слова: неустойка; обеспечительная конструкция; гражданское право; обязательство; правоотношение; санкция

© Пучков В. О., 2024

Contractual Penalty in Continental Private Law: Historico-Methodological Outline

V. O. Puchkov

Ural State University of Economics
62/45, 8th Marta st., Yekaterinburg, 620144, Russia

Ural Importer Limited LLC
1014.2/126, Furmanova st., Yekaterinburg, 620144, Russia

E-mail: v.o.puchkov@uslu.su

Abstract: *the article deals with the origins of the problem of the penalty in modern civil law from the standpoint of socio-cultural and economic grounds. The study concludes that Roman law did not consider a penalty in the context of a security or penalty structure, and the corresponding problem generated primarily by the peculiarities of the glossators' interpretations. The author argues thesis stating that this or that representation of this construction is not dogmatic, since such is only the understanding of the penalty as an abstract property obligation, and not as one or another legal means. The author comes to conclusion that in modern law, taking into account the economic characteristics of the market, the most relevant is the presentation of a penalty as liquidated damages, and therefore its security nature is declarative.*

Keywords: *penalty; civil law; security measure; obligation; legal relation; sanction*

«Гражданское законодательство предусматривает неустойку в качестве способа обеспечения исполнения обязательств и меры имущественной ответственности за их неисполнение или ненадлежащее исполнение»¹.

«...Условие неустойки служит укреплением и обеспечением договора или обязательства, то есть ручательством в точном исполнении оно; но из этого не следует, чтобы закон смотрел на неустойку как на вознаграждение за убытки, причиненные неисполнением договора»².

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 июня 2016 г. № 1365-О.

² Решение Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената от 26 марта 1869 г. № 310.

Выдержки из приведенных судебных актов отражают одну из основных проблем гражданского права – проблему *юридической природы неустойки*. Предметно обозначенная еще германской пандектистикой (в частности, О. Вендтом³), проблема эта по-разному решалась и теорией, и законодательством, и судебной практикой на различных этапах истории континентальной цивилистической традиции. Не будет преувеличением сказать, что и для современного гражданского права вопрос неустойки продолжает оставаться перманентно актуальным⁴.

О высокой значимости неустойки для обеспечения стабильного функционирования гражданского оборота свидетельствует и то, что к ее толкованию в качестве юридической конструкции неоднократно обращались высшие суды. Показательно, что только в 2020–2021 годах Конституционный Суд Российской Федерации в том или ином аспекте рассматривал конституционность норм о неустойке более чем в десяти своих решениях.

Несмотря на кажущуюся определенность, само понятие неустойки оправданно считать не вполне сформировавшимся хотя бы в силу того, что правовая природа ее неоднозначна. Подход отечественного законодателя и правоприменителя, декларирующих ее двойственную сущность – как способа обеспечения обязательства и как меры гражданско-правовой ответственности, не решает заявленную проблему и, кроме того, создает существенные затруднения в практике разрешения гражданско-правовых споров. Учитывая, что положение о неустойке, по сути, стало общепринятым элементом договорной техники и что в гражданском законодательстве получила широкое распространение конструкция так называемой законной неустойки, допустимо утверждать, что проблематика неустойки имеет фундаментальное значение для гражданского оборота и современного частного права.

В связи с этим в настоящем исследовании предпринята попытка обозначить экономические и социокультурные основания данной проблематики в рамках возможных способов ее разрешения с опорой на догматическую методологию.

В методологическом направлении общетеоретической юриспруденции нередко встречаются оценки юридической догматики как простого позитивно-правового анализа, как юридико-технической разработки поло-

³ См., например: *Wendt O. H. Lehrbuch der Pandekten*. Jena: G. Fischer, 1888. S. 198 et seq.

⁴ См.: *Меликов Г. И. Неустойка: проблемы правовой природы и использования в договорных отношениях в свете реформы гражданского законодательства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 3–5.*

жительного права в прикладных целях. Методологическая достоверность подобных оценок сомнительна, поскольку сам феномен догмы, догматизма не является юридическим, а выступает особым гносеологическим (общефилософским) отношением к познаваемому объекту. Потому для целей настоящего исследования и обоснования заложенного в его основу методологического подхода следует провести различие между позитивной юридической техникой и юридической догматикой, которое (без специального обсуждения, не входящего в задачи предлагаемой работы) будет обозначено далее.

Органически понятие догмы, догматики принадлежит сфере богословской мысли, в контексте которой качеством догмы обладают непререкаемые религиозные положения, истинность которых обеспечена Божественным авторитетом⁵. В силу этого любая догма (будь то догма теологическая, юридическая или общекультурная) отражается в двух основных формах – понятии и принципе. Первое в этом смысле задает концептуальные пределы рассмотрения познаваемого феномена; второй – организует содержание понятия на основании некоторой исходной идеи. Догматический метод познания, таким образом, заключается в отыскании принципиальной основы явления и формировании на базе ее понятийного образа. Иными словами, *в рамках юридической догматики право рассматривается само из себя в контексте собственных принципиальных и понятийных (то есть догматических) оснований*⁶.

Идет ли здесь речь *только* о позитивном праве? С одной стороны, историческое развитие догматического метода свидетельствует о его текстуальной ориентированности, что *prima facie* позволяет говорить об области юридической догматики только как области позитивного права. С другой стороны, нельзя не обратить внимания на то, что в современной философии понятие текста становится содержательно шире, чем в традиционных представлениях. В эпоху становления догматики (XII–XIV вв.) текст воспринимался как совокупность знаков, знаковых единиц (терминов); в современный период текст определяется уже как система *значений и смыслов*, которые при-
сутствуют не только семиотическим структурам, но и всей действительности

⁵ См.: *Shrubsole O. A. The Relation of Theological Dogma to Religion // International Journal of Ethics. 1907. Vol. 17. P. 410 et seq.*

⁶ Подробнее см.: *Dębiński A. Church and Roman Law. Lublin: Katolicki Uniwersytet Lubelski, 2010.*

в целом⁷. Следовательно, когда мы говорим о догматическом исследовании неустойки в гражданском праве, мы должны акцентировать наше внимание не только (и, возможно, не столько) на ее текстуальной, позитивно-правовой форме, сколько на всей области смыслов и значений этой гражданско-правовой конструкции. По этой причине исследовательский материал настоящей работы, обозначенной в качестве догматической, составляет право *вообще* – социокультурный феномен, не ограниченный исключительно сферой законодательства. Данная установка непосредственно согласуется с центральной идеей гражданского права как *права частного*, то есть такого, которое создается главным образом юридическими актами *частных лиц* и обеспечивает в первую очередь *частные интересы*. Здесь безусловно прав профессор В. Д. Катков, отмечавший, что «от идеи, а не от слова, отправляется дух, когда он выражает свою мысль. Господствующее на континенте направление в юриспруденции поступает наоборот: есть слово “право”, оно выражает... нечто, *ergo* есть в жизни (общественной или культурной) нечто, чему это слово служит выражением»⁸. Отсюда, поскольку догматика есть организованная на некоторой идее (идеях) система понятий и принципов, отыскание этой идеи (идей) есть конечная цель юридической догматики, а исследование правового текста становится лишь *одним из способов* достижения этой цели.

Таким образом, признавая данное исследование относящимся к области юридической догматики, следует обозначить его главную цель – формирование принципиальных и понятийных оснований конструкции неустойки в современном гражданском праве с точки зрения его социокультурных, а также экономических смыслов и значений, не ограниченных текстуальным содержанием гражданского законодательства и выражающих ключевую идею (идеи) неустойки в гражданском обороте.

⁷ Отсюда, в частности, следует постмодернистский тезис о «мире как тексте», сформулированный Ж. Деррида (см.: *Огородников В. П.* История и философия науки: учеб. пособие для аспирантов. СПб.: Питер, 2011. С. 30). Однако, на наш взгляд, считать концепцию мира-текста новацией постмодернистов было бы неверно. По крайней мере, однажды еще в советской философии созвучная идея была высказана М. К. Петровым (см.: *Петров М. К.* Пентеконтера. В первом классе европейской школы мысли // Вопросы истории естествознания и техники. 1987. № 3. С. 100–109). Еще раньше, в период расцвета лингвофилософии, сходные суждения высказывал Л. Витгенштейн (см.: *Витгенштейн Л.* Избранные работы / пер. с нем. и англ. В. Руднева. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2005. С. 96 и след.).

⁸ *Катков В. Д.* К анализу основных понятий юриспруденции. Харьков: Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1903. С. 111.

Нет сомнений в том, что возникновению права, в какой бы форме оно ни воспринималось, предшествует возникновение тех или иных отношений в обществе. Следовательно, еще до появления современных конструкций неустойки, до римской *stipulatio poenae*⁹ неустойка появляется как феномен социально-экономической системы. С позиции экономического анализа включение условия неустойки в римскую контрактную практику принято связывать с постепенным отходом от применения внеэкономических методов принуждения должника к концу I – началу II века¹⁰, обусловленным становлением латифундийного арендного землевладения¹¹. По свидетельству П. Темина, к 164 году социальная структура римских землевладельческих отношений становится такова, что арендаторы земли фактически попадают в состояние экономической зависимости от собственника; вместе с тем последнему невыгодно применять к просрочившим платежи арендаторам меры личной ответственности, поскольку их труд обеспечивает доходность его хозяйства. С этим связано развитие экономических методов стимулирования труда арендаторов, в числе которых важнейшее место занимает неустойка¹².

Таким образом, неустойка, с одной стороны, приобретает характер обеспечительной меры; с другой стороны, она же становится и санкцией за неисполнение обязательства. Вместе с тем в исследованиях по античной экономике прослеживается идея о том, что функция неустойки исторически ближе именно к *обеспечению* (принимая во внимание специфику заложенного в ее основу экономического интереса). Как замечает в связи с этим Б. Фриер, арендодателю было выгоднее способствовать повышению доходности участка в перспективе, чем получить единовременную компенсацию за задержку платежа, вследствие чего выплата последней, безусловно, не удовлетворяла долгосрочные экономические интересы землевладельца¹³.

⁹ Последняя, как пишет профессор Р. Циммерман, до кодификации Юстиниана приобретала позитивную форму лишь в качестве преторских эдиктов (см.: *Zimmerman R. Law of Obligations: Roman Foundations of the Civilian Tradition*. Cape Town: Juta, 1990. P. 103 et seq.).

¹⁰ См.: *Granado J. J. del. La genialidad del Derecho Romano, una perspectiva desde el análisis económico del derecho* // Revista do Ministério Público do RS. 2009. № 63. P. 186.

¹¹ См.: *Муравьева Л. А. Экономика и финансы античного мира* // Учет. Анализ. Аудит. 2016. № 4. С. 104; *Frank T. An Economic History of Rome*. 2nd ed., revised. Kitchener: Batoche Books, 2004. P. 76.

¹² *Temin P. The Roman Market Economy*. Princeton: Princeton University Press, 2013. P. 119. См. также: *Гинс Г. К. Способы обеспечения обязательств (с точки зрения истории и системы гражданского права)*. Пг.: Сенат. тип., 1917. С. 6–11.

¹³ *Frier B. W. The Rental Market in Early Roman Empire* // *The Journal of Roman Studies*. 1977. Vol. 67. Pp. 29–30.

По замечанию Ж.-П. Шазалья, из этого следует, что штрафная функция неустойки носила факультативный характер и основной ее целью в гражданском обороте было именно стимулирование к исполнению обязательства¹⁴.

Изложенное позволяет судить о том, что исторически первые образцы неустойки, сложившиеся в период развития арендных отношений в римской экономической системе, носили обеспечительный характер. Однако в последующем развитие юридических форм неустойки в римском, а затем и в континентально-европейском праве показывает, что неустойка начинает рассматриваться в основном в качестве финансовой санкции, меры имущественной ответственности¹⁵.

Впервые такую интерпретацию рассматриваемой нами конструкции дают итальянские постгlossаторы. В частности, Бартол, комментируя glossированные положения Дигест о стипуляции, говорит, что договором может быть предусмотрена уплата вознаграждения кредитору на случай неисправности должника, каковое имеет своей целью возмещение наличных либо потенциальных убытков, то есть по существу – *привлечение должника к ответственности*¹⁶. На взгляд А. Бискарди, такая интерпретация в целом характерна для догматических разработок римского права XIV века; вместе с тем исследователь делает оговорку, что ряд комментаторов того времени придерживались иного мнения, декларируя обеспечительную функцию неустойки по римскому праву¹⁷.

На наш взгляд, расхождения во взглядах консилиаторов на юридическую природу и центральную функцию неустойки имеют свои основания, поскольку

¹⁴ Chazal J.-P. De la puissance économique en droit des obligations: Thèse pour l'obtention du Doctorat en Droit. Grenoble: Université Pierre Mendès-France, 1996. P. 383.

¹⁵ См.: Карапетов А. Г. Неустойка как средство защиты прав кредитора в российском и зарубежном праве. М.: Статут, 2005. С. 5 и след.

Заслуживает внимания взгляд на эту проблему германского историка Т. Шмидта, который отмечает, что отношение к неустойке как к штрафной мере, впоследствии укрепившееся в праве континентальной Европы, во многом было обусловлено влиянием практики церковных судов: в силу их подхода должник, обещавший совершить исполнение и в дальнейшем не сделавший этого, считался солгавшим и, вследствие этого, обязанным нести штрафную ответственность (в рассматриваемом случае – имущественную) за свою ложь (см.: Schmidt T. Papst Bonifaz VIII und die Idolatrie // Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken. Bd. 66. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1986. S. 88).

¹⁶ Bartolo. Bartoli à Saxoferrato lucernae iuris, Omnia, quae extant, opera: eaque profectò non modò eiusdem Delphicis responsis quamplurimis, ac Tractatu de procuratoribus aucta. Venetiis: Apud Iuntas, MDCXV.

¹⁷ Biscardi A. La double configuration de la clause pénale en droit romain // De iustitia et iure. Festgabe für Ulrich von Lübtow zum 80. Geburtstag / Hrsg. von M. Harder und G. Thielmann. Berlin: Duncker & Humblot, 1980. S. 261.

представления о таковой не нашли своего отражения в *Corpus Iuris Civilis*. Примечательно, что даже сам термин *stipulatio poenae* не употреблялся ни в Дигестах, ни в Институциях¹⁸. В Кодексе о *stipulatio poenae* говорят фрагменты императорских эдиктов Гордиана (Сл. 2.3.14), Диоклетиана и Максимилиана (Сл. 4.32.22), Льва и Флавия Антемия (Сл. 5.1.5.6), Александра Севера (Сл. 8.38.2) и др. И все же из этих фрагментов нельзя сделать однозначного вывода о том, понималась ли *stipulatio poenae* как способ обеспечения либо как мера ответственности.

Отдельно о *poenae* рассуждает Гай в Институциях, причем контексты употребления им данного термина позволяют судить о том, что под *poenae* понималась исключительно мера ответственности (см., например: I. II:XX, “*De legatis*”; I. III:XV, “*De verborum obligatione*”). Однако в девятнадцатом титуле третьей главы Институций Гай допускает, что установленная контрактом *poenae* могла служить цели не наказания неисправного должника, а обеспечения интересов кредитора (I. III:XIX, “*De inutilibus stipulationibus*”).

Таким образом, кодификация Юстиниана не давала ответа на вопрос о том, каким целям служит неустойка и является ли она мерой ответственности либо мерой обеспечения. Это обстоятельство, в свою очередь, и стало источником споров между постглоссаторами о сущности неустойки. Особенно важно здесь то, что римская юриспруденция в принципе не могла обозначить эту проблему в силу специфики собственной методологии: таковая носила выраженный прикладной характер, в силу чего римские юристы не ставили перед собой задачу формирования абстрактных теоретических понятий. Отсюда можно заключить, что проблема юридической природы неустойки не представляла для римской юриспруденции первостепенного интереса. Важен был лишь практический смысл этой конструкции, состоящий в обязанности должника предоставить свое имущество кредитору в случае неисполнения либо ненадлежащего исполнения обязательства.

Изложенное выше позволяет прийти к следующим выводам.

Во-первых, исторически практика включения в договоры условия о неустойке возникла в связи с потребностью обеспечения надлежащего функционирования арендных отношений в античном Риме; специфика последних, как показывают экономические исследования, предпосылала конструкции неустойки скорее обеспечительный, нежели штрафной характер.

¹⁸ См.: Lombardo F. Studi su “*stipulatio*” e azioni stipulatorie nel diritto Giustiniano. Milano: Edizioni Universitarie di Lettere Economica Diritto, 2020. P. 134.

Во-вторых, основная форма положений о неустойке – эдикты преторов – в целом осталась за рамками кодификации Юстиниана¹⁹. Вошедшие в нее тексты Институций, Дигест, Кодекса и Новелл не содержали фрагментов, позволяющих явно и недвусмысленно определить правовую природу неустойки. Отсюда римской юриспруденции было известно лишь общее представление о неустойке как договорном условии об уплате неисправным должником той или иной денежной суммы.

В-третьих, специфика догматического метода схоластической юриспруденции впервые позволяет обозначить проблему юридической природы неустойки в римском праве. На этот счет мнения комментаторов расходятся, хотя большинство из них склоняется к тому, чтобы определять неустойку в качестве штрафной меры.

Таким образом, еще на заре правовой догматики как исторически первой исследовательской традиции континентальных юристов обозначается проблема двойственности юридической природы неустойки. В этом плане методологически значимо следующее замечание К. А. Усачевой: «В современном континентальном праве было бы сложно рассмотреть черты его далекого предка, если бы не труды многих поколений юристов от глоссаторов и комментаторов до авторов, чьи работы были использованы при составлении кодексов»²⁰. Действительно, формирование континентальной традиции права было в существенной степени обусловлено именно *юридическими исследованиями*, берущими свое начало еще в XI столетии. В частности, именно догматические и доктринальные разработки, *учения* о римском праве были положены в основу национальных кодификаций частного права в Европе в XIX веке.

В этом плане на этапе подготовки проектов европейских гражданских кодексов существенные расхождения вызвал вопрос о юридическом определении неустойки. В частности, по словам профессора П. Вери, предметом споров стала формулировка положений французского Гражданского кодекса (*Code civil des Français du 21 mars 1804*, далее – ГКФ) о понятии неустойки и невозможность прийти к общему мнению относительно ее правовой природы

¹⁹ По оценке американского юриста М. Смита, вплоть до кодификации в 529–534 годах римское право было, по существу, прецедентным (см.: *Smith M. Problems of Roman Legal History // Columbia Law Review. 1904. Vol. 4, № 8. P. 527*).

²⁰ *Усачева К. А. К вопросу о различии традиций договорного права в странах Common Law и в правовых порядках континентально-европейского типа // Вестник гражданского права. 2021. Т. 21, № 3. С. 110.*

стала причиной отсутствия легального определения данного понятия в ГКФ²¹. Вместе с тем, как отмечал Е. Годэмэ, хотя первоначально неустойка мыслилась «средством обеспечить... исполнение обязательств... ее практическая роль совершенно изменилась. Это – просто общее исчисление убытков»²².

Похожей была судьба положений о неустойке и в других европейских кодификациях частного права, к примеру в Австрийском гражданском кодексе (*Allgemeines bürgerliches Gesetzbuch vom 1. Juni 1811*)²³, Германском гражданском уложении (*Bürgerliches Gesetzbuch vom 18 August 1896*, далее – ГГУ)²⁴, Швейцарском гражданском кодексе (*Schweizerisches Zivilgesetzbuch vom 10. Dezember 1907*)²⁵. Об этом пишет Ю. Убайдат, который, связывая двойственную природу неустойки с континентальной традицией юридической догмы, отмечает, что в экономическом смысле «[контрактная] оговорка о неустойке была... способом обеспечения исполнения обязательства (англ.: *method of guaranteeing the performance of a particular contractual obligation*)»²⁶.

Здесь мы переходим к весьма интересному вопросу о соотношении догматических начал юриспруденции и экономических факторов в конструировании нормативной модели неустойки. Первые, как свидетельствует сказанное ранее, проникнуты романистической традицией в интерпретации глоссаторов и комментаторов (не имевших, в сущности, отчетливого видения римской социально-экономической модели). Вторые, в свою очередь, определяются не столько концептуальными моментами, сколько практическими потребностями экономических агентов. Отсюда возникает неизбежное расхождение между догматически организованным правом и реальной экономической действительностью. Это расхождение ярче всего иллюстрируют взгляды на природу и функции неустойки в рамках экономического анализа частного права.

²¹ Wéry P. La clause pénale // Les clauses applicables en cas d'inexécution des obligations contractuelles. Bruxelles: La Charte, 2001. P. 253.

²² Годэмэ Е. Общая теория обязательств / пер. с франц. И. Б. Новицкого. М.: Юрид. изд-во М-ва юстиции СССР, 1948. С. 395–396.

²³ См.: Schacherreiter J. Bereicherung und Schadenersatz im Immaterialgüterrecht: Ein Beitrag zum Verhältnis zwischen Sonderprivatrecht und allgemeinem Zivilrecht. Wien: Jan Sramek Verlag, 2018. S. 70 ff.

²⁴ См.: Chasapis Ch. Die Herabsetzung der unverhältnismäßig hohen Vertragsstrafe: Ein Beispiel richterlichen Schutzeingriffs in Privatrechtsverhältnisse. Berlin: Duncker & Humblot, 2014. S. 57 ff.

²⁵ См.: Koller A. Konventionalstrafe für Bauverzögerungen (Verspätungsstrafe) // Bau- und Bauprozessrecht: ausgewählte Fragen / Hrsg. von A. Koller. St. Gallen: Vereinigung für Baurecht, 1996. S. 9–10.

²⁶ Obeidat Yu. The "Penalty" Clause in English Law: A Critical Analysis and Comparison with Jordanian Law: Thesis Submitted for the Degree of Doctor of Philosophy. Leeds, 2004. P. 21.

Так, критикуя юридическую интерпретацию неустойки как своеобразной формы так называемых заранее оцененных убытков, французский цивилист Ж. Корну оценивал ее как «инструмент экономической тирании (франц.: *l'instrument de la tyrannie*)»²⁷, в том смысле что ее размер может существенно превышать реальные экономические потери кредитора. Не менее бескомпромиссная позиция у бельгийского ученого Ж. Тилмани, который в принципе ставит под сомнение соответствие юридической интерпретации неустойки публичному порядку – по крайней мере, в тех случаях, когда размер ее, установленный соглашением сторон, нивелирует возмездный характер основного обязательства²⁸. Характеризуя нормативную модель неустойки как бифункциональную (нем.: *Bifunktionalität der Vertragsstrafe*), У. Брендлер приходит к выводу, что роль ее в обеспечении надлежащего исполнения договорного обязательства (нем.: *Absicherung der ordnungsgemäßen Vertragserfüllung*) несущественна. На его взгляд, неустойка в том виде, в котором она представлена в ГГУ, есть, скорее, мера ответственности, размер которой, по сути, ничем не ограничен и не может быть снижен судом²⁹, что фактически придает неустойке характер действенного инструмента экономического подавления³⁰.

Примечательно, что феномен неустойки, имеющий и исторически, и генетически экономическую природу, в основном исследуется именно юристами³¹. Немногочисленные отечественные исследования по экономике, в том или ином аспекте затрагивающие вопрос о неустойке, свидетельствуют о том, что экономисты склонны рассматривать последнюю именно как меру финансового стимулирования³². Зарубежные экономические исследования, а также

²⁷ Cornu G. *L'apport des réformes récentes du Code civil à la théorie du droit civil*. Paris: Librairie générale de droit et de jurisprudence, 1971. P. 167.

²⁸ Thilmans J. *Fonctions et révisibilité des clauses pénales en droit comparé // Revue internationale de droit comparé*. 1980. Vol. 32, № 1. P. 24.

²⁹ Положения, предусмотренные § 348 Германского торгового уложения (*Handelsgesetzbuch vom 10. Mai 1897*), запрещают суду, рассматривающему спор между коммерсантами, применять правила о снижении неустойки, установленные § 343 ГГУ.

³⁰ Brendler U. *Die Vertragsstrafe und ihre Grenzen. Eine rechtsvergleichende Untersuchung des deutschen und englischen Rechts*. Berlin: Duncker & Humblot, 2019. S. 45 ff.

³¹ На это обращают внимание и зарубежные исследователи (см., например: Allan D. E., Hiscock M. E. *Law of Contract in Australia*. 2nd ed. North Ryde: Commerce Clearing House Australia, 1992. P. 82).

³² См.: Безверхова Ю. В. *Управление дебиторской задолженностью и кредитной политикой предприятий химической промышленности: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2012. С. 29; Хон О. Д. Развитие залогового механизма в системе банковского корпоративного кредитования: дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2019. С. 32.*

работы по экономическому анализу права в основном разделяют этот подход³³. Отсюда закономерно возникает вопрос: почему право, конструкции которого обусловлены существом социально-экономических отношений и призваны отражать *нормальное* состояние последних, применительно к регламентации неустойки придает ей смысл имущественной санкции, безусловно вторичный по отношению к экономическому смыслу неустойки? Этот вопрос можно было бы назвать метафизическим, если бы он не порождал весьма значимые проблемы как в цивилистической теории, так и в практике разрешения гражданско-правовых споров.

Интересно отметить, что вышеизложенный (штрафной) подход к неустойке однозначно доминировал в советской науке гражданского права³⁴. Для данного периода отечественной истории такое понимание неустойки было не только допустимым, но и, по сути, теоретически верным. Как известно, советская модель экономики (по крайней мере, до 1990 г.) носила плановый характер. Этим, в свою очередь, обуславливалось то, что хозяйственные, экономические связи устанавливались между предприятиями не в целях обеспечения их индивидуальных коммерческих потребностей, а в целях выполнения государственного плана развития народного хозяйства (что следовало, к примеру, из содержания части 2 статьи 1, статьи 168, части 2 статьи 233 и иных положений Гражданского кодекса РСФСР от 11.06.1964). Отсюда деятельность советских предприятий была скоординирована общим экономическим интересом, определяемым содержанием актов планирования³⁵.

Вместе с тем с точки зрения экономической теории свободного рынка обеспечение востребовано там, где есть *конкуренция экономических интересов*³⁶: в отсутствие последней в условиях централизованного управления

³³ См., например: *Mattei U.* The Comparative Law and Economics of Penalty Clauses in Contract // *American Journal of Comparative Law.* 1995. Vol. 43, № 3. P. 429; *Schwartz A., Sepe S. M.* Economic Challenges for the Law of Contract // *Yale Journal of Regulation.* 2021. Vol. 38. P. 682; *Thorpe J.* Economists Divided – Different Perceptions of Contract’s Penalty Doctrine // *Bond Law Review.* 1994. Vol. 6, № 2. P. 198.

³⁴ См., например: *Граве К. А.* Договорная неустойка в советском праве. М.: Госюриздат, 1950. С. 14–15; *Иоффе О. С.* Обязательственное право / ред. К. Н. Яцынина. М.: Юрид. лит., 1975. С. 157; *Райхер В. К.* Правовые вопросы договорной дисциплины в СССР / отв. ред. А. В. Венедиктов. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. С. 159.

³⁵ См.: *Новицкий И. Б.* История советского гражданского права. М.: Госюриздат, 1957. С. 170 и след.; *Grzybowski K.* Soviet Legal Institutions: Doctrines and Social Functions. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1962. Pp. 91–92.

³⁶ См.: *Kirzner I. M.* Market Theory and the Price System. Princeton: D. Van Nostrand Co. Inc., 1963. P. 5.

экономикой любая обеспечительная конструкция приобретает характер *санкции*, причем санкции *в большей мере публичного характера*, поскольку нарушение обязательства причиняет вред не частным, а публичным (общеекономическим) интересам³⁷. Неслучайно в целом ряде административно-нормативных актов, регулирующих советские экономические отношения, предприятиям прямо предписывалось включать в хозяйственные договоры положения о неустойке³⁸, а в некоторых экономико-правовых исследованиях предлагалось дополнить действующее законодательство правилами об ответственности предприятий «за невзыскание санкций»³⁹.

Между тем подход к определению неустойки в качестве имущественной санкции также становился объектом критики в контекстах экономического анализа. Автору этих строк удалось обнаружить исследование советского периода, в котором с опорой на соответствующую методологию рассматривается данная проблема, – статью А. А. Соболева, исследовавшего экономическую эффективность неустойки применительно к обязательствам по поставке товаров. Руководствуясь формулой коэффициента корреляции знаков, А. А. Соболев приходит к выводу о том, что «интенсификация взыскания санкций (неустоек. – В. П.) способствовала росту нарушений договорных обязательств по поставкам продукции»⁴⁰ и «неустойка... не стала эффективным средством в борьбе с недопоставками»⁴¹.

Таким образом, с экономической точки зрения отношение к неустойке как мере гражданско-правовой ответственности оправданно в условиях командно-административной экономики и значительного публичного элемента

³⁷ По крайней мере постольку, поскольку последние становились смысловым центром советского гражданского права, в том числе в рамках марксистской теории о базисе и надстройке. Об этом см. подробнее: *Алексеев С. С.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1: Гражданское право: Сочинения 1958–1970 годов. М.: Статут, 2010. С. 162–163.

Такая политико-идеологическая и философско-методологическая установка в понимании сущности гражданского права легитимировала рассуждения о нем как о праве *публичном* (см., например: *Вышинский А. Я.* XVIII съезд ВКП(б) и задачи науки социалистического права // Советское государство и право. 1939. № 3. С. 22; *Freund H.* L'avenir du droit civil dans l'Union soviétique // Introduction à l'étude du droit comparé: recueil d'études en l'honneur d'Edouard Lambert. Т. 3. Paris: Librairie générale de droit et de jurisprudence, 1938. P. 367).

³⁸ См., например, пункт 33 Правил о договорах подряда на капитальное строительство (утв. Постановлением Совета Министров СССР от 26 дек. 1986 г. № 1550).

³⁹ См.: *Лаптев В. В.* Правовые вопросы планового управления экономикой // Экономика. 1976. № 7. С. 69.

⁴⁰ *Соболев А. А.* Опыт социально-правового исследования эффективности неустойки за недопоставку продукции // Проблемы совершенствования советского законодательства. Вып. 6. М.: ВНИИСЗ, 1976. С. 36.

⁴¹ Там же. С. 37.

в гражданском праве. В этом смысле подход отечественного и западноевропейских правовых порядков, функционирующих в условиях рынка, к определению одновременно обеспечительного и охранительного характера неустойки *prima facie* не находит принципиального экономического основания. Предположительно, в социокультурном плане такая ситуация обусловлена именно догматическим характером континентальной традиции права в целом. Основанная на римском частном праве, она вплоть до наших дней продолжает использовать большинство выработанных в нем конструкций, начиная от фундаментальных конструкций иска, вещи и обязательства и заканчивая отдельными правилами, относящимися к различным институтам гражданского права (к примеру, принципом *superficies solo cedit*, положениями о последствиях эвикции и др.).

Рассуждая в рамках марксистской теории экономических формаций (она до сих пор остается одним из актуальных – наряду с кейнсианством и учением А. Смита – экономических учений на Западе⁴²), нельзя не считать парадоксальным тот факт, что для регулирования экономических отношений в капиталистических системах используются нормы и институты, выработанные еще в рабовладельческом обществе. Однако оправданно распространить такую концептуальную установку и на социально-экономический анализ советского права, функционировавшего в социалистическом обществе, но при этом заимствовавшего большинство гражданско-правовых конструкций из чуждой ему формации. Тот факт, что выработанные еще в Риме конструкции иска и обязательства в равной мере были характерны, к примеру, и для Советского Союза, и для Французской Республики, свидетельствует о том, что континентально-европейское право нельзя рассматривать с позиции безусловного социально-экономического детерминизма, игнорируя его собственные исторические корни и социокультурные основания. Континентальное юридическое мышление показало устойчивость к любым попыткам внешней корректировки его единиц (понятий), иными словами, продемонстрировало *историческое самовоспроизводство догмы права*. Для современного гражданского права конструкции и институты римского частного

⁴² См.: Haas T. Strukturwandel als Kampf um Hegemonie – die Rolle der Wissenschaft // Wissenschaft im Strukturwandel: Die paradoxe Praxis engagierter Transformationsforschung / Hrsg. von J. Herberg, J. Staemmler, P. Nanz. München: Oekom-Verlag, 2021. S. 45–62; Mukherji A. Marxian Economics: Notes from a Neo-classical Viewpoint // Arthaniti: Journal of Economic Theory and Practice. 2019. Vol. 18, № 1. Pp. 10–11; Skousen M. The Big Three in Economics: Adam Smith, Karl Marx and John Maynard Keynes. London: M. E. Sharpe, 2007. P. 213.

права стали настолько органичными, что, вероятно, любая попытка их тотальной ревизии заведомо обречена на провал.

Из изложенного следует один из наиболее важных выводов настоящего исследования. Он состоит в том, что конструкция неустойки в частном праве современной Европы не может быть содержательно объяснена в отрыве от самого феномена континентального права как *традиции*. Право во многом является самодостаточным феноменом – постольку, поскольку его концептуальные основания, заложенные еще догматикой глоссаторов и комментаторов, остаются во многом неизменными⁴³.

В этом смысле следует признать, что применительно к континентальному праву итогом столкновения традиции и новации, как правило, становится поражение последней. Ярким примером здесь является неудавшаяся попытка разработки вещно-правовой теории виртуального имущества⁴⁴ – теоретической концепции, в основе которой лежит идея о распространении вещно-правового режима (и соответствующих способов защиты, к примеру виндикации) на элементы виртуального мира, имеющие экономическую ценность (в частности, на дополнительный функционал в онлайн-игре)⁴⁵. Как отмечается в западной литературе, попытки ученых-юристов обосновать вещную сущность виртуального имущества оказались несостоятельными, поскольку *методологически не вписывались в традиционную теорию вещного права*, для которой продолжает оставаться актуальным римское понимание вещи как исключительно чего-то овеществленного. Отмечая данное обстоятельство, польский юрист П. Палка пришел к заключению, что с точки зрения современной теории континентального частного права «онтологическая структура реальности, выражаемая в основных юридических понятиях, *не претерпела каких-либо изменений с римских времен*»⁴⁶.

⁴³ С другой стороны, право связано с обществом *вообще*, а значит, оно не может развиваться и функционировать вне определенного социального контекста, который, в свою очередь, сообщает догме права *дополнительные смыслы*.

⁴⁴ См. об этом подробнее: *Перепёлкина Я. А.* Виртуальное игровое имущество: перспективы правового регулирования // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2020. № 3. С. 48 и след.

⁴⁵ См.: *Савельев А. И.* Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх // Вестник гражданского права. 2014. Т. 14, № 1. С. 127 и след.

⁴⁶ *Pałka P.* Virtual Property: Towards a General Theory: Thesis Submitted for the Degree of Doctor of Laws. Florence, 2017. P. 150. См. также: *Деларов П. В.* Очерк истории личности в древнеримском гражданском праве: историко-юридический опыт. СПб.: Н. Г. Мартынов, 1895.

Вместе с тем в заданном контексте оправданно сформулировать следующий вопрос: *является ли то или иное понимание гражданско-правовой неустойки (как обязательственной либо штрафной конструкции) догматическим для континентальной традиции права или такой характер имеет лишь центральное понятие о неустойке?* И можно ли обосновать двойственность юридической природы неустойки исключительно приверженностью традиции?

Здесь оправданно заметить, что сам догматический метод непосредственно предполагает *конструктивность понятий и принципов*. И если, следуя терминологии И. Лакатоса, их «твердое ядро» (основанная на идеях римского права цивилистическая теория) остается неизменным, то их «защитный пояс» (совокупность вспомогательных понятий, идей и гипотез) динамичен, что, в свою очередь, позволяет, сохраняя исходное понятийное основание, развивать его применительно к актуальной системе всего знания в целом. Вероятнее всего, для конструкции неустойки таким основанием, «твердым ядром», выступает конвенционально принятое понятие о *stipulatio poenae* как об обязательстве должника предоставить кредитору некоторое имущество, как правило деньги, в ситуации неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства.

Именно в таком виде закрепляется конструкция неустойки в гражданско-правовых кодификациях Западной Европы. Вопросы о *характере* этой конструкции (штрафном или обеспечительном), ее *экономическом значении* и прочем составляют в такой логике «защитный пояс» учения о неустойке как научно-исследовательской программы⁴⁷. Иными словами, *для континентального права и правоведения, как верно замечал Ф. фон Зелер, догматический характер носит лишь понимание неустойки как обязательства; ее юридическая природа соответствующего значения не имеет*⁴⁸.

Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в разработках римского гражданского права встречаются полярные оценки юридической природы неустойки. Так, пандектист Ю. Барон говорит о двух ее значениях: как средства укрепления (то есть обеспечения) обязательства и как средства принуждения

⁴⁷ Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки / пер. с англ. И. Н. Веселовского, А. Л. Никифорова, В. Н. Поруса. М.: Академический Проект; Трикта, 2008. С. 217–218.

⁴⁸ Seeler W. von. Zur Lehre von der Conventionalstrafe nach römischen Recht. Halle an der Saale: Max Niemeyer, 1891. S. 39–41.

к исполнению предположенного договора⁴⁹. Иные рассуждения обнаруживаем у И. А. Покровского, который говорит исключительно о штрафном характере *stipulatio poenae*⁵⁰. Сходную оценку данному социально-правовому феномену дают, к примеру, Б. Виндшейд⁵¹ и Л. Б. Дорн⁵². Д. Д. Гримм, излагая догматические основания римского права, приходит к выводу, что обязательство по уплате неустойки есть мера обеспечения, если обязательство, к которому такое присоединяется, само по себе не порождает права иска; в ином случае неустойка становится или штрафной санкцией, или формой заранее оцененных убытков⁵³. Похожий взгляд на неустойку у Г. Дернбурга: последний замечает, что договорное условие о неустойке является мерой обеспечения, в то время как ситуация, при которой требуется ее уплата, представляет собой новое обязательство, сущность которого состоит в возмещении убытков, размер которых заранее определен неустойкой⁵⁴. В свою очередь, несогласие с оценкой неустойки по римскому праву как штрафной санкции выражает М. Я. Пергамент, не усматривающий в ее конструкции иной функции, кроме обеспечения⁵⁵. Разнообразие приведенных точек зрения свидетельствует о том, что в римском праве, конструкции которого составляют догму континентального юридического мышления, имелось лишь общее понятие о неустойке *в целом*. Соответственно, говорить о той или иной юридической природе неустойки как о чем-то догматическом для нашей правовой традиции было бы неверно⁵⁶.

Проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

1. Исторически первые образцы неустойки как *экономической формы* свидетельствуют об обеспечительном характере последней. В этом плане

⁴⁹ Барон Ю. Система римского гражданского права / пер. с нем. Л. Петражицкий. Вып. 3, кн. IV: Обязательственное право. Киев: Тип. Имп. ун-та св. Владимира, 1888. С. 22.

⁵⁰ Покровский И. А. Лекции по истории римского права. Киев: Тип. Губернского Правления, 1902. С. 167.

⁵¹ Виндшейд Б. Об обязательствах по римскому праву / пер. с нем. А. Б. Думашевского. СПб.: Тип. А. Думашевского, 1875. С. 79.

⁵² Дорн Л. Б. Догма римского права. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К^о, 1890. С. 254.

⁵³ Гримм Д. Д. Лекции по догме римского права: пособие для слушателей. Изд. 6-е, испр. и доп. Киев: Кооп. т-во печ. и издат. дела авт.-издателей «Голос», 1919. С. 167.

⁵⁴ Дернбург Г. Пандекты. Т. III: Обязательственное право / пер. и ред. П. Соколовского. 2-е изд. М.: Унив. тип., 1904. С. 153–154.

⁵⁵ Пергамент М. Я. К вопросу о договорной неустойке по нашему Проекту гражданского уложения. Ярославль: Торг. дом А. Г. Фальк и К^о, 1909. С. 2–3.

⁵⁶ См., например: Buchwitz W. Schiedsverfahrensrecht in Antike und Mittelalter: Eine historische Grundlegung. Köln: Böhlau Verlag, 2020. S. 31.

дальнейшая генерализация юридических представлений о неустойке как *штрафной, а не обеспечительной* мере имела своим основанием неопределенность не самого теоретически моделируемого социально-экономического отношения, но текста кодификации Юстиниана. Исследовательская практика глоссаторов склонилась в большей степени к интерпретации неустойки как штрафной меры, и именно это концептуальное представление, в силу особенностей континентальной догматической традиции, стало ведущим в европейском правоведении.

2. В период кодификаций национального права в Европе (XIX – начало XX в.) законодательная конструкция неустойки, номинально относимая к числу обеспечительных средств, в действительности функционирует в качестве меры договорной ответственности. При этом отсутствие в ряде правовых порядков механизмов ее ограничения, по существу, делает неустойку инструментом экономического принуждения, интенсифицирующим монополистический потенциал крупных экономических агентов.

3. В современном континентальном правоведении двойственность функционала неустойки является проблемой методологического порядка. В контексте общей теории гражданского правоотношения установление и взыскание неустойки – это правоотношения разного типа (регулятивное и охранительное соответственно), и в этом смысле конструкция неустойки *не может и не должна быть бифункциональной*. Экономический смысл неустойки заключается в том, чтобы *компенсировать убытки кредитора*, могущие возникнуть вследствие неисправного поведения должника. В силу этого ее функционал гораздо ближе к функционалу конструкции заранее оцененных убытков, известной англосаксонским правовым порядкам, чем к традиционным обеспечительным конструкциям – например, к залогу или ретенции. В этом смысле имеются основания для решения этой проблемы законодательным путем посредством исключения неустойки из числа способов обеспечения обязательств.

Библиографический список

Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1: Гражданское право: Сочинения 1958–1970 годов. М.: Статут, 2010.

Барон Ю. Система римского гражданского права / пер. с нем. Л. Петражицкий. Вып. 3, кн. IV: Обязательственное право. Киев: Тип. Имп. ун-та св. Владимира, 1888.

Безверхова Ю. В. Управление дебиторской задолженностью и кредитной политикой предприятий химической промышленности: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2012.

Виндшейд Б. Об обязательствах по римскому праву / пер. с нем. А. Б. Думашевского. СПб.: Тип. А. Думашевского, 1875.

Витгенштейн Л. Избранные работы / пер. с нем. и англ. В. Руднева. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2005.

Вышинский А. Я. XVIII съезд ВКП(б) и задачи науки социалистического права // Советское государство и право. 1939. № 3. С. 1–26.

Гинс Г. К. Способы обеспечения обязательств (с точки зрения истории и системы гражданского права). Пг.: Сенат. тип., 1917.

Годэмэ Е. Общая теория обязательств / пер. с франц. И. Б. Новицкого. М.: Юрид. изд-во М-ва юстиции СССР, 1948.

Граве К. А. Договорная неустойка в советском праве. М.: Госюриздат, 1950.

Гримм Д. Д. Лекции по догме римского права: пособие для слушателей. Изд. 6-е, испр. и доп. Киев: Кооп. т-во печ. и издат. дела авт.-издателей «Голос», 1919.

Деларов П. В. Очерк истории личности в древнеримском гражданском праве: историко-юридический опыт. СПб.: Н. Г. Мартынов, 1895.

Дернбург Г. Пандекты. Т. III: Обязательственное право / пер. и ред. П. Соколовского. 2-е изд. М.: Унив. тип., 1904.

Дорн Л. Б. Догма римского права. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К^о, 1890.

Иоффе О. С. Обязательственное право / ред. К. Н. Яцынина. М.: Юрид. лит., 1975.

Каралетов А. Г. Неустойка как средство защиты прав кредитора в российском и зарубежном праве. М.: Статут, 2005.

Катков В. Д. К анализу основных понятий юриспруденции. Харьков: Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1903.

Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки / пер. с англ. И. Н. Веселовского, А. Л. Никифорова, В. Н. Поруса. М.: Академический Проект; Трикта, 2008.

Лаптев В. В. Правовые вопросы планового управления экономикой // Экономика. 1976. № 7. С. 61–76.

Меликов Г. И. Неустойка: проблемы правовой природы и использования в договорных отношениях в свете реформы гражданского законодательства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.

Муравьева Л. А. Экономика и финансы античного мира // Учет. Анализ. Аудит. 2016. № 4. С. 99–111.

Новицкий И. Б. История советского гражданского права. М.: Госюриздат, 1957.

Огородников В. П. История и философия науки: учеб. пособие для аспирантов. СПб.: Питер, 2011.

Пергамент М. Я. К вопросу о договорной неустойке по нашему Проекту гражданского уложения. Ярославль: Торг. дом А. Г. Фальк и К^о, 1909.

Перепёлкина Я. А. Виртуальное игровое имущество: перспективы правового регулирования // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2020. № 3. С. 45–59.

Петров М. К. Пентеконтера. В первом классе европейской школы мысли // Вопросы истории естествознания и техники. 1987. № 3. С. 100–109.

Покровский И. А. Лекции по истории римского права. Киев: Тип. Губернского Правления, 1902.

Райхер В. К. Правовые вопросы договорной дисциплины в СССР / отв. ред. А. В. Венедиктов. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1958.

Савельев А. И. Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх // Вестник гражданского права. 2014. Т. 14, № 1. С. 127–150.

Соболев А. А. Опыт социально-правового исследования эффективности неустойки за недопоставку продукции // Проблемы совершенствования советского законодательства. Вып. 6. М.: ВНИИСЗ, 1976. С. 29–43.

Усачева К. А. К вопросу о различии традиций договорного права в странах *Common Law* и правовых порядках континентально-европейского типа // Вестник гражданского права. 2021. Т. 21, № 3. С. 108–116.

Хон О. Д. Развитие залогового механизма в системе банковского корпоративного кредитования: дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2019.

Allan D. E., Hiscock M. E. Law of Contract in Australia. 2nd ed. North Ryde: Commerce Clearing House Australia, 1992.

Bartolo. Bartoli à Saxoferrato lucernae iuris, Omnia, quae extant, opera: eaque profectò non modò eiusdem Delphicis responsis quamplurimis, ac Tractatu de procuratoribus aucta. Venetiis: Apud Iuntas, MDCXV.

Biscardi A. La double configuration de la clause pénale en droit romain // De iustitia et iure. Festgabe für Ulrich von Lübtow zum 80. Geburtstag / Hrsg. von M. Harder und G. Thielmann. Berlin: Duncker & Humblot, 1980. Pp. 256–268.

Brendlder U. Die Vertragsstrafe und ihre Grenzen. Eine rechtsvergleichende Untersuchung des deutschen und englischen Rechts. Berlin: Duncker & Humblot, 2019.

Buchwitz W. Schiedsverfahrensrecht in Antike und Mittelalter: Eine historische Grundlegung. Köln: Böhlau Verlag, 2020.

Chasapis Ch. Die Herabsetzung der unverhältnismäßig hohen Vertragsstrafe: Ein Beispiel richterlichen Schutzeingriffs in Privatrechtsverhältnisse. Berlin: Duncker & Humblot, 2014.

Chazal J.-P. De la puissance économique en droit des obligations: Thèse pour l'obtention du Doctorat en Droit. Grenoble: Université Pierre Mendès-France, 1996.

Cornu G. L'apport des réformes récentes du Code civil à la théorie du droit civil. Paris: Librairie générale de droit et de jurisprudence, 1971.

Dębiński A. Church and Roman Law. Lublin: Wydawnictwo KUL, 2010.

Frank T. An Economic History of Rome. 2nd ed., revised. Kitchener: Batoche Books, 2004.

Freund H. L'avenir du droit civil dans l'Union soviétique // Introduction à l'étude du droit comparé: recueil d'études en l'honneur d'Edouard Lambert. T. 3. Paris: Librairie générale de droit et de jurisprudence, 1938.

Frier B. W. The Rental Market in Early Roman Empire // The Journal of Roman Studies. 1977. Vol. 67. Pp. 27–37.

Granado J. J. del. La genialidad del Derecho Romano, una perspectiva desde el análisis económico del derecho // Revista do Ministério Público do RS. 2009. № 63. P. 167–195.

Grzybowski K. Soviet Legal Institutions: Doctrines and Social Functions. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1962.

Haas T. Strukturwandel als Kampf um Hegemonie – die Rolle der Wissenschaft // Wissenschaft im Strukturwandel: Die paradoxe Praxis engagierter Transformationsforschung / Hrsg. Von J. Herberg, J. Staemmler, P. Nanz. München: Oekom-Verlag, 2021. S. 45–62.

Kirzner I. M. Market Theory and the Price System. Princeton: D. Van Nostrand Co., Inc., 1963.

Koller A. Konventionalstrafe für Bauverzögerungen (Verspätungsstrafe) // Bau- und Bauprozessrecht: ausgewählte Fragen / Hrsg. von A. Koller. St. Gallen: Vereinigung für Baurecht, 1996. S. 1–67.

Lombardo F. Studi su “*stipulatio*” e azioni stipulatorie nel diritto Giustiniano. Milano: Edizioni Universitarie di Lettere Economica Diritto, 2020.

Mattei U. The Comparative Law and Economics of Penalty Clauses in Contract // American Journal of Comparative Law. 1995. Vol. 43, № 3. Pp. 427–444.

Mukherji A. Marxian Economics: Notes from a Neo-classical Viewpoint // Arthaniti: Journal of Economic Theory and Practice. 2019. Vol. 18, № 1. Pp. 1–16.

Obeidat Yu. The “Penalty” Clause in English Law: A Critical Analysis and Comparison with Jordanian Law: Thesis Submitted for the Degree of Doctor of Philosophy. Leeds, 2004.

Pałka P. Virtual Property: Towards a General Theory: Thesis Submitted for the Degree of Doctor of Laws. Florence, 2017.

Schacherreiter J. Bereicherung und Schadenersatz im Immaterialgüterrecht: Ein Beitrag zum Verhältnis zwischen Sonderprivatrecht und allgemeinem Zivilrecht. Wien: Jan Sramek Verlag, 2018.

Schmidt T. Papst Bonifaz VIII und die Idolatrie // Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken. Bd. 66. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1986. S. 75–107.

Schwartz A., Sepe S. M. Economic Challenges for the Law of Contract // Yale Journal of Regulation. 2021. Vol. 38. Pp. 678–706.

Seeler W. von. Zur Lehre von der Conventionalstrafe nach römischen Recht. Saale Halle an der: Max Niemeyer, 1891.

Shrubsole O. A. The Relation of Theological Dogma to Religion // International Journal of Ethics. 1907. Vol. 17. Pp. 407–425.

Skousen M. The Big Three in Economics: Adam Smith, Karl Marx and John Maynard Keynes. London: M. E. Sharpe, 2007.

Smith M. Problems of Roman Legal History // Columbia Law Review. 1904. Vol. 4, № 8. Pp. 523–540.

Temin P. The Roman Market Economy. Princeton: Princeton University Press, 2013.

Thilmany J. Fonctions et révisibilité des clauses pénales en droit comparé // Revue internationale de droit comparé. 1980. Vol. 32, № 1. Pp. 17–54.

Thorpe J. Economists Divided – Different Perceptions of Contract’s Penalty Doctrine // Bond Law Review. 1994. Vol. 6, № 2. Pp. 189–209.

Wendt O. H. Lehrbuch der Pandekten. Jena: G. Fischer, 1888.

Wéry P. La clause pénale // Les clauses applicables en cas d’inexécution des obligations contractuelles. Bruxelles: La Charte, 2001. Pp. 249–320.

Zimmerman R. Law of Obligations: Roman Foundations of the Civilian Tradition. Cape Town: Juta, 1990.

Информация для цитирования

Ex jure

Пучков В. О. Неустойка в частном праве континентальной Европы: историко-методологический очерк // Ex jure. 2024. № 3. С. 75–96. DOI: 10.17072/2619-0648-2024-3-75-96

Puchkov V. O. Contractual Penalty in Continental Private Law: Historico-Methodological Outline. Ex jure. 2024. № 3. Pp. 75–96. DOI: 10.17072/2619-0648-2024-3-75-96

УДК 347.4

DOI: 10.17072/2619-0648-2024-3-97-110

Свобода переговоров как самостоятельный аспект принципа свободы договора: содержание и пределы

А. С. Райников

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права и процесса

Байкальский государственный университет
664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 11

Адвокат, управляющий партнер
Адвокатское бюро «Райников, Андреев и партнеры»
664025, Россия, г. Иркутск, бул. Гагарина, 68в

E-mail: raynikov@gmail.com

Аннотация: в статье обосновывается тезис о том, что свобода переговоров представляет собой самостоятельный аспект принципа свободы договора. Значение данного тезиса выражается в разном объеме ответственности лица, нарушившего обязанность заключить договор, и лица, ведущего переговоры в нарушение требований добросовестности и честной деловой практики. Определяется содержание свободы переговоров, которое заключается в праве решать, когда и с кем вести переговоры, продолжать, приостанавливать или прекращать переговоры, определять порядок и сроки проведения переговоров. В центре внимания автора – факторы, ограничивающие свободу переговоров, и проблема допустимости установления запрета на проведение переговоров и возложения обязанности проводить переговоры.

Ключевые слова: свобода договора; свобода переговоров; преддоговорная ответственность; содержание и пределы свободы переговоров; запрет на переговоры; обязанность проводить переговоры

© Райников А. С., 2024

Freedom of Negotiation as a Separate Aspect of the Principle of Freedom of Contract: Content and Limits

A. S. Raynikov

Baikal State University
11, Lenina st., Irkutsk, 664003, Russia

Raynikov, Andreev and Partners Law Office
68b, Gagarina Blvd., Irkutsk, 664025, Russia

E-mail: raynikov@gmail.com

Abstract: *in the article the argument is made that freedom of negotiation is a separate aspect of the principle of freedom of contract. The importance of this thesis is expressed in the scope of liability of a person who is in breach of the duty to enter into a contract and a person who is in breach of the duty to negotiate in accordance with good faith and fair dealing. The content of the freedom of negotiation is determined. Such freedom consists of the right to decide when and who to negotiate with, to continue, to pause or to end negotiations, to determine terms and procedure for negotiations. In the focus are the limits of freedom of negotiation and the problem of legal opportunity to prohibit negotiation and to impose the obligation to negotiate.*

Keywords: *freedom of contract; freedom of negotiation; precontractual liability; content and limits of freedom of negotiation; prohibition on negotiation; obligation to negotiate*

Основные начала гражданского права, к числу которых относится принцип свободы договора, находятся в фокусе внимания цивилистов уже не первое столетие. Вокруг принципов сложились полноценные теории (подчас конкурирующие); без описания основных начал не обходится ни один учебник по гражданскому праву и комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации¹ (далее – ГК РФ). Но право подвижно, и вместе с трансформацией политико-правовых и доктринальных представлений о тех или иных институтах подвергаются изменениям и устоявшиеся подходы к принципам. В ряде случаев

¹Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ: принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г. (в ред. от 11.03.2024); Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федер. закон от 26 янв. 1996 г.: принят Гос. Думой 22 дек. 1995 г. (в ред. от 24.07.2023).

результатом этого процесса становится расширение сферы действия принципа, открывание таких его аспектов, которые ранее особым образом не выделялись.

Нечто подобное происходит сейчас с принципом свободы договора. Принято считать, что она проявляет себя в трех аспектах: 1) как свобода принятия решения о вступлении в договорные отношения (заключении договора); 2) свобода определения правовой природы планируемого к заключению договора; 3) свобода определения содержания (условий) договора². Перечисленные аспекты свободы договора базируются на буквальном прочтении статьи 421 ГК РФ, которая не охватывает собой еще одно проявление упомянутого принципа – свободу переговоров о заключении контракта, закрепляемую пунктом 1 статьи 434.1 ГК РФ. В соответствии с ним «если иное не предусмотрено законом или договором, граждане и юридические лица свободны в проведении переговоров о заключении договора, самостоятельно несут расходы, связанные с их проведением, и не отвечают за то, что соглашение не достигнуто».

ГК РФ воспроизвел положения, присутствующие в многочисленных актах международной унификации частного права. Так, пункт 1 статьи 2.1.15 Принципов международных коммерческих договоров (Принципов УНИДРУА) предусматривает, что «сторона свободна проводить переговоры и не несет ответственности за то, что соглашение не достигнуто»³. Несколько отличающееся текстуально, но идентичное по содержанию регулирование приводится в пункте 1 статьи 2:301 Принципов европейского договорного права⁴ и пункте 1 статьи II-3:301 Модельных правил европейского частного права⁵. О праве сторон проводить переговоры «с целью заключения договора без какой-либо ответственности за любой случай, если намеченный к заключению договор все-таки не будет заключен» говорится и в пункте 1 статьи 6 Кодекса европейского договорного права⁶.

² См.: Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право: общие положения. 4-е изд. М.: Статут, 2020; Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / А. К. Байрамкулов, О. А. Беляева, А. А. Громов и др.; ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2020; Гражданское право: учеб.: в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2020.

³ UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts 2016. URL: <https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2021/06/Unidroit-Principles-2016-English-bl.pdf>.

⁴ The Principles of European Contract Law (PECL). URL: https://www.trans-lex.org/400200/_/pecl/.

⁵ Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of Reference (DCFR) / Ed. by C. von Bar, E. Clive and H. Schulte-Nölke. Munich: Sellier, European Law Publishers, 2009. P. 100.

⁶ The Principles on European Contract Law (PECL).

Соотношение свободы переговоров со свободой вступления в договорные отношения

Любые преддоговорные контакты сопровождаются риском «провала» переговоров. Возможность подобного исхода обусловлена различными причинами. Среди них – объективная невозможность точного прогнозирования будущего, здоровый оппортунизм, который выражается в естественном стремлении субъекта к обеспечению собственного интереса, не всегда совпадающего с интересом другой стороны⁷, и т.д. Очевидность перечисленных факторов и привела законодателя к указанию на то, что стороны не отвечают друг перед другом за недостижение соглашения. Данное правило высвобождает переговорную энергию участников гражданского оборота, способствуя ее приложению к совершению актов товарообмена. Поэтому, несмотря на внешнюю близость к свободе принятия решения о заключении контракта, свобода переговоров не связана с наличием либо отсутствием обязанности вступить в договор и относится лишь к простору выбора неогоциантом⁸ модели поведения в переговорах, не выходящей за пределы допустимого. В случае нарушения таких пределов пострадавшая сторона вправе требовать возмещения причиненных этим убытков, но не понуждения неисправного визави к заключению контракта⁹.

Отсюда и различия в ответственности, наступающей вследствие неправомерного уклонения от вступления в договорные отношения, в основе которой лежит неисполнение обязанности заключить договор (абз. 2 п. 4 ст. 445 ГК РФ), и ответственности за нарушения, допущенные при проведении переговоров (п. 3 ст. 434.1 ГК РФ). В первом случае пострадавшая сторона вправе требовать возмещения убытков, исходя из того, что причиталось ей по договору (защиты так называемого позитивного интереса); во втором – только убытков, имеющих целью вернуть пострадавшего в положение, в котором он находился до момента нарушения, допущенного другой стороной (защиты негативного интереса)¹⁰.

⁷ *Shell R. Opportunism and Trust in the Negotiation of Commercial Contracts: Toward a New Cause of Action // Vanderbilt Law Review. 1991. Vol. 44, № 2. P. 229.*

⁸ Термин «неогоциант» используется в статье в качестве эквивалентного словосочетания «сторона переговоров» и «участник переговоров». Об этимологических истоках данного термина и его уместности см.: *Райников А. С. Отношение, возникающее при проведении переговоров о заключении договора по российскому праву: антиделиктная концепция // Вестник гражданского права. 2023. Т. 23, № 2. С. 50–80.*

⁹ *Комарицкий В. С. Правовое регулирование преддоговорной ответственности по законодательству Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.*

¹⁰ При наличии обязанности заключить договор отказ в возмещении кредитором убытков с учетом предполагавшегося по договору предоставления приводил бы к абсурдному результату:

Содержание права на проведение переговоров

Свобода переговоров заключается в возможности решать: 1) когда и с кем вести переговоры; 2) продолжать, приостанавливать или прекращать переговоры; 3) определять порядок и сроки проведения переговоров¹¹.

Право решать, когда вести переговоры, означает возможность выбрать наиболее подходящий момент для инициации переговорного процесса. Эта опция ценна тем, что позволяет участникам оборота учитывать наиболее благоприятную для совершения сделки рыночную конъюнктуру, а также собственные потребности в приобретении тех или иных благ.

Свобода выбора визави по переговорам открывает перед стороной неограниченный круг потенциальных контрагентов, а вместе с ним и возможность установления критериев отбора тех, с кем можно (или нужно) заключить сделку. Это крайне важный аспект свободы переговоров, позволяющий найти лучшего партнера и отсеять партнера нежелательного. Свобода решать, с кем вступать в переговоры, означает, что субъекту не может быть поставлен в упрек факт ведения параллельных переговоров и навязаны условия

понудить контрагента к заключению контракта и затем требовать исполнения и (или) убытков в случае неисполнения было бы можно, а претендовать на компенсацию неполученного вследствие неправомерного уклонения от заключения договора нельзя. Подобный подход стимулировал бы кредитора к обращению в суд с требованием о понуждении к заключению контракта лишь для того, чтобы в дальнейшем иметь возможность предъявить еще один иск – о возмещении убытков по данному договору, что не может быть оправдано ни с точки зрения процессуальной экономии, ни с точки зрения принципа обеспечения восстановления нарушенных прав (п. 1 ст. 1 ГК РФ). Однако судебная практика по данному вопросу неоднородна. Так, в одном из определений Верховный Суд РФ высказался в пользу ограничения размера ответственности лица, нарушившего обязанность заключить договор, лишь убытками, которые вызваны самим фактом уклонения от заключения основного договора (Определение СКЭС ВС РФ от 18 дек. 2018 г. № 305-ЭС18-12143 по делу № А40-113011/2017). Некоторые суды восприняли эту позицию таким образом, что защите подлежит лишь негативный интерес (см., например, Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 11 окт. 2021 г. по делу № А75-19971/2020; Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 30 сент. 2022 г. № 07АП-8060/2022 по делу № А03-959/2022). Но в практике (причем как в арбитражных судах, так и в судах общей юрисдикции) представлены и дела, где правоприменитель вставал на защиту позитивного интереса кредитора (в качестве примера – Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 20 нояб. 2019 г. № Ф08-10153/2019 по делу № А32-47213/2018; Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 18 окт. 2017 г. № 33-16222/2017 по делу № 2-460/2017).

¹¹ Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА / пер. с англ. А. С. Комарова. Офиц. коммент. к ст. 2.1.15. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14121/.

эксклюзивности. Ограничение этой свободы возможно по соглашению о порядке ведения переговоров, но лишь при соблюдении ряда условий, анализ которых не входит в цели данной статьи.

Отсутствие связи между фактом вступления в переговоры и обязанностью заключить договор предопределяет *свободу в принятии решения о поддержании переговорного процесса как такового*. Утрата интереса к заключению договора, обнаружение более выгодного предложения, мотивы личного характера – все это может породить желание выйти из переговоров, и правопорядок рассматривает такой выход как акт правомерный. Более того, с точки зрения тактики ведения переговоров нормальным явлением выступает давление на другую сторону угрозой отказа от продолжения переговоров или их приостановление с целью склонить потенциального контрагента к принятию тех или иных условий будущей сделки¹². Установление запрета на подобные приемы несовместимо с правом негоцианта выговаривать себе необходимые преимущества, а значит – и с понятием торговли (в широком смысле этого слова).

Возможность определять порядок и сроки проведения переговоров позволяет адаптировать их к нюансам конкретной сделки, особенностям потенциальных контрагентов и специфике рынка. Так, стороны, находящиеся на значительном пространственном удалении, с высокой степенью вероятности предпочтут дистанционное обсуждение условий будущего контракта, в то время как согласование продажи подержанного дивана или холодильника между соседями, как правило, не обходится без использования режима совместного присутствия. Если речь идет о простейшей сделке, то ее заключение может стать делом нескольких минут. Если же структурируется многомиллионный инвестиционный проект, то обсуждение условий контракта занимает недели, а то и месяцы, ход переговоров нередко оформляется протоколами, а порядок – меморандумами о намерениях, соглашениями о порядке ведения переговоров и соглашениями о неразглашении. Пространство для маневра в этих вопросах является неотъемлемой составляющей свободы переговоров.

¹² Муратова О. В. Преддоговорные отношения в международном коммерческом обороте: от материально-правового к коллизионному регулированию: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017.

Ограничение свободы переговоров нормами позитивного права

Закрепление права свободно вести переговоры сопровождается оговоркой о том, что иное может быть предусмотрено законом или договором.

Включение в перечень нормативных правовых актов, охватываемых понятием гражданского законодательства, лишь ГК РФ и принятых в соответствии с ним иных федеральных законов (п. 2 ст. 3 ГК РФ), по общему правилу, исключает возможность ограничения свободы переговоров указами Президента РФ и постановлениями Правительства РФ (п. 6 ст. 3 ГК РФ), а также нормативными актами министерств и ведомств (п. 7 ст. 3 ГК РФ). Но если закон делегирует правотворческую компетенцию по регламентации переговоров иным органам, акты таких органов становятся источником регулирования прав и обязанностей неоговоренных. Примером подобного делегирования является наделение Правительства РФ полномочием устанавливать перечень и способы доведения информации до потребителя (п. 1 ст. 10 Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей»). Принятые во исполнение данной нормы Правила продажи товаров по договору розничной купли-продажи¹³ предусматривают соответствующие информационные обязанности продавца в переговорах с покупателем.

Нормативное регулирование переговоров обычно носит фрагментарный характер, затрагивая аспекты преддоговорного взаимодействия, которые правопорядок считает значимыми. Среди них прежде всего обязанности по предоставлению полной и достоверной информации, которая, в силу характера договора, должна быть доведена до сведения другой стороны. Наиболее детальное регулирование таких обязанностей свойственно отношениям с участием потребителей. Но в ряде случаев законодатель прибегает к подробной регламентации процесса переговоров, что характерно, например, для заключения договоров по результатам конкурентных процедур. Наряду с общими правилами о торгах (ст. 447–449.1 ГК РФ) здесь действует множество отдельных законов и принятых на их основании подзаконных актов.

¹³ Правила продажи товаров по договору розничной купли-продажи, утв. Постановлением Правительства Рос. Федерации от 31 дек. 2020 г. № 2463 «Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации».

Свобода переговоров лимитируется и правовыми обычаями (ст. 5 ГК РФ). Указание в пункте 1 статьи 434.1 ГК РФ на возможность ее ограничения законом или договором не парализует действие обычая как субсидиарного источника позитивного права, дополняющего своим содержанием нормы, установленные в традиционных источниках. Формальным основанием данного вывода могут служить предписания абзаца 1 статьи 309 ГК РФ, согласно которому обязательства исполняются «в соответствии с условиями обязательства и требованиями закона, иных правовых актов, а при отсутствии таких условий и требований – в соответствии с обычаями или иными обычно предъявляемыми требованиями». Даже отрицание обязательственной природы отношения, возникающего из вступления в переговоры¹⁴, оставляет пространство обычаю как фактору, который учитывается при оценке поведения лица на соответствие требованиям добросовестности¹⁵. А ей в переговорах отводится особая роль.

И пусть значение обычаев в регулировании частных отношений неуклонно снижается, игнорировать их при определении границ свободы переговоров не следует. В противном случае возрастает риск ошибочных трактовок. Например, систематический отказ стороны от участия в совещаниях по разработке договора, назначаемых на субботу, если выбор этого дня не обусловлен разумными причинами, едва ли может рассматриваться как продолжение переговоров при заведомом отсутствии намерения достичь соглашения с другой стороной. Это связано с тем, что, согласно принятому в России обычаю (законом это не предусмотрено), суббота признается нерабочим днем¹⁶.

Регулирование переговоров о заключении того или иного договора специальными нормами не исключает применения к отношениям сторон общих правил статьи 434.1 ГК РФ. Наличие подобного регулирования означает лишь, что права и обязанности негодантов выводятся не из дополняющей функции принципа добросовестности, а из обычной нормы. Так, непринятие участником переговоров о заключении договора поставки мер по согласованию вызывающих разногласия условий или неуведомление другой стороны об отказе от заключения договора в предусмотренный пунктом 1 статьи 507 ГК РФ срок позволяют требовать возмещения убытков. Разъяснения высших судебных

¹⁴ Райников А. С. Указ. соч.

¹⁵ Нам К. В. Принцип добросовестности. Основы теории и правоприменения в контексте немецкого правового опыта: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021.

¹⁶ Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / А. В. Асосков, В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко и др.; отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: Статут, 2020. С. 433.

инстанций о составе этих убытков (п. 6 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22.10.1997 № 18 «О некоторых вопросах, связанных с применением положений Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре поставки») соответствуют положениям абзаца 2 пункта 3 статьи 434.1 ГК РФ, посвященного составу убытков, возмещаемых при ненадлежащем поведении в переговорах.

Судебная практика находит место применению положений комментируемой статьи и в отношении переговоров, урегулированных самым детальным образом. Например, противоречивость содержащейся в аукционной документации информации наряду с несовершением заказчиком действий по извещению участника торгов о недостатках документов, предоставленных последним на основании такой информации, признается нарушением требований статьи 434.1 ГК РФ о проведении переговоров¹⁷.

Но в случае несоответствия общих положений комментируемой статьи специальным нормам, регулирующим порядок проведения переговоров, приоритет отдается специальным нормам. Так, последствием предоставления другой стороне неполной или недостоверной информации на преддоговорном этапе, по общему правилу, является необходимость возмещения причиненных этим убытков (п. 3 ст. 434.1 ГК РФ). Однако законодательство в сфере государственных и муниципальных закупок предусматривает особые последствия систематического нарушения поставщиком требований к заявке на участие в закупке (в том числе в части требований о предоставлении информации заказчику). Эти последствия выражаются в применении к поставщику штрафной санкции в виде перечисления внесенных им для обеспечения участия в закупке денежных средств в соответствующий бюджет (ч. 13 ст. 44 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»).

Присутствие нормативного регулирования не умаляет, но подчеркивает роль частной инициативы в ограничении свободы переговоров. Она проявляется в заключении преддоговорных соглашений. Интерес к ним, как правило, продиктован стремлением негоциантов охватить аспекты переговорного процесса, регламентация которых при помощи правовых норм с учетом многообразия жизненных ситуаций является невозможной или нецелесообразной.

¹⁷ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 15 мая 2020 г. № Ф09-1099/20 по делу № А50-15635/2019.

Запрет на переговоры

Понимание переговоров как процесса достижения сторонами консенсуса по существенным условиям договора и облечения этого консенсуса в надлежащую форму означает, что запрет на переговоры равносителен запрету заключать договор. Подобные ограничения чаще всего накладываются соглашением и выражаются в принятии неогоциантами обязательства не вести параллельные переговоры.

Однако запрет на проведение переговоров может основываться и на системном толковании норм позитивного права. Так, переговоры о заключении контракта, нарушающего требования уголовного законодательства (договоры о продаже ребенка, найме киллера и т.п.), означают приготвление к преступлению и запрещены под страхом привлечения к уголовной ответственности (ст. 30 УК РФ¹⁸).

Не столь очевидной кажется необходимость констатации аналогичного запрета в отношении договоров, которые не характеризуются экстремальной степенью общественной опасности, но преследуют противоправную цель – к примеру, обход закона. Тем не менее переговоры о заключении подобных контрактов не должны защищаться правом порядком. В ином случае нарушается требование пункта 4 статьи 1 ГК РФ, согласно которому «никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения». Странно было бы санкционировать взыскание убытков за недобросовестность в переговорах, которые изначально ведутся против доброй совести или требований закона.

Возложение обязанности проводить переговоры

В контексте общего понятия переговоров ограничение свободы принятия решения об участии в них означает необходимость совершения неогоциантом действий по согласованию условий договора с другой стороной и облечению достигнутого консенсуса в надлежащую форму. Такая необходимость возникает в ситуации, когда обязанность заключить договор предусмотрена законом или добровольно принятым обязательством (п. 1 ст. 421 ГК РФ). Но отказ от участия в переговорах в этом случае свидетельствует не о нарушении требований к надлежащему поведению в переговорах, а об уклонении от исполнения обязанности заключить договор. Как указывалось ранее, подобная

¹⁸ Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой 24 мая 1996 г.: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. (в ред. от 29.05.2024).

неисправность является основанием для предъявления пострадавшей стороной требования о понуждении контрагента к заключению договора и (или) требования о возмещении убытков исходя из того, что причиталось стороне по договору (п. 4 ст. 445 ГК РФ), но не привлечения к преддоговорной ответственности по правилам пункта 3 статьи 434.1 ГК РФ. Сказанное означает, что при заключении договора в обязательном порядке необходимость вступать в преддоговорные контакты обусловлена не обязанностью проводить переговоры, а обязанностью заключить договор.

В отсутствие же обязанности заключить договор возможность ограничения права стороны решать, участвовать в переговорах или нет, представляется сомнительной. Иначе создавалась бы ситуация, при которой потенциальный контрагент под угрозой применения мер преддоговорной ответственности вынужден проводить переговоры даже тогда, когда интерес в заключении контракта данным лицом утрачен. Это несовместимо с базирующимся на свободе переговоров правом негоцианта выйти из них в любой момент до заключения договора и противоречит содержащемуся в пункте 2 статьи 434.1 ГК РФ запрету на вступление в переговоры или их продолжение «при заведомом отсутствии намерения достичь соглашения с другой стороной».

Тщетность попыток возложить на стороны обязанность проводить переговоры в отсутствие обязательства заключить договор можно продемонстрировать на примере коллективного договора – соглашения, регулирующего социально-трудовые отношения между работодателем с одной стороны и всеми его работниками с другой. Часть 2 статьи 36 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ)¹⁹ предусматривает обязанность сторон проектируемого коллективного договора вступить в переговоры в течение семи календарных дней со дня получения предложения, направив инициатору проведения переговоров ответ с указанием представителей от своей стороны для участия в работе комиссии по ведению коллективных переговоров и их полномочий. В ТК РФ детально урегулированы процедура, сроки таких переговоров (ст. 37), распределение затрат на участие в них (ч. 2 ст. 39), порядок разрешения возникающих на преддоговорном этапе разногласий (гл. 61). Закон даже говорит, что при возникновении таких разногласий ни одна из сторон не имеет права уклоняться от участия в примирительных процедурах (ч. 4 ст. 401 ТК РФ), однако при игнорировании сторонами данного запрета констатирует недостижение результата переговоров (ч. 3 ст. 406 ТК РФ) и разрешает работникам бастовать (ч. 2 ст. 409 ТК РФ).

¹⁹ Трудовой кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ: принят Гос. Думой 21 дек. 2001 г.: одобрен Советом Федерации 26 дек. 2001 г. (в ред. от 06.04.2024).

Как видно, законодатель не обнаружил пригодные к использованию меры частноправовой ответственности за нарушение обязанности проводить переговоры, ограничившись лишь установлением ответственности административной (ст. 5.28–5.30, 5.32 КоАП РФ²⁰).

Практика показывает, что недопустимость понуждения к участию в переговорах очевидна далеко не для всех и законодательная инклюзия преддоговорной ответственности иногда воспринимается как сигнал к возможности требовать проведения переговоров. Так, в одном из дел индивидуальный предприниматель приобрел у хозяйственного общества нежилое помещение в здании бизнес-центра. В договоре купли-продажи содержалось условие о проведении сторонами в течение 45 календарных дней с даты перехода права собственности переговоров с целью подписания между обществом (собственником газовой котельной и большинства помещений в здании) и предпринимателем договора на оказание услуг по техническому обслуживанию нежилых помещений и объектов инфраструктуры здания, использование которых покупателем потребуется для осуществления права собственности на приобретаемое помещение. Общество направило предпринимателю проект договора, но предприниматель не принял содержащиеся в проекте условия и обратился к обществу с иском об обязании провести переговоры с целью заключения договора. Требование мотивировалось нарушением ответчиком добровольно принятого обязательства по согласованию условий договора путем проведения переговоров, в рамках которых общество должно было предоставить предпринимателю информацию о финансово-экономической обоснованности указанных в проекте договора тарифов. Суд отказал в удовлетворении иска на том основании, что статьей 434.1 ГК РФ не предусматривается возможность понуждения к проведению переговоров²¹.

Таким образом, в ходе преддоговорного взаимодействия сторон обязанности вести переговоры места не находится, поскольку при заключении договора в обязательном порядке она поглощается обязанностью заключить договор, а при отсутствии ограничений на вступление в договорные отношения оказывается в противоречии с положениями пункта 1 статьи 434.1 ГК РФ о свободе переговоров и запретом на их проведение без намерения достичь соглашения с другой стороной (п. 2 ст. 434.1 ГК РФ).

²⁰ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ: принят Гос. Думой 20 дек. 2001 г.: одобрен Советом Федерации 26 дек. 2001 г. (в ред. от 29.05.2024).

²¹ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 28 янв. 2021 г. № Ф07-15681/2020 по делу № А56-132534/2019.

Свобода переговоров и принцип добросовестности

Добросовестность является центральной правовой категорией в позитивном регулировании переговоров о заключении контракта. В той части, в какой свобода переговоров не ограничивается законом, соглашением или обычаем, право вверяет переговорный процесс критерию доброй совести. Инициация преддоговорных контактов, ведение параллельных переговоров, объем подлежащей предоставлению информации, интенсивность и сроки согласования условий будущего контракта, тактика переговоров и, наконец, выход из переговоров – все это подчинено требованию добросовестности. Ни один другой аспект принципа свободы договора не претерпевает столь существенного сдерживающего влияния добросовестности, как свобода ведения переговоров. Это обусловлено тем, что выведение универсальных правил поведения в переговорах – задача невыполнимая. На переговоры влияет бесчисленное количество факторов, уникальные комбинации которых чаще всего не позволяют установить границы должного и недолжного в отрыве от конкретной переговорной ситуации, и категория добросовестности здесь становится едва ли не единственным инструментом правового воздействия. Роль принципа добросовестности на преддоговорном этапе столь велика, что заслуживает отдельного исследования, выходящего за рамки данной работы.

Выводы

На современном этапе развития учения о договоре свобода переговоров претендует на самостоятельность среди иных аспектов конститутивного принципа свободы договора. Этот вывод становится отправным пунктом в демаркации границ между свободой переговоров и свободой заключения контракта. Их разделение имеет важное практическое значение, влияя на объем прав кредитора по требованию, основанному на уклонении от исполнения обязанности заключить договор, и по требованию, вытекающему из ненадлежащего поведения визави по переговорам, когда заключение контракта для этого лица не является обязательным.

В той мере, в какой свобода переговоров не ограничивается нормами позитивного права, правовыми обычаями и соглашением сторон, естественной ее детерминантой выступает принцип добросовестности, в правовом поле которого исторически «обитают» переговоры.

Свобода переговоров не сочетается с возложением обязанности проводить их. Установление же запрета на переговоры допустимо, но лишь по соглашению сторон или в силу публично-правовых ограничений, продиктованных общественной опасностью планируемой к совершению сделки.

Возможность вести переговоры свободно стала важным фактором гражданского оборота, стимулируя потенциальных контрагентов к взаимодействию друг с другом без опасений за то, что оно станет для них обременительным.

Библиографический список

Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право: общие положения. 4-е изд. М.: Статут, 2020.

Гражданское право: учеб.: в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов; 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2020.

Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / А. К. Байрамкулов, О. А. Беляева, А. А. Громов и др.; отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2020.

Комарицкий В. С. Правовое регулирование преддоговорной ответственности по законодательству Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.

Муратова О. В. Преддоговорные отношения в международном коммерческом обороте: от материально-правового к коллизионному регулированию: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017.

Нам К. В. Принцип добросовестности. Основы теории и правоприменения в контексте немецкого правового опыта: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021.

Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / А. В. Асосков, В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко и др.; отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: Статут, 2020.

Райников А. С. Отношение, возникающее при проведении переговоров о заключении договора по российскому праву: антиделиктная концепция // Вестник гражданского права. 2023. Т. 23, № 2. С. 50–80.

Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of Reference (DCFR) / Ed. by C. von Bar, E. Clive and H. Schulte-Nölke. Munich: Sellier, European Law Publishers, 2009.

Shell G. R. Opportunism and trust in the negotiation of commercial contracts: Toward a new cause of action // Vanderbilt Law Review. 1991. Vol. 44, № 2. Pp. 221–282.

Информация для цитирования

Ex jure

Райников А. С. Свобода переговоров как самостоятельный аспект принципа свободы договора: содержание и пределы // Ex jure. 2024. № 3. С. 97–110. DOI: 10.17072/2619-0648-2024-3-97-110

Raynikov A. S. Freedom of Negotiation as a Separate Aspect of the Principle of Freedom of Contract: Content and Limits. *Ex jure*. 2024. № 3. Pp. 97–110. DOI: 10.17072/2619-0648-2024-3-97-110

УДК 342

DOI: 10.17072/2619-0648-2024-3-111-127

Конституционно-правовые основы институционализации федеральных территорий

В. А. Кочев

Доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры конституционного
и административного права

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: kochevvladimir@mail.ru

Аннотация: в статье определяется степень воздействия института федеральных территорий на государственно-властные федеративные отношения в национальных государствах; рассматриваются основные модели публичной власти в федеральных территориях (централистская, децентралистская и смешанная) и их разновидности (субмодели); выявляется нормативный состав института федеральных территорий как главный идентификатор их качественной определенности; анализируется территориальная, публично-правовая и организационно-функциональная специфика федеральной территории «Сириус» в Российской Федерации.

Ключевые слова: территориальное устройство федеральной территории; ограниченная и точечная территориальные локации; централистская, децентралистская и смешанная модели власти в локациях; разновидности локальных моделей власти; нормативный состав института федеральных территорий; прототерриториальные образования

© Кочев В. А., 2024

Constitutional and Legal Framework of the Institutionalization of Federal Territories

V. A. Kochev

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

E-mail: kochevvladimir@mail.ru

Abstract: *the author researches: 1) the impact of the federal territories institute on federative relations; 2) models and submodels of public authority in federal territories; 3) territorial, legal and functional specifics of the federal territory “Sirius” of the Russian Federation.*

Keywords: *territorial structure of the federal territory; limited and point territorial locations; centralist, decentralist and mixed models of power in locations; type of local models of power; normative composition of the institute of federal territories; proto-territorial formations*

Поправка к части 1 статьи 67 Конституции РФ¹, внесенная Законом РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» (далее – поправка-2020) закрепляет категорию «федеральные территории» как публично-правовое территориальное образование общегосударственного значения. Тем самым в Российской Федерации, подобно ряду зарубежных стран, конституируется возможность изменения конфигурации публично-властных отношений по вертикали.

По общему правилу, данные изменения не являются повсеместными. Они осуществляются чаще всего на ограниченной (локальной) части государственной территории и нередко являются точечными. Точечная локальность характерна для многих федеральных территорий зарубежных стран, а также – пока единственной, начатой как эксперимент – федеральной территории «Сириус» в РФ. Последняя создана на небольшой части территории муниципального образования город-курорт Сочи Краснодарского края и совпадает с территорией одноименного поселка городского типа площадью чуть более

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.).

14 кв. км в его административно-территориальных границах. Поэтому возникающая в таких условиях конфигурация властной вертикали должна быть признана территориально локализованной и точечной. В то же время нельзя выпускать из внимания федеральные территории, создаваемые в зарубежных странах на большей площади. В их числе, например, следует назвать острова Восточного Самоа (2832 кв. км), Виргинские острова (3464 кв. км), Андаманские и Никобарские острова (6703 кв. км), племенные районы Пакистана (27 220 кв. км) и др. Кроме того, есть федеральные территории, занимающие значительную часть государственной территории. Так, федеральные территории Канады составляют 38,7 % от всей государственной территории (Юкон – 4,8 %, Северо-Западные образования – 13,5 %, Нунавут – 20,4 %).

Вместе с тем и в больших, и в малых, в том числе точечных, территориальных локациях имеют место типичные государственно-правовые последствия. В конституциях и законодательстве федеративных государств определяются положения, закрепляющие в локальных публично-властных отношениях централистские или децентралистские начала. И наряду с этим могут устанавливаться нормативные основы, которые сохраняют существующий статус-кво (властный баланс), но с другим содержательным наполнением. Исходя из названных конституционно-правовых реалий в юридической литературе предпринимаются попытки теоретического конструирования и анализа моделей публичной власти в федеральных территориях, отвечающих указанным форматам.

Централистская модель публичной власти в федеральных территориях всесторонне исследована в научных публикациях, посвященных данной тематике². И это неслучайно. Действительно, чаще всего одной из основных целей создания централистских территориальных локаций за рубежом является усиление федерального регулирования, управления и контроля, которые, как правило, необходимы для решения конкретных общественно значимых задач на относительно небольшой (локальной) части государственной территории. В силу территориальной ограниченности и/или точечности устанавливаемой модели федеративных отношений следует подчеркнуть, что централизация

² См., например: *Праскова С. В.* О федеральных территориальных единицах // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 12. С. 1543–1551; *Ирхин И. В.* Федеральные территории и федеральные округа: смешение конституционно-правовых моделей // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 6. С. 30–37; Конституционное право. Общая часть: в 2 кн. / под ред. Н. А. Богдановой, А. А. Троицкой. Кн. 1. М.: Зерцало-М, 2022. С. 157–160.

публичной власти не может быть отнесена к разряду общегосударственного порядка (за исключением, например, Канады). Это локальная централизация, которая в целом отвечает нормативным основам национального конституционного федерализма и в то же время расширяет его пределы и границы, придавая им эластичность и гибкость.

Централистская модель создания федеральных территорий является родом, охватывающим определенные виды (субмодели). По объему полномочий органов публичной власти и управления в территориальной локации можно выделить четыре субмодели централистской направленности:

1. Государственные органы федерации и/или их территориальные государственные органы приобретают в федеральных территориях дополнительные полномочия, необходимые для решения задач, стоящих перед данной локацией. Подобная организация публичной власти существует, например, в федеральных территориях Малайзии (Куала-Лумпур, Лабуан, Путраджая) и Индии (Дадра, Нагар-Хавели, Даман, Диу, Пондичерри, Чандигарх, Дели)³.

2. Государственные органы федерации наделяются полномочиями субъекта федерации и муниципального образования, которые осуществляются на федеральной территории. Это один вариант. А другой состоит в том, что государственные органы субъекта федерации получают полномочия федеральных госорганов и муниципального образования с сохранением в федеральной территории верховной власти главы государства. Данный вариант организации публичной власти применяется в Пакистане. В этой стране к федеральным территориям относится полоса племен (племенные районы), где публичная власть осуществляется или федеральными, или провинциальными (субъекты федерации. – В. К.) органами государственной власти. В обоих случаях власть главы государства над территориальными локациями остается незыблемой⁴.

3. Территориальные государственные органы федерации и органы местного самоуправления приобретают в территориальной локации полномочия субъекта федерации. Подобная субмодель публичной власти теоретически допустима, но на практике встречается нечасто (например, федеральная территория города Буэнос-Айреса)⁵. Наибольшее распространение она получила

³ Ирхин И. В. Указ. соч. С. 31–32.

⁴ Пакистан (Исламская Республика Пакистан) // Конституции государств Азии: в 3 т. / под ред. Т. Я. Хабриевой. Т. 2: Средняя Азия и Индостан. М.: Норма, 2010. С. 603–744.

⁵ Byrd R. C. District of Columbia "Home Rule" // The American University Law Review. 1967. Vol. 16. P. 267.

не в федеральных территориях, а в федеральных округах (федеральный округ Колумбия в США, федеральный округ Бразилиа в Бразилии⁶ и др.).

4. Государственная власть и управление в федеральном округе или федеральной территории осуществляются главой государства, действующим в пределах, устанавливаемых им по своему усмотрению, через им же назначаемое должностное лицо. Иногда возможно ослабление такой централизации. В частности, допускается образование в локациях представительного и исполнительных органов публичной власти и управления этой территорией. Данная субмодель публично-властного правления используется на Андаманских и Никобарских островах как союзных (федеральных. – В. К.) территориях Индии⁷.

Таковы известные государственно-правовой практике зарубежных стран субмодели организации публичной власти в федеральных территориях (округах) централистской направленности. При этом нельзя исключать появления и других организационно-функциональных вариаций. Они могут быть определены законодателем исходя из различных культурно-исторических, экономических, демографических, лингвистических, географических, ландшафтных и прочих условий.

Децентрализованный тип публичной власти в федеральных территориях (округах) является, так же как и централизованный, весьма распространенной и используется во многих зарубежных странах. В силу этого она стала предметом детальных научных разработок у нас в стране и в мире. Децентрализация публичной власти при создании федеральных территорий (округов) имеет место тогда, когда центр принятия публично-властных решений по законодательно определенным вопросам формируется на территории данного образования (локации). Это выражается в следующих организационно-правовых формах:

– во-первых, в федеральной территории (округе) создается особое муниципальное образование с правом решать вопросы не только местного, но и государственного значения, определяемые парламентским законом об этом образовании. Таким путем производится локализация центра принятия государственно-властных решений в соответствующем муниципалитете. Государственно-властные компетенции муниципалитета закрепляются исходя из целей и задач, которые подлежат решению на территории данной локации.

⁶ Byrd R. C. District of Columbia "Home Rule" ... P. 267.

⁷ Ирхин И. В. Указ соч. С. 32.

Вместе с тем децентрализация публичной власти при ее конституировании в особом муниципальном образовании федеральной территории может быть ослаблена или усилена. Ослабление децентрализации происходит, например, при введении федеральной должности представителя федерального центра в муниципальном образовании этой локации. А усиление децентрализации возможно путем предоставления органам местного самоуправления локации права участвовать в обсуждении законопроектов, касающихся этого муниципального образования.

Следует обратить внимание на то, что при формировании данной субмодели используется способ децентрализации с элементами гибридизации (сращивания) в особом муниципальном образовании части полномочий каждого из двух уровней государственной власти (федерация, субъект федерации) и полномочий органов местного самоуправления. В то же время возможность прямого правления со стороны федерального центра сохраняется⁸;

– во-вторых, в федеральной территории (округе) образуются собственные органы публичной власти. Данные органы наделяются частью полномочий государственных органов федерации и субъектов федерации, полномочиями органов местного самоуправления и собственной (локации) компетенцией. Здесь, так же как и в первом случае, имеет место гибридизация части полномочий органов публичной власти различного уровня. При этом одновременно может допускаться возможность раздельного правления (федерация, субъект федерации, муниципальное образование и собственно локация). Такое разделение происходит, например, при наделении собственной компетенцией образуемых в федеральной территории (округе) территориальных государственных органов федерации и/или территориальных государственных органов субъекта федерации, а также при передаче органами публичной власти локации собственных полномочий органам местного самоуправления.

Смешанная модель основывается на сбалансированном равновесии публичной власти в федеральных территориях. Так, в ряде федеративных государств закрепляется возможность изменения конфигурации публично-властных отношений без усиления или ослабления централистской либо децентралистской направленности в территориальных локациях. Это изменение

⁸ См.: Capital City Politics in Latin American: Democratization and Empowerment / ed. by D. J. Myers, H. A. Dietz. Boulder: Lynne Rienner Pub., 2002. P. 121.

связано, в частности, с перераспределением компетенций между действующими на данной территории органами публичной власти (федерация, субъект федерации, локация) без перемещения центра принятия решений на тот или иной уровень. Это выражается, с одной стороны, в сохранении существующего объема полномочий в структурах властной вертикали, а с другой – в наполнении названных полномочий новым нормативным содержанием. Рассматриваемая модель публичной власти в территориальных локациях может быть представлена субмоделями двух-и трехуровневого правления.

Субмодель *двухуровневой* организации публичной власти в территориальной локации связана с образованием: 1) собственных органов публичной власти данного территориального образования; 2) территориальных государственных органов федерации или территориальных государственных органов субъекта федерации в этой локации.

Субмодель *трехуровневой* организации публичной власти в территориальной локации включает: 1) собственные органы публичной власти территориального образования; 2) территориальные государственные органы федерации; 3) территориальные государственные органы субъекта федерации. В Российской Федерации эта субмодель публичной власти используется, например, в федеральной территории «Сириус».

Общая государственно-правовая характеристика института федеральных территорий лежит в основе решения вопросов нормативно-догматического порядка. В конституционно-правовом смысле бесспорно то, что поправка-2020 является учредительно-закрепительной и общерегулятивной. Учредительная власть предоставляет федеральному законодателю право определять посредством закона как минимум три необходимых элемента нормативного состава института федеральных территорий: во-первых, часть национальной территории (локацию), ее границы; во-вторых, особый государственно-правовой или иной публично-правовой режим в локации; в-третьих, организационно-функциональную модель локации, то есть систему органов публичной власти, порядок их образования и полномочия.

Следуя названному конституционно-правовому положению, проведем небольшой сравнительный анализ. С этой целью рассмотрим действующие в Российской Федерации сходные институты узкоотраслевого (специального) и межотраслевого назначения с отдельными признаками точечной или другой территориальной локализации. Такая необходимость возникает постольку, поскольку эти институты формируются безотносительно к поправке-2020 и

весьма распространены в РФ. Подобное исследование уже предпринималось⁹, однако не все аспекты обозначенной проблемы были в нем затронуты. Не претендуя на исчерпывающее изложение, выделим ряд ключевых вопросов.

Во-первых, в качестве названных институтов выступают налоговый, таможенный, градостроительный, природоохранный, рекреационный и другие специальные отраслевые режимы, устанавливаемые на относительно небольшой части территории, в которой осуществляются централизованное (экстерриториальное) администрирование и юрисдикция. Такие формирования имеют, по общему правилу, не трех-, а двухэлементный состав: территориальную локацию и специальный отраслевой правовой режим. В их составе нет третьей – организационно-функциональной – составляющей, а ее роль выполняют экстерриториальное администрирование и юрисдикция.

Во-вторых, институируется особое территориальное формирование – Арктический сектор Северного Ледовитого океана (его ледяной покров). Арктический сектор РФ сформирован федеральным законодателем в соответствии с нормами международного права. Ледяной покров сектора имеет статус территории РФ. Органы публичной власти на этой территории не образуются. Юрисдикция на территории сектора осуществляется по вопросам собственной компетенции федеральными государственными органами с учетом особенностей, определяемых федеральным законодательством. Координацию деятельности экстерриториальных государственных органов в секторе осуществляют представитель Президента РФ в ранге заместителя председателя Правительства РФ и Министерство РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики.

Во-третьих, на ограниченной территории вводятся специальные отраслевые правовые режимы с элементами локальной организационно-функциональной оформленности. Это выражается в установлении территориального отраслевого администрирования и соответствующей юрисдикции. В числе таких организационно локализованных режимов институированы:

- территории опережающего социально-экономического развития;
- территории инновационных научно-технологических центров, других инновационных центров;
- территории свободного порта Владивосток;

⁹ См., например: *Каримов Б. Г.* Федеральные территории в Российской Федерации: первый опыт создания и проблемы конституционно-правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 3. С. 51–58.

– особые экономические зоны (промышленно-производственные, технико-внедренческие, туристско-рекреационные, портовые и др.);

– линейные территории, или земли специального назначения (полоса отвода железных дорог, автодорог, электросетей или трубопроводов, приграничная зона и др.);

– особо охраняемые природные территории, в том числе государственные природные заповедники и заказники, национальные и природные парки, памятники природы, дендрологические парки, ботанические сады и др.

В-четвертых, создаются специальные отраслевые, межотраслевые, особые территориальные единицы (образования) с трехэлементным составом, включающим территориальную локацию, специальный правовой режим и систему государственного администрирования и юрисдикции. Данные образования возникают в соответствии с законодательством РФ и являются подобием публично-территориальных формирований. Однако по своей природе они должны быть отнесены не к территориальным, а к прототерриториальным образованиям, поскольку приобретают необходимые элементы институционального нормативного состава не с общим, как в типичных территориальных образованиях, а специальным либо особым статусом. К этому виду образований относятся:

– специальные административные районы (остров Октябрьский в Калининградской области и остров Русский в Приморском крае);

– административно-территориальные единицы с особым статусом (Коми-Пермяцкий округ в Пермском крае, Таймырский (Долгано-Ненецкий) округ и Эвенкийский округ в Красноярском крае, Усть-Ордынский Бурятский округ в Иркутской области, Агинский Бурятский округ в Забайкальском крае);

– федеральные округа (Центральный, Северо-Западный, Южный, Северо-Кавказский, Приволжский, Уральский, Сибирский, Дальневосточный);

– военные округа (Западный, Южный, Центральный, Восточный, Северный флот);

– судебные территориальные округа (участки) и др.

Установление на локальной территории правовых режимов специальной узкоотраслевой и межотраслевой направленности с организационно-функциональным администрированием и юрисдикцией или без таковых, а также создание прототерриториальных образований со особым статусом – административных, административно-политических, военно-административных, судебных, научно-образовательных и др. – не связаны с формированием

на этих территориях организационно-функциональных структур общей компетенции, включающих представительный и исполнительно-распорядительные органы публичной власти. Поэтому «формат» федеративных отношений в обозначенных территориях остается неизменным и не зависит от избранного варианта специального регулирования, функциональной организации и управления.

В то же время закрепление особого государственно-правового режима в федеральной территории связано, как правило, с образованием в ней локализованной или иной системы органов публичной власти общей компетенции. Выбор конкретной модели обусловлен многочисленными и разнообразными факторами. Поэтому параметры статуса федеральных территорий, специфика их публично-правового режима и организационно-функциональной структуры в Конституции Российской Федерации не определяются. Данный вопрос призван урегулировать федеральный законодатель в соответствии с частью 1 статьи 67 Конституции РФ.

В качестве основных критериев федерального законодательного регулирования выделяют цели и задачи создания федеральных территорий, определяемые их стратегическим, социально-экономическим, оборонным, административно-политическим, культурно-историческим, географическим, ландшафтным, этническим, лингвистическим назначением. Исходя из этого, законодатель устанавливает пределы федеральной территории (локацию), на которой должны быть решены поставленные задачи и достигнута намеченная цель, особенности локального государственно-правового или иного публично-правового режима, организационно-функциональный механизм обеспечения соответствующего режима и реализации определенных целей и задач.

Анализ основных составляющих института федеральных территорий целесообразно провести в соответствии с законодательством РФ, включающим в том числе Федеральный закон от 22 декабря 2020 г. № 437 «О федеральной территории «Сириус»» (далее – ФЗ № 437).

При анализе территориальной составляющей института федеральных территорий следует заострить внимание на двух особенностях территориального устройства Российской Федерации.

Первая особенность состоит в том, что территория РФ, будучи ограниченной (локальной) частью территории института федеральных территорий, включает в установленных границах и соответствующую часть территории

субъекта РФ. Поэтому территория федеральной территории имеет двойственный статус: статус РФ и статус субъекта РФ.

С точки зрения территориального устройства двойственный статус характеризует в целом федеративную природу создаваемого в РФ «эксклава» или «полуэксклава». Данная локация может охватывать часть территории РФ, включающей территорию субъекта РФ, полностью окруженной территорией муниципального образования «экслав» или частично имеющая выход к сухопутной и/или морской границе РФ «полуэкслав» (федеральная территория «Сириус»). Публичная власть на территории «эксклава», если он будет создан, или «полуэксклава» («Сириус») может осуществляться или осуществляется собственными органами публичной власти, создаваемыми в соответствующем публично-территориальном образовании.

Кроме того, в локации могут создаваться и территориальные органы государственных органов РФ, и территориальные органы государственных органов соответствующего субъекта РФ. При этом органы местного самоуправления вправе, если это предусмотрено федеральным законом, осуществлять в данном образовании только те полномочия, которые переданы им в установленном порядке органами публичной власти «эксклава» («полуэксклава»). При передаче таких полномочий на территории федеральной территории «активируются» компетенции муниципального образования, в силу чего двойственный государственно-территориальный статус в федеративном «эксclave» («полуэксclave») преобразуется в тройственный публично-территориальный статус (статус РФ, статус субъекта РФ и статус муниципального образования).

Вторая особенность выражается в возможности конституирования в федеральной территории только территории РФ, которая полностью окружена территорией субъекта РФ. В этом случае возникает унитарный территориальный «экслав» РФ или «полуэкслав» РФ, частично имеющий выход к сухопутной и/или морской границе РФ. Создание «полуэкславов» в Российской Федерации возможно в Калининградской области, Сахалинской области и приграничных субъектах РФ. Публичная власть в названных федеральных территориях может осуществляться создаваемыми в них органами публичной власти данного образования с гибридными полномочиями.

Наряду с этим в соответствии с законом в федеральной территории с унитарным территориальным устройством могут быть сформированы территориальные органы государственных органов РФ, а также мировые суды как суды субъекта РФ. Другие же государственные органы субъекта РФ и органы

местного самоуправления могут осуществлять в локации только те полномочия, которые переданы им органами публичной власти «эксклава» («полуэксклава») РФ в установленном порядке в случаях, предусмотренных законом. С передачей таких полномочий в федеральной территории «активируется» локальный статус субъектов РФ и соответствующий статус муниципального образования. Вследствие этого унитарный «эксклав» («полуэксклав») РФ преобразуется в федеративный с тройственным статусом (федерация – субъект федерации – муниципальное образование).

При анализе территориальной составляющей необходимо также иметь в виду, что существуют территории РФ, которые, согласно Конституции РФ, не включают территории субъектов РФ. К таким территориям РФ относятся внутренние воды, территориальное море, воздушное пространство над ними. Данные территории имеют только статус территории Российской Федерации. Это следует из буквального толкования части 1 статьи 67 Конституции РФ с учетом нормотворческой и государственно-правовой практики. Поэтому территорией РФ, включающей территорию субъектов РФ, необходимо рассматривать только сухопутную территорию, или сушу.

В связи с изложенным возникает вопрос: распространяется ли действие поправки-2020 на воды и воздушное пространство, являющиеся исключительно территорией РФ? Ответ должен быть дан положительный. Поскольку нельзя исключать ситуацию, когда, например, отдельная часть водного пространства РФ будет институирована законодателем как федеральная территория с установлением собственной (локальной) модели публичной власти. Территориальное устройство этой локации может быть двухуровневым (федерация – субъект федерации или федерация – муниципальное образование) либо трехуровневым (федерация – субъект федерации – муниципальное образование). Сама же локация («эксклав» или «полуэксклав») с точки зрения ее территориального устройства должна быть признана федеративной. При этом нельзя исключать и создание локаций («эксклава» или «полуэксклава») с унитарным территориальным устройством, особыми правовым режимом и организационно-функциональной системой.

Разграничение территорий РФ на территории со статусом РФ и субъектов РФ (суша) и со статусом только РФ (воды, воздушное пространство, а также, согласно федеральному законодательству, недра и континентальный шельф) предопределяет особенности конституционно-правового регулирования ряда общественно значимых отношений, возникающих из предметов совместного

ведения РФ и субъектов РФ (ст. 72 Конституции РФ). И главным образом тех из них, которые по определению возникают в связи с объектами природного происхождения, связанными с государственной территорией. В их числе могут быть земли, водные и биологические ресурсы, недра, леса и другие, статус которых определяется законодательством¹⁰. Если названные объекты расположены на государственной территории с двойным статусом, то они находятся в совместном ведении РФ и ее субъектов (п. «в», «д», «к» ст. 72 Конституции РФ). По данным вопросам субъект РФ может осуществлять опережающее правовое регулирование¹¹. В том же случае, когда эти объекты расположены за пределами территории субъекта РФ (водные ресурсы, недра, континентальный шельф и др.), последний утрачивает какие бы то ни было регулятивные полномочия по вопросам, вытекающим из соответствующих отношений. Однако и в этой ситуации, как представляется, участие субъектов РФ в федеральном законодательном процессе возможно, если решение таких вопросов непосредственно связано с жизнедеятельностью населения соответствующего субъекта РФ. В целом же двойственный статус объектов природного происхождения, определяемый особенностями состава государственной территории, обуславливает распределение компетенции в федеральных локациях, создаваемых в этом территориальном пространстве.

Таковы общие параметры территориальной составляющей института федеральных территорий в Российской Федерации. Наряду с этим законодатель вправе определять отдельные ее особенности, исходя из институирования конкретной модели федеральной территории. Примером служит федеральная территория «Сириус» (далее – ФТ «Сириус»), статус которой закрепляется в ФЗ № 437.

Прежде всего необходимо обратить внимание на основную цель создания ФТ «Сириус». Это образование было создано на территории поселка городского типа Сириус для управления территориальным социально-экономическим, инновационным научно-технологическим и культурным комплексом в целях решения задач общегосударственного значения. Названный территориальный комплекс расположен на берегу Черного моря, между реками

¹⁰ См. об этом подробнее в Земельном кодексе РФ, Лесном кодексе РФ, Водном кодексе РФ и др.

¹¹ Право опережающего правового регулирования субъектов РФ по вопросам совместного ведения, предусмотренным статьей 72 Конституции РФ, выявлено Конституционным судом РФ и закреплено в ряде его постановлений. См., например, постановления Конституционного Суда РФ от 31 нояб. 1995 г. № 16-П, от 1 февр. 1996 г. № 3-П, от 30 апр. 1997 г. № 7-П, от 25 дек. 2020 г. № 49-П.

Мзымта и Псоу. В период подготовки к зимней Олимпиаде 2014 года здесь были возведены социально значимые объекты: Олимпийский парк со спортивными сооружениями, Образовательный центр «Сириус», парк развлечений и др. Создана и соответствующая инфраструктура. Все это стало материальной основой образования ФТ «Сириус» как точечной публично-правовой территориальной единицы (локации), призванной осуществлять управление многофункциональным территориальным комплексом.

Одной из основных составляющих статуса института ФТ «Сириус» является территория и ее граница. Граница ФТ устанавливается в соответствии с картой-схемой (Приложение № 1) и описанием (Приложение № 2), которые закрепляются в ФЗ № 437. Согласно этим приложениям ФТ «Сириус» граничит с муниципальным образованием «Городской округ город-курорт Сочи» Краснодарского края и Республикой Абхазия. Территории названных образований являются сопредельными территориями ФТ «Сириус» на суше. Кроме того, к территории ФТ «Сириус» примыкают внутренние воды Черного моря, отделяемые от территории ФТ береговой линией. При создании искусственных земельных участков в примыкающих к территории ФТ «Сириус» внутренних морских водах Черного моря и в территориальном море РФ такие земельные участки включаются, согласно ФЗ № 437, в состав территории ФТ. Таким образом, ФТ «Сириус» представляет собой федеративный «полуэксклав» РФ с двойным территориальным статусом – территории РФ и территории субъекта РФ.

Рассматривая территориальную составляющую ФТ «Сириус», необходимо обратить внимание также на вопрос юридико-технического порядка. Дело в том, что территория ФТ «Сириус» совпадает с территорией одноименного поселка городского типа Сириус в ее административно-территориальных границах. Согласно формально действующему Закону Краснодарского края от 3 апреля 2020 г. № 4266-КЗ «Об установлении границ муниципального образования городской округ Сириус Краснодарского края и о наделении его статусом городского округа» данный поселок был наделен статусом городского округа как единицы местного самоуправления Краснодарского края. Причем городской округ Сириус определяется в качестве такового в описании границ ФТ «Сириус» (Приложение № 2 к ФЗ № 437).

Вместе с тем названные законодательные положения Краснодарского края не были реализованы. Устав городского округа Сириус не был принят, а следовательно, и статус округа не был урегулирован. И соответственно, не

были сформированы органы местного самоуправления округа. Поэтому муниципальное образование, учрежденное краевым законом, не внесено в реестр муниципальных образований Краснодарского края. Другими словами, образование городского округа Сириус так и осталось законодательной декларацией без каких-либо публично-правовых последствий. Ну а поскольку городской округ Сириус фактически не существует, постольку одноименный поселок городского типа надлежит рассматривать только в качестве населенного пункта ФТ «Сириус», а не как муниципальное образование.

Особенности федеративного территориального устройства ФТ «Сириус» определяют нормативное содержание правовой и организационно-функциональной составляющих данной ФТ.

Согласно ФЗ № 437 правовую основу института ФТ «Сириус» составляют:

1) федеральные правовые акты. В их числе Конституция РФ и федеральные законодательные акты. Последние действуют в ФТ «Сириус» с учетом особенностей, установленных в ФЗ № 437;

2) международные правовые акты: общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры;

3) территориальные правовые акты: Устав и нормативно-правовые акты органов публичной власти ФТ «Сириус»;

4) иные акты:

а) законы и другие правовые акты Краснодарского края. Действуют в ФТ «Сириус» только в сфере полномочий органов государственной власти субъектов РФ, осуществляемых в ФТ «Сириус» органами государственной власти Краснодарского края с учетом особенностей, установленных в ФЗ № 437;

б) муниципальные правовые акты муниципального образования «Городской округ город-курорт Сочи» Краснодарского края. Действуют в ФТ «Сириус» только в том случае, если данному муниципальному образованию переданы ФЗ № 437 полномочия органов публичной власти ФТ «Сириус».

Организационно-функциональную составляющую института ФТ «Сириус» образует система органов ФТ «Сириус», в которую, в соответствии с ФЗ № 437, входят *органы публичной власти* ФТ «Сириус»:

1. Совет ФТ «Сириус» – представительный орган, возглавляемый председателем. Формируется сроком на пять лет в составе семнадцати членов, из которых девять избираются на основе всеобщего прямого и равного избирательного права при тайном голосовании, три назначаются Президентом РФ, еще три – Правительством РФ и один – высшим должностным лицом Краснодарского края. Членом Совета является также глава администрации ФТ «Сириус».

2. Глава администрации ФТ «Сириус». Назначается Советом ФТ «Сириус» сроком до пяти лет. Не может занимать должность председателя Совета ФТ «Сириус».

3. Администрация ФТ «Сириус» – исполнительно-распорядительный орган. Его структура определяется главой администрации. В состав администрации входят глава администрации, три заместителя, помощник главы администрации, руководитель аппарата и аппарат администрации, правовой департамент и департаменты внутренней политики и организационной деятельности, социальной молодежной политики и культуры, экономического развития, финансов, комплексного развития городской среды, имущественных отношений, архитектуры и градостроительной деятельности.

Наряду с этим в систему органов публичной власти ФТ «Сириус» могут входить, согласно Уставу ФТ «Сириус», *другие* органы публичной власти ФТ.

Кроме того, в системе органов ФТ «Сириус», в соответствии с ФЗ № 437, образуются *органы* ФТ «Сириус». К ним относятся контрольно-счетный орган и территориальная избирательная комиссия. В рамках Устава ФТ «Сириус» в системе органов создаются *иные* органы: Уполномоченный по вопросам местного самоуправления ФТ «Сириус», назначаемый Советом ФТ на пять лет, и градостроительный совет.

Полномочия органов публичной власти ФТ «Сириус» закрепляются ФЗ № 437. В их числе:

– переданные ФТ отдельные полномочия РФ по предметам совместного ведения РФ и субъектов РФ и отдельные полномочия РФ, осуществляемые в установленном порядке органами государственной власти субъектов РФ;

– полномочия органов государственной власти субъектов РФ по предметам совместного ведения РФ и субъектов РФ в соответствии с законодательством РФ;

– отдельные полномочия Краснодарского края, переданные для осуществления органам публичной власти ФТ нормативными правовыми актами Краснодарского края;

– полномочия органов местного самоуправления городского округа города-курорта Сочи, определенные федеральными законами;

– полномочия в сфере организации и обеспечения деятельности органов публичной власти ФТ и подведомственных им организаций и учреждений и др.

Согласно ФЗ № 437 и Уставу ФТ «Сириус» в ФТ может вводиться экспериментальный правовой режим и специальное регулирование отношений в сфере технологической, градостроительной, медицинской, фармацевтической,

генно-инженерной, образовательной, научно-технической, инновационной и иной деятельности.

Из изложенного следует, что органы публичной власти ФТ «Сириус» имеют, по сути, гибридные полномочия. При этом названные полномочия могут использоваться для введения в ФТ «Сириус» специальных правовых режимов и регулирования отношений в наиболее важных сферах общественной жизни, способствующих реализации законодательно определенных целей и задач.

Библиографический список

Ирхин И. В. Федеральные территории и федеральные округа: смешение конституционно-правовых моделей // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 6. С. 30–37.

Каримов Б. Г. Федеральные территории в Российской Федерации: первый опыт создания и проблемы конституционно-правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 3. С. 51–58.

Конституционное право. Общая часть: в 2 кн. / под ред. Н. А. Богдановой, А. А. Троицкой. Кн. 1. М.: Зерцало-М, 2022.

Пакистан (Исламская Республика Пакистан) // Конституции государств Азии: в 3 т. / под ред. Т. Я. Хабриевой. Т. 2: Средняя Азия и Индостан. М.: Норма, 2010. С. 603–744.

Праскова С. В. О федеральных территориальных единицах // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 12. С. 1543–1551.

Byrd R. C. District of Columbia “Home Rule” // The American University Law Review. 1967. Vol. 16.

Capital City Politics in Latin American: Democratization and Empowerment / ed. by D. J. Myers, H. A. Dietz. Boulder: Lynne Rienner Pub., 2002.

Информация для цитирования

Ex jure

Кочев В. А. Конституционно-правовые основы институционализации федеральных территорий // Ex jure. 2024. № 3. С. 111–127. DOI: 10.17072/2619-0648-2024-3-111-127

Kochev V. A. Constitutional and Legal Framework of the Institutionalization of Federal Territories. *Ex jure*. 2024. № 3. Pp. 111–127. DOI: 10.17072/2619-0648-2024-3-111-127

УДК 342.8

DOI: 10.17072/2619-0648-2024-3-128-140

Избирательная система как мера выборов

Д. М. Худoley

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры административного и конституционного права

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: dmitry-hudoley@yandex.ru

Аннотация: в статье анализируется понятие избирательной системы, исследуется математическое и юридическое понимание данной категории и рассматриваются компоненты избирательной системы, определяющие ее разновидности. Автор предлагает использовать категорию «избирательная система» для обозначения избирательной системы в юридическом смысле, а также изменить легальное определение категории, отражающее сущность избирательной системы как меры выборов.

Ключевые слова: выборы; избирательная система; принципы избирательного права

Electoral System as a Measure of Elections

D. M. Khudoley

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, Russia, 614068

E-mail: dmitry-hudoley@yandex.ru

© Худoley Д. М., 2024

Abstract: *the paper analyzes the concept of the electoral system. The author analyzes the mathematical and legal understanding of the category. It is proposed to use a new category to designate the electoral system in a legal sense. Next, the author examines the components of the electoral system that determine its varieties. In conclusion, it is proposed to change the legal definition of the category, reflecting the essence of the electoral system as an election measure.*

Keywords: *elections; electoral system; principles of electoral law*

В части 3 статьи 23 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ред. от 06.02.2023) содержится определение избирательной системы: «условия признания кандидата, кандидатов избранными, списков кандидатов – допущенными к распределению депутатских мандатов, а также порядок распределения депутатских мандатов между списками кандидатов и внутри списков кандидатов». Очевидно, что под избирательной системой понимается некий алгоритм, который «конвертирует» (трансформирует, переводит) голоса в мандаты¹. Количественный показатель «итоги голосования» (итоговая сумма голосов, полученных каждым кандидатом или списком кандидатов) трансформируется в качественный – «результаты выборов» (определение избранных кандидатов). Избирательная система, если использовать аналогию с положениями кибернетики, представляет собой «черный ящик», на «входе» которого находятся голоса, а на «выходе» – мандаты. Математики избирательную систему сравнивают с функцией, также имеющей входные и выходные данные – области определения и значения. Трансформация происходит на основе некоей меры (предела, черты²) – математического принципа (большинство, пропорция и пр.). Достигнув предела (избирательной квоты, или *метра*), количественный показатель приобретает качество.

Отметим, что в России существовал и иной подход к пониманию категории. Так, конституции советского периода устанавливали основы избирательной системы (основы системы отношений, связанных с подготовкой и проведением выборов) в одноименных главах. Не стоит вдаваться в этот спор

¹ Иванченко А. В., Кынев А. В., Любарев А. Е. Пропорциональная избирательная система в России: история, современное состояние, перспективы: моногр. М.: Аспект Пресс, 2005. С. 10.

² В русском языке черта – кон. Это предел дозволенного поведения. Переступление черты – *преступление, нарушение закона*. Очевидно, что таким пределом в общем виде является свобода человека как единственная мера, позволяющая отличить неправомерное поведение от правомерного. В конечном счете только человеческая свобода – мера всех вещей.

о терминах, тем более что от указанного подхода отказался и законодатель, и судебная практика. В зарубежной науке избирательного права такое понимание категории вообще отсутствовало. В дальнейшем мы не будем использовать термин «избирательная система» в широком понимании.

Кратко выделим элементы избирательной системы:

1) математический принцип определения победителя (электоральная формула). На первый взгляд можно говорить о мажоритарных системах (системах большинства), пропорциональных (системах квот) и смешанных. На самом деле любая избирательная система основана на квоте. Повторим, квота является мерой, при достижении которой кандидат (партия, выдвинувшая список кандидатов) получает мандат. Это касается не только пропорциональных систем или так называемых мажоритарных систем квалифицированного большинства с прямо установленной квотой (например, две трети от общего числа голосов при избрании Папы Римского или Президента Итальянской Республики)³. Квоты могут быть как более половины (55 % на всенародных выборах президента Сьерра-Леоне), так и менее (40 % на выборах президента Коста-Рики)⁴. В последнем случае возможно законодательное установление отрыва первого кандидата от второго и проведение второго тура при невыполнении данного требования (10 % в Аргентине при получении не менее 40 % голосов). Очевидно, что квота менее половины допускает вероятность ее достижения двумя и более кандидатами (отсутствует критерий результативности). Для разрешения ничейного результата либо прибегают к перебаллотировке (чаще всего), либо используют правило первенства. Строго говоря, система квалифицированного большинства с квотой более половины – система квалифицированного абсолютного большинства, а с квотой менее половины – система квалифицированного относительного большинства.

В Российской Федерации так называемая двухтуровая мажоритарная система абсолютного большинства де-факто является системой с квотой Друпа ($q = x / (y + 1) + 1$, где q – квота, x – число голосов избирателей, y – число мандатов)⁵. При проведении выборов в едином округе, в котором замещается лишь один мандат, эта квота равна 50 % + 1 голос. Однотуровая система относительного большинства также имеет неочевидную, или скрытую, квоту

³ Конституции зарубежных государств / отв. ред. В. В. Маклаков. М.: БЕК, 1999. С. 69.

⁴ Зарубежное избирательное право: учеб. пособие / А. С. Автономов, Ю. А. Веденеев, О. В. Дегтярева и др.; под ред. В. В. Маклакова. М.: Норма, 2003. С. 245.

⁵ О выборах Президента Российской Федерации: Федер. закон от 10 янв. 2003 г. № 19-ФЗ (в ред. от 05.12.2022). Ст. 76.

($q = (x / n) + 1$, где n – число участвующих на выборах кандидатов). Например, в случае участия 10 кандидатов эта скрытая квота равна 10 % + 1 голос. Если такую квоту набирают сразу несколько кандидатов, то победитель определяется по правилу первенства. Иначе говоря, метод относительного большинства с точки зрения математики является сложным (комбинированным), но не простым. Последний аспект подтверждает наш тезис: математический принцип не является единственным.

В пропорциональных системах, наоборот, избирательная квота институционализована (методы квот Хэйра, Хагенбаха-Бишофа, Друпа; методы наибольших делителей д’Ондта, Сент-Лагю, Имперали и пр.).

При этом к данному элементу системы следует отнести заградительный барьер, который влияет на определение избирательной квоты, – когда голоса партий, «отсеченных» барьером, не используются при ее вычислении. Иногда квот может быть несколько, в зависимости от уровней распределения мандатов (между федеральной частью списка и региональными группами в России на парламентских выборах) и пр.

Таким образом, под математическим принципом мы в дальнейшем будем понимать именно метод определения избирательной квоты.

Очевидно, что возможно одновременное использование различных методик. Обычно это наблюдается в смешанных системах: сосуществующих, параллельных и связанных. Сосуществующие системы имеют место при использовании разных методик на выборах в различных округах в один и тот же орган власти. Так, на выборах в Конгресс США в ряде штатов применяется система абсолютного большинства, а в остальных – относительного. Параллельные системы – это чаще всего мажоритарно-пропорциональные. Здесь методики применяются параллельно: избиратель подает два бюллетеня, они подсчитываются независимо друг от друга. Наоборот, в связанных системах голоса учитываются совместно⁶.

Отметим, что при проведении двухтуровых выборов глав государств также могут применяться различные правила. В Российской Федерации при проведении первого тура используется принцип абсолютного большинства, при проведении второго – принцип относительного (большинство определяется не от числа действительных голосов, а от общего числа проголосовавших граждан). Следовательно, в состав математического принципа мы должны

⁶ *Benoit K. Hungary's Two-Vote' Electoral System // Representation. 1996. Vol. 33, № 4. P. 163.*

включить дополнительные правила вычисления квоты (от числа проголосовавших граждан; от числа действительных бюллетеней; от числа действительных бюллетеней, поданных за кандидатов или списки, без учета голосов, поданных против всех, и т.д.).

В целом можно утверждать, что данный критерий потерял свое прежнее значение. Так, ряд пропорциональных систем допускают элементы мажоритарности – например, при установлении заградительного барьера, премий для большинства или меньшинства, «джекпота», «главного билета». Последнее правило вообще стирает всякую грань между пропорциональными системами, основанными на квотах Хэйра, Друпа, д'Ондта, и мажоритарными, когда «победитель получает всё». Существуют мажоритарные системы, которые де-факто пропорциональны и также основаны на квоте, которая определена прямо, но не косвенно⁷. Это касается многих систем преференциального голосования, при реализации которых могут применяться различные квоты – Хэйра, Хагенбаха-Бишофа, Друпа и пр. Кроме смешанных систем есть двухтуровые мажоритарные, которые в определенном смысле также являются смешанными.

Наука знает массу избирательных систем, которые на практике не используются по причине своей неочевидности. Так, многие граждане не понимают принцип Кондорсе, хотя он логически продолжает правило абсолютного большинства⁸. Методика М. Балински, равно как и иные правила медианы, основана на критерии плюральности (относительного большинства). Отдельные методики действительно не сводятся к правилам мажоритарности или пропорциональности. Так, правило меньшинства используется в умозрительной методике антибольшинства (избиратель голосует против кандидатов, победителем на выборах признается тот, кто наберет наименьшее число голосов).

В тех редких случаях, когда решения в рамках общественного выбора принимаются не посредством голосования, добавляется новый математический критерий определения победителя голосования: жребий, правило старшинства, правило диктатора и пр. Отметим, что иногда указанные методы применяются при невозможности определить победителя на выборах в избирательных системах, которые не являются строго результативными, в том числе и в России;

⁷ *Siavelis P. M.* La lógica oculta de la selección de candidatos en las elecciones parlamentarias chilenas // *Estudios Públicos*. 2005. № 98. P. 190.

⁸ *Демина Н.* Метод маркиза Кондорсе, или Светлый путь спасения демократии. URL: https://polit.ru/article/2010/05/21/maskin_condorcet.

2) **способ голосования.** Традиционно выделяют два главных метода голосования – оценочное и рейтинговое. Они восходят соответственно к кардиналистской и ординалистской теориям полезности.

Первый метод основан на количественной оценке кандидатов. Избиратель всегда наделен несколькими голосами. Вариаций может быть бесчисленное множество. Так, на первых выборах в рабовладельческих демократиях Древней Греции и Древнего Рима применялось одобрительное голосование в виде голосования черными и белыми шариками (от латинского *ballo* – кружиться, плясать; от него произошло итальянское слово *ballota*, породившее термин «баллотировка»), которые опускали в урны (амфоры). Несмотря на кажущуюся качественную оценку (да или нет, за или против), этот метод голосования является именно количественной оценкой и может быть сведен к бинарному целочисленному диапазону [0,1]. При проведении референдумов такой способ де-факто используется посредством заполнения бюллетеня. Диапазон баллов может быть расширен (системы голосования по очкам), в том числе и так, что избиратель получает право наделять кандидата отрицательным числом голосов [-2,2]. Де-факто именно такой метод голосования был предложен швейцарским математиком М. Балински – надделение кандидатов оценками «отвергаемый», «плохой», «допустимый», «хороший» и «идеальный». Более того, баллы могут быть и дробными: так называемая модель диапазонного голосования предусматривает, что избиратель может передать кандидату какую-то часть голоса – например, в рамках того же диапазона [0,1].

Системой оценочного голосования де-факто является и модель кумулятивного вотума, когда избиратель вправе все свои голоса передать определенному кандидату или распределить их между несколькими. Системы неограниченного и ограниченного вотума не позволяют избирателю передавать несколько голосов одному кандидату, имеющиеся в его распоряжении голоса он вправе лишь распределить.

Описанные модели голосования применяются и в Российской Федерации. Таким образом, можно сделать вывод, что системы кардиналистского голосования обычно допускают возможность наделяния различных кандидатов одинаковым количеством голосов (баллов, очков и пр.).

Способ рейтингового голосования, наоборот, предполагает качественную оценку кандидата (он *лучше* или *хуже* другого). Избиратель составляет желаемый рейтинг кандидатов в виде определенной последовательности. Как правило, избиратель имеет лишь один голос, и его получает кандидат,

указанный в рейтинге на первом месте (обозначенный цифрой 1 в избирательном бюллетене). Остальные кандидаты (обозначенные цифрами 2, 3 и т.д.) – «заместители»: они могут претендовать на голос только в ситуации неизбрания лидера рейтинга.

Вариаций у рейтингового голосования гораздо меньше (иногда избиратель в бюллетене сам вписывает имена кандидатов в определенной им последовательности). Лишь редкие модели допускают возможность определения равных предпочтений у нескольких кандидатов, большинство – нет. Отдельные варианты даже напоминают оценочное голосование. Так, метод Борда, будучи рейтинговым с внешней стороны, является оценочным по сути⁹. Избиратель определяет рейтинг кандидатов, но кандидаты получают разное число голосов. Обычно первое место означает наделение числом голосов, которое, как правило, равно числу участвующих в голосовании кандидатов. Ряд иных предпочтительных методик также основан на множественном вотуме: метод Баклина, по существу, является почти полной копией метода Балински, но с предпочтительным вотумом. Каждая предпочтения избирателя равна одному голосу, к первым предпочтениям следует добавлять вторые, третьи и т.д. до тех пор, пока у кандидата не наберется абсолютное большинство голосов¹⁰. Существуют даже предпочтительно-одобрительные системы: избиратель отмечает галочками желаемых кандидатов, остальных он вправе включить в рейтинг (по сути, галочки здесь обозначают первую предпочтения). Такое голосование не обязательно для избирателя, он может просто обозначить цифрами порядок избрания кандидатов.

Здесь мы приходим к выводу, что помимо основного способа голосования может применяться и факультативный (необязательный). К примеру, в России применяется оценочно-категорическое голосование на местных выборах в многомандатных округах. Оценочно избиратель голосует за кандидатов, а категорически – только против всех.

Категорический вотум – одновременно самый простой и самый загадочный. Избиратель наделен одним голосом и передает его одному кандидату или же партии, выдвинувшей список кандидатов. Ученые до сих пор ломают голову, к какому именно голосованию отнести такой тип выборов – рейтинго-

⁹ Лейкман Э., Ламберт Д. Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем / пер. с англ. Г. И. Морозова; под ред. А. С. Шугаева. М.: Изд-во иностр. лит., 1958. С. 300.

¹⁰ McLean I. E. J. Nanson, Social Choice and Electoral Reform // Australian Journal of Political Science. 1996. Vol. 31, № 3. P. 370.

вому или оценочному. Действительно, ряд преференциальных методик позволяет избирателю определить только победителя, без установления последовательности из всех кандидатов. В этом случае галочка в бюллетене и обозначает цифру один, как при рейтинговом голосовании. С другой стороны, при оценочном голосовании избиратель тоже в отдельных случаях может распорядиться лишь одним голосом из нескольких (это разрешено в Российской Федерации, например). С этих точек зрения модель единого непередаваемого вотума является и преференциальной, и оценочной одновременно (система строго ограниченного голоса).

Относить категорическое голосование к особому виду преференциального или оценочного голосования вряд ли допустимо с научной точки зрения. Наверное, стоит рассматривать категорический вотум в качестве особого способа голосования, в котором отличия между кардиналистской и ординалистской оценками отсутствуют по причине максимального ограничения числа голосов и предпочтений избирателя.

Такой тип голосования может сочетаться и с другими. Обычно это имеет место при проведении выборов по открытым спискам: избиратель голосует за партию и может уточнить свой выбор в пользу конкретных кандидатов (оценочное и рейтинговое голосование). Вполне возможен и дополнительный категорический вотум, когда избиратель вправе указать лишь самого желательного кандидата;

3) за кого голосует избиратель и между кем распределяются мандаты.

Избиратель может голосовать персонально за одного кандидата, персонально за нескольких кандидатов, за весь список кандидатов, за все списки избирательного блока. Иногда эти способы сочетаются. Иногда избиратель голосует за одного субъекта (кандидата), но голос учитывается иначе (передается его партии)¹¹.

Нередко при проведении выборов по многомандатным округам формируются списки кандидатов. Избиратель вправе категорически проголосовать за весь список или проголосовать за конкретных кандидатов (преференциально или оценочно). Здесь категорический вотум является факультативным, все равно голоса между списками не суммируются.

¹¹ Таагепера Р., Шугарт М. С. Описание избирательных систем // ПОЛИС. Политические исследования. 1997. № 3. С. 115.

Такое же смешение имеет место при голосовании по открытым спискам, в котором могут принимать самостоятельное участие и независимые кандидаты, а избиратель вправе голосовать как за список, так и за кандидата. Пропорциональные системы по данному показателю могут отличаться в зависимости от деления списков на части и распределения мандатов внутри списков (избиратель голосует за партию и/или за ее региональный список). По этому критерию отличаются также модели закрытых, полуоткрытых и открытых списков (избиратель голосует за партию и/или за ее кандидатов)¹².

Соединение списков иногда используется при создании избирательных блоков (список не единый, как это имело место ранее в России). Избиратель в данном случае голосует за партии и автоматически за весь блок. Голоса партий внутри блока суммируются, и места в парламенте распределяются именно между блоками (Италия).

Не всегда голоса распределяются именно между теми субъектами, за которых проголосовал избиратель. Так, система панашажа основана на том, что избиратель голосует за кандидатов, но мандаты распределяются между списками (голоса однопартийных кандидатов суммируются).

С точки зрения математики по данному критерию системы подразделяются на позиционные, кондорсетовые и алгоритмы с исключением кандидатов. Позиционное голосование связано с подсчетом голосов (очков), а кондорсетовое – с проведением парных сравнений кандидатов между собой. Кондорсетовые системы не применяются при проведении народных голосований, а потому эта классификация лишена практического значения;

4) тип избирательного округа. Избирательный округ может быть единым или территориальным (применяется при избрании списков кандидатов в отдельных провинциях, регионах на общегосударственных выборах, не применяется в России), одномандатным (униноминальным) или многомандатным (полиноминальным) и т.д.

В настоящий момент указанные округа в большинстве стран формируются по географическому принципу с соблюдением примерно равной нормы представительства. Эта норма является очередной мерой (пределом), наряду с избирательными квотами, заградительным барьером и порогом явки. В целом норму представительства можно рассматривать в виде особой квоты

¹² *Taagepera R., Shugart M.S. Seats and Votes: The Effects and Determinants of Electoral Systems.* New Haven: Yale University Press, 1989. P. 200.

(метра), в редких случаях она так и обозначается в науке или законодательстве. Тем более что для ее определения могут использоваться традиционные избирательные квоты (в США, например, применяются методы делителей, которые заменили традиционную методiku Хэйра, допускающую «парадокс Алабамы»). Указанный элемент должен установить отсутствие фактических групп избирателей внутри избирательного корпуса. Так, в Китае избирательные округа в сельской местности до сих пор значительно превышают численность округов в городах (фактически образуются отдельные курии, в которые входят сельские и городские избиратели)¹³.

Количество избираемых в округе депутатов устанавливает заградительный барьер (в пятимандатном он равен 20 %). Здесь мы также видим квоту, влияющую на результат выборов.

В редких случаях формируются особые расовые, национальные, гендерные и прочие округа. Здесь равенство округов также нарушается, поскольку избиратели де-юре и де-факто включены в различные части избирательного корпуса (курии);

5) структура избирательного корпуса. Как правило, корпус един. В прошлом нередко проводились куриальные выборы (выборы по сословиям, разрядам, чинам, расам и т.д.). Фактически куриальными являются непрямые выборы, так как помимо избирателей существуют особые субъекты активного избирательного права, принимающие окончательное решение на выборах;

б) количество голосов. Оно может быть единым или множественным (плюральным). Отметим, что следует также говорить о едином или множественном *факультативном* вотуме. В частности, большинство систем открытых списков – это системы единого категорического вотума с дополнительным плюральным кумулятивным вотумом (Швейцария). Кроме того, следует принимать во внимание различия в минимальном и максимальном количестве голосов (преференций) для признания бюллетеня действительным. Можно говорить о системах абсолютно неограниченного вотума (количество голосов не ограничено), неограниченного вотума (ограничено только числом участвующих кандидатов, например), ограниченного вотума (голосов меньше числа кандидатов), единого вотума (голос строго ограничен). В отдельных случаях избиратель обязан использовать все имеющиеся голоса (преференции), либо использовать меньшее количество (в том числе лишь одни

¹³ Берлявский Л. Г. Сравнительное избирательное право: моногр. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 155.

голос или преференцию), либо вообще опустить незаполненный бюллетень. Таким образом, можно говорить о возможности/невозможности подачи «усеченного» или «чистого» бюллетеня (*truncated, blanc ballot*), который будет признаваться действительным/недействительным¹⁴;

7) **количество туров.** Чаще всего тур один, гораздо реже два (на выборах глав государств), крайне редко три и более (избрание уже упоминавшихся Папы Римского и Президента Итальянской Республики)¹⁵. В настоящее время многотуровые системы не применяются при проведении народного голосования, а используются при избрании лиц парламентом или особой коллегией выборщиков. Системы не прямых выборов, по сути, тоже являются двух- или многотуровыми. Так, в США президент избирается коллегией выборщиков, формируемой при проведении народного голосования. Более того, в каждом из туров применяются различные методики и участвуют различные субъекты избирательного права (избиратели и выборщики);

8) **дополнительные основания** для признания выборов состоявшимися, например учет порога явки избирателей или голосов, поданных против кандидатов, в том числе против всех кандидатов или списков. Здесь мы также видим некий избирательный предел, то есть меру. Достижение этого предела меняет не результат голосования, а сам факт проведения выборов. Основания для признания их недействительными вряд ли стоит включать в эту группу, так как они связаны с фальсификацией, а не с возможностью и/или невозможностью подведения справедливых итогов голосования и определения результатов выборов при их легальном проведении.

В настоящий момент можно утверждать, что наиболее важными элементами избирательной системы являются первый, второй, третий и четвертый. Остальные конкретизируют ту или иную модель. Так, в целом все системы можно подразделить на четыре большие группы: системы выборов по одномандатным округам (в них участвуют кандидаты в персональном качестве, это мажоритарные системы); системы выборов по партийным спискам (мандаты распределяются между списками кандидатов, это пропорциональные системы); комбинированные системы выборов (участвуют и кандидаты, и списки кандидатов, такие системы обычно в науке называются смешанными); а также

¹⁴ Вольский В. И., Карпов А. В. Применение различных вариантов правила передачи голосов // Полития. 2011. № 2. С. 163.

¹⁵ Lijphart A. The Political Consequences of Electoral Laws, 1945–1985 // American Political Science Review. 1990. Vol. 84, № 2. P. 482.

системы выборов по многомандатным округам (в них участвуют кандидаты и де-факто списки кандидатов, это всевозможные гибридные разновидности систем).

Математический критерий потерял свое первостепенное значение, да и сами категории «мажоритарная», «пропорциональная» и «смешанная» уже не в полной мере соответствуют своему содержанию. Фактически речь идет о различных методах определения квот, не более. К тому же подобные пределы могут устанавливаться и иными элементами избирательной системы.

Закономерен и другой, не менее важный вывод. Один и тот же принцип определения победителя (электоральная формула) оказывается сочетаем с различными элементами избирательной системы (тип голоса, количество туров и т.д.), что порождает бесчисленное количество вариаций, которые могут значительно отличаться друг от друга по уровню учета голосов избирателей, устойчивости к тактике злоупотребления активным или пассивным избирательным правом и пр. Однако федеральное и региональное российское избирательное законодательство просто использует наименования «мажоритарная система», «пропорциональная система», «смешанная система», хотя за ними может скрываться гигантское количество видов методик, лишенных многих общих черт.

Отметим, что законодательное определение категории «избирательная система» имеет один существенный недостаток: для признания кандидата избранным в нем используется абстрактный термин «условия». Однако такими условиями могут быть не только итоги голосования, но и иные обстоятельства (например, отказ предоставить копию приказа об освобождении от исполнения обязанностей, несовместимых со статусом депутата или выборного лица). Вряд ли подобные сугубо юридические обстоятельства могут быть признаны элементами избирательной системы (в узком значении). В силу этого мы предлагаем следующее определение: избирательная система устанавливает количество голосов избирателей, получение которых означает признание кандидата или кандидатов избранными, а список кандидатов – допущенным к распределению депутатских мандатов, а также порядок распределения депутатских мандатов внутри списка кандидатов и между списками кандидатов. В таком виде избирательная система представляет собой меру выборов, так как устанавливает определенный количественный предел (итоги голосования, то есть голоса избирателей), при превышении которого изменяется качество (результаты выборов, то есть мандаты кандидатов и партий).

Библиографический список

Берлявский Л. Г. Сравнительное избирательное право: моногр. М.: Юрлитинформ, 2013.

Вольский В. И., Карпов А. В. Применение различных вариантов правила передачи голосов // *Полития*. 2011. № 2. С. 162–174.

Демина Н. Метод маркиза Кондорсе, или Светлый путь спасения демократии. URL: https://polit.ru/article/2010/05/21/maskin_condorcet.

Зарубежное избирательное право: учеб. пособие / А. С. Автономов, Ю. А. Веденеев, О. В. Дегтярева и др.; под ред. В. В. Маклакова. М.: Норма, 2003.

Иванченко А. В., Кынев А. В., Любарев А. Е. Пропорциональная избирательная система в России: история, современное состояние, перспективы: моногр. М.: Аспект Пресс, 2005.

Конституции зарубежных государств / отв. ред. В. В. Маклаков. М.: БЕК, 1999.

Лейкман Э., Ламберт Д. Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем / пер. с англ. Г. И. Морозова; под ред. А. С. Шугаева. М.: Изд-во иностр. лит., 1958.

Taagepera R., Shugart M. S. Описание избирательных систем // *ПОЛИС. Политические исследования*. 1997. № 3. С. 114–136.

Benoit K. Hungary's Two-Vote' Electoral System // *Representation*. 1996. Vol. 33, № 4. Pp. 162–170.

Lijphart A. The Political Consequences of Electoral Laws, 1945–1985 // *American Political Science Review*. 1990. Vol. 84, № 2. Pp. 481–496.

McLean I. E. J. Nanson, Social Choice and Electoral Reform // *Australian Journal of Political Science*. 1996. Vol. 31, № 3. Pp. 369–385.

Siavelis P. M. La lógica oculta de la selección de candidatos en las elecciones parlamentarias chilenas // *Estudios Públicos*. 2005. № 98. Pp. 189–225.

Taagepera R., Shugart M. S. Seats and Votes: The Effects and Determinants of Electoral Systems. New Haven: Yale University Press, 1989.

Ex jure

Информация для цитирования

Худoley Д. М. Избирательная система как мера выборов // *Ex jure*. 2024. № 3. С. 128–140. DOI: 10.17072/2619-0648-2024-3-128-140

Khudoley D. M. Electoral System as a Measure of Elections. *Ex jure*. 2024. № 3. Pp. 128–140. DOI: 10.17072/2619-0648-2024-3-128-140

УДК 349.414

DOI: 10.17072/2619-0648-2024-3-141-152

На пути к первой конституции: начальный этап формирования советской земельной политики

Г. Н. Эйриян

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: grazhdanskoe.pravo@gmail.com

Аннотация: в статье проанализированы первые нормативные акты советской власти в области регламентации земельных отношений, предшествовавшие принятию Конституции РСФСР 1918 года. В указанный период в основе правового режима земель лежала идея социализации земли, отвечавшая интересам крестьянского большинства и заключающаяся в отмене «всякой» собственности. В исследованных актах уже отчетливо проявляется принципиально новый подход к регламентации использования земельных участков. Несмотря на отсутствие государственной монополии на землю, власть концентрирует в своих руках управление и распоряжение земельными участками, объединяя их в единый земельный фонд. В этот период происходит формирование основных групп земельных отношений: государственное управление землями, распределение земельных участков, различные аспекты права пользования земельными участками, а также административный порядок разрешения земельных споров.

Ключевые слова: Конституция РСФСР 1918 года; первые Декреты советской власти; формирование государственной земельной политики РСФСР

© Эйриян Г. Н., 2024

On the Way to the First Constitution: Land Policy in the First Months of Soviet Power

G. N. Eyrían

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

E-mail: grazhdanskoe.pravo@gmail.com

Abstract: *the article analyzes the first normative acts of the Soviet government in the field of regulation of land relations, which preceded the adoption of the Constitution of the RSFSR of 1918. During this period, the legal regime of lands was based on the idea of socialization of the land, which met the interests of the peasant majority, which consisted in the abolition of “all” property. The studied acts already clearly demonstrate a fundamentally new approach to regulating the use of land plots. Despite the absence of a state monopoly on land, the government concentrates the management and disposal of land plots in its hands, uniting them into a single land fund. During this period, the formation of the main groups of land relations takes place: state land management; distribution of land plots; various aspects of the right to use land, as well as the administrative procedure for resolving land disputes.*

Keywords: *the Constitution of the RSFSR of 1918; the first Decrees of the Soviet government; the formation of the state land policy of the RSFSR*

Социально-политическая жизнь в России начала XX века была тесно связана с тематикой решения земельного вопроса, также именуемого крестьянским либо аграрным. Проблема крестьянского малоземелья вкупе с преобладанием этой социальной категории среди населения Российской империи обусловили необходимость покончить с незавершенностью преобразований 1861 года, о которых советские историки сообщали, что «компромиссный и противоречивый характер буржуазной реформы, пронизанной феодално-крепостническими пережитками, был чреват в исторической перспективе революционной развязкой»¹. Неудивительно, что первые десятилетия двадцатого столетия протекали во многом под знаком решения земельного вопроса, над формулой которого трудилось как царское правительство (реформы П. А. Столыпина), так и партийные организации.

¹ Захарова Л. Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России, 1856–1861. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 236.

Несмотря на то что защитой крестьянских интересов из крупных партий занимались в первую очередь социалисты-революционеры (эсеры), остальной левый фланг политического спектра также не мог отмахнуться от вопроса, развязки которого ожидало более 75 % населения империи. Если эсерами была выдвинута программа социализации земли, предполагавшая «изъятие ее из товарного оборота и обращение из частной собственности отдельных лиц или групп в общенародное достояние»², то меньшевики и большевики отстаивали идеи муниципализации и национализации земли соответственно. За кажущейся близостью формулировок скрывался, однако, принципиальный вопрос о том, в чьей собственности должна находиться земля. С. А. Сафроновым было указано на ключевой смысловоразличительный пункт: «Земля становилась не собственностью общины, не имуществом области, не приводилась в разряд государственных имуществ, а являлась бы ничьей. Только так она, по мнению эсеров, могла стать общенародным достоянием. Главной задачей в этом процессе было изъятие земли из товарного обращения. Национализация же, считали они, наоборот, сохраняла бы землю в товарном обороте»³.

Осознавая значимость поддержки крестьянского большинства, готового проголосовать на выборах в Учредительное собрание за эсеров, большевики де-факто скопировали требования своих политических противников и положили их в основу *Декрета о земле*, принятого на II Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов в ночь с 26 на 27 октября 1917 года (здесь и далее даты приводятся по старому стилю. – Г. Э.). В соответствии с данным декретом упразднялось право частной собственности, однако решение вопроса о помещичьей собственности, временно перешедшей в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных советов крестьянских депутатов, откладывалось до созыва Учредительного собрания, которое должно было окончательно определить ее судьбу. Согласно Крестьянскому наказу о земле, являющемуся основной частью декрета, все формы собственности – государственная, удельная, кабинетская и др. – становились «всенародным достоянием». И хотя в отношении земельной собственности понятие «национализация» не фигурировало, отметим, что недра земли, руда, нефть, уголь, соль и т.д., а также леса и воды, имеющие общегосударственное значение,

² Права и свободы человека в программных документах основных политических партий и объединений России. XX век / Ин-т федерализма и гражданского общества; под ред. А. Н. Аринина, В. В. Шелохаева. М.: РОССПЭН, 2002. С. 98.

³ Сафронов С. А. Аграрные программы российских политических партий в начале XX века. Красноярск: СФУ, 2012. С. 179.

переходили в исключительное пользование государства. Имушие слои населения, являвшиеся бенефициарами царского режима и располагавшие земельной собственностью, не могли претендовать на компенсацию, за ними признавалось лишь право на общественную поддержку на время, необходимое для приспособления к новым условиям существования. Отдельно решался вопрос с высококультурными хозяйствами и усадебной городской и сельской землей: в отношении первых не допускалась процедура раздела, исключительное право пользования ими получали государство и общины, в то время как вторыми все же могли распоряжаться текущие владельцы, но лишь на условиях возможного изменения размеров земельного участка и налога, что должно было быть детализировано позднее.

К наиболее значимым правовым новеллам декрета следует также отнести закрепление за всеми гражданами права пользования землей. Провозглашая своей целью обеспечение социальной справедливости, крестьянские представители, разрабатывавшие указы о земле, уточняли, что данное право признаётся лишь за лицами, самостоятельно обрабатывающими землю, что напрямую коррелировало с постулатами о прекращении эксплуатации труда. Следствием этого пункта являлся логичный вывод о запрете наемного труда. В целях поддержки уязвимых слоев населения существовала оговорка о необходимости оказания помощи нетрудоспособным лицам при условии пребывания их в этом статусе не более двух лет. В этот период обработку земли брала на себя община, рассчитывая на дальнейшее возвращение лица в состав трудоспособного населения. Те же лица, чья нетрудоспособность носила не временный характер, а была вызвана старостью или инвалидностью, могли претендовать на поддержку со стороны государства и пенсионное обеспечение. Принцип равного права пользования землей означал переход к уравнительному землепользованию, что, в свою очередь, знаменовало и качественно новый этап в социальной политике российского государства. Отметим, что в отношении земель, переданных во всенародное достояние, не применялось понятие «форма собственности», составители документа оперировали лишь понятием «форма землепользования», тем самым подчеркивая недопустимость перехода земель в чьи-либо руки. Причем формы землепользования определялись свободно и исключительно местными органами, что должно было символизировать демократизм советской земельной политики: в качестве форм землепользования, на которые можно было ориентироваться, авторы указа называли подворную, хуторскую, общинную и артельную. Стоит остановиться и на том, что вся отчужденная у бывших собственников земля

передавалась в создаваемый общенародный земельный фонд, распоряжаться которым должны были в первую очередь органы местного и центрального самоуправления. Наиболее показательным в этом контексте представляется положение о переселенческой политике: в случае нехватки в отдельных регионах земельного фонда, который должен быть распределен между трудящимся населением, государство берет на себя обязательство по проведению переселения на те территории, за счет которых можно обеспечить нуждающихся лиц, причем интересы желающих безземельных крестьян должны удовлетворяться в приоритетном порядке.

Декрет о земле заложил основы принципиально нового подхода к регламентации земельных отношений. «Универсальный раздел земель по так называемой уравнительной норме предполагал отрицание населением каких бы то ни было частных прав на землю. Юридическая природа исторически создавшихся категорий землевладения перестала существовать как бы по мановению волшебного жезла... Эта правовая унификация земель, это исчезновение всяких частных прав на них является одной из характерных черт временного распределения 1918 года. <...> На место прежних правовых категорий землевладения аграрный переворот выдвинул новый экономический критерий – деление земель на трудовые и нетрудовые, – различие, усвоенное и всем последующим земельным правом»⁴.

Пусть нормы, зафиксированные в Крестьянском наказе о земле, носили временный характер и действовали лишь до проведения Учредительного собрания, за которым оставалось последнее слово, тем не менее было очевидно, что большевики, во-первых, перехватили инициативу в земельном вопросе и, во-вторых, заявили о реализации крестьянской «программы максимум». Декрет о земле станет одним из главных козырей большевизма в грядущей гражданской войне, в которой противники советской власти не сумеют противопоставить правительству В. И. Ленина цельную земельную программу, устраивающую крестьянство больше, чем переход всех земель во всенародное достояние. Однако в первые месяцы после Октябрьской революции большевики были вынуждены согласиться на выборы в Учредительное собрание, назначенные на ноябрь еще Временным правительством.

Стремясь укрепить собственные позиции, 4 декабря 1917 года молодая советская власть принимает постановление «*О волостных земельных комитетах*». Подписанный народным комиссаром земледелия В. П. Милютиным

⁴ Розенблюм Д. С. Земельное право РСФСР. М.: Госиздат, 1925. С. 67.

документ устанавливает нормы, необходимые «для проведения в жизнь немедленной передачи помещичьей и прочей земли народу, впредь до окончательного определения Учредительным Собранием всех подробностей земельной реформы» (п. 1). Не вдаваясь в административные тонкости функционирования волостных земельных комитетов, являвшихся либо самостоятельным избираемым органом, либо органом волостного земства, напомним, что за ними закреплялись широкие полномочия по управлению различными по своему функциональному назначению землями. К примеру, волостные земельные комитеты отвечали и за леса, в результате учета которых составлялся лесорубочный план, и за сельскохозяйственные земли. Во всех случаях должностным лицам следовало исходить из государственных интересов: законодателем подчеркивалось, что первоочередной задачей волостных земельных комитетов в отношении, в частности, лесных площадей является «удовлетворение общегосударственных нужд в топливе и лесном материале» (п. 8). Отметим, что ранний большевизм оперировал понятием «земельный фонд», дифференцируя при этом земли по характеру их использования на угодья, луга, леса, выгоны, пашни и т.д. Предусматривалось и рассмотрение земельных споров в примирительных камерах, учреждаемых при земельных комитетах; решение, принятое в примирительной камере, являлось окончательным и обжалованию не подлежало. Инициировать рассмотрение земельного спора в данном органе могли как сами заинтересованные лица (по соглашению сторон), так и комитет в результате принятия постановления (п. 5). Все вопросы обработки земли (количество рабочих, условия их найма, размеры участка, отведенного под пашню) находились в ведении волостных земельных комитетов, которые согласовывали свою линию с аналогичными комитетами на уездном и губернском уровнях. Соответственно, итогом работы волостных земельных комитетов должно было стать полное уничтожение всех пережитков крепостничества (п. 6).

Практически в то же время, 3 ноября 1917 года, выходит постановление Совета народных комиссаров «*Об эмиссарах по земельным делам*», которым детализировались полномочия должностных лиц, в чьи задачи входили созыв совещания Исполнительного комитета Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, информирование о земельной реформе и уточнение сложившейся на местах ситуации. В частности, эмиссар должен был уяснить, где и в каком количестве были взяты помещичьи земли на учет и кто ими распоряжается на данный момент. Показательно, что ознакомление с земельной ситуацией на соответствующих территориях сопрягалось с донесением позиции

правительства по сельскохозяйственному вопросу: одна из задач эмиссара состояла в объяснении необходимости ускорить поставки зерна в города в связи с надвигающимся голодом. Помимо информирования крестьян о том, что уже было сделано советским правительством с целью повышения авторитета власти, большевики также решали и сугубо практические задачи, вытекающие из сложной социально-политической обстановки и концентрации их основного электората именно в городах.

4 декабря 1917 года Народный комиссариат земледелия РСФСР принимает *Положение о земельных комитетах и об урегулировании ими сельскохозяйственных отношений*, являющееся главным в череде документов по земельному вопросу между принятием Декрета о земле и Декрета о социализации земли. В соответствии с первой частью документа – *Положением о земельных комитетах* – учреждаются главный и местные земельные комитеты, необходимые для реализации уже принятого законодательства в сфере земельного права (п. 1). На первое место среди вопросов, входящих в ведение местных (волостных) земельных комитетов, поставлено «принятие мер для наиболее целесообразного использования изъятых из частного распоряжения имуществ» (пп. 1 п. 22).

Наибольший интерес представляет вторая часть документа, озаглавленная как *Инструкция об урегулировании земельными комитетами земельных и сельскохозяйственных отношений*. Законодателем декларируется учреждение общенародного земельного фонда, в состав которого входят «все земли сельскохозяйственного пользования, лесные, водные и промысловые угодья» (п. 1). Примечательно, что запрещено приводить в исполнение любые акты органов власти об установлении или переходе вещных прав на данные земли, а также инвентарь, усадебные и иные постройки. Вводится категория земель запаса – запасный земельный фонд, для определения размера которого земельные комитеты содействуют установлению «трудовой и потребительской нормы наделения землей» (п. 8).

Ключевым в данном документе видится раздел IV «Уравнительное распределение земли», положения которого направлены на развитие нормы-принципа, обозначенного еще в Декрете о земле. Во-первых, законодателем выстраивается очередность категорий населения, претендующих на земли распорядительного фонда, причем приоритет закреплен за местным населением. Во-вторых, вводится новая оговорка в отношении уравнительного землепользования: к упоминавшимся прежде категориям нетрудоспособного населения, имевшим право на стороннюю помощь с обработкой земельного

участка, добавляются сироты и домохозяйства, из состава рабочей силы которых временно выбыли призванные на военную службу. Советской властью также подчеркивается, что земельные участки, находящиеся в частном владении, остаются у собственников при условии обработки всей хозяйственной площади без использования наемного труда. Далее детализируется обязанность хозяйств по обработке земли: части земельных участков, не обрабатываемые хозяйством, изымаются. Данная обязанность фиксируется распиской перед волостным земельным комитетом, ответственным за соблюдение сроков работ и их качество. В случае же нарушения обязательства предусмотрена ответственность в виде денежного взыскания, размер которого рассчитывается исходя из убытка, нанесенного народному хозяйству. Наконец, устанавливается местный налог на десятину земли, направляемый на содержание должностных лиц и составление особого фонда улучшения земель. Размер налога не является фиксированным и определяется на уровне губернского съезда волостных земельных комитетов, что говорит о ранжировании земель в зависимости от их качества. Можно констатировать, что данное положение Наркомата земледелия РСФСР служит логическим продолжением Декрета о земле и вносит ясность в те категории, что ранее были рассмотрены законодателем весьма схематично.

После заседания Учредительного собрания в ночь с 5 на 6 января 1918 года и его разгона большевики, уже не стесняемые обязательством созыва всенародного представительного органа, приступили к более активному государственному строительству. Проведенный 10–18 января 1918 года III Всероссийский съезд Советов, на котором Съезд рабочих и солдатских депутатов и Съезд крестьянских депутатов были слиты в единый орган, легитимизировал постоянный характер советской власти, убрав из законодательства приписки о действии нормативных правовых актов до созыва Учредительного собрания. На съезде была продолжена работа над земельным законодательством, в результате чего был одобрен Основной закон о социализации земли, который будет принят в качестве одноименного декрета ВЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов уже 9 февраля 1918 года. Данный документ примечателен прежде всего тем, что именно его положения, продолжающие традицию рассмотренных нами документов, лягут в основу соответствующих статей Конституции РСФСР, принятой в июле 1918 года на V Всероссийском съезде Советов.

В первую очередь следует остановиться на концептуальных основах *Декрета о социализации земли*, демонстрирующих эволюцию советской

земельной политики: статья 35 раздела VII «Формы землепользования» гласит, что «Российская Федеративная Советская Республика, в целях скорейшего достижения социализма, оказывает всяческое содействие... общей обработке земле, давая преимущество трудовому коммунистическому, артельному и кооперативному хозяйствам перед единоличным», чему вторит пункт «д» статьи 11, указывающей на задачи распоряжения землей: «...развитие коллективного хозяйства в земледелии, как более выгодного в смысле экономии труда и продуктов, за счет хозяйств единоличных, в целях перехода к социалистическому хозяйству». Можно заметить, что провозглашение социалистического строительства сопровождается первыми намеками на дальнейшее развитие коллективных хозяйств, что, в свою очередь, неизбежно должно было повлечь ужесточение политики в адрес единоличных хозяйств.

Собственность на землю, причем «всякая», отменяется в принципе, и все положения документа посвящены лишь праву пользования землей. Указанный выше декрет не предполагает и государственной формы собственности на землю, советская власть претендует только на пользование и распоряжение ею. В развитие социальной компоненты появляется положение о государственном страховании всех лиц, занятых земледельческими работами; аналогичная норма устанавливается и в отношении трудовых сельских хозяйств. Данные положения – это явное следствие недопустимости обладания «правом на пользование»⁵ земельным участком без приложения к нему личного труда, в том числе в связи с утратой трудоспособности. Действовало правило: «Все нетрудоспособные земледельцы и неработоспособные члены их семейств должны быть призываемы за счет органов Советской власти» (ст. 15).

Законодатель уточняет круг субъектов права пользования земельными участками, разделяя их по целям использования земель (культурно-просветительские, занятие сельским хозяйством, застройка), и вводит порядок предоставления земель в пользование. С точки зрения ретроспективного анализа последний пункт особенно интересен тем, что приоритет закрепляется за безземельным и малоземельным крестьянством, а также за батраками, то есть малоимущими сельскохозяйственными рабочими, что свидетельствует о социальной опоре большевизма в деревне и перекликается с последующим государственным курсом на провозглашение продовольственной диктатуры

⁵ В Декрете о социализации земли наряду с «правом на пользование землей» (участком земли) в качестве синонимов употребляются такие словосочетания, как «право на землепользование» и «право пользования».

и образование комитетов бедноты (комбедов). Ключевым принципом предоставления земель в пользование становится получение общественной пользы, а не извлечение личной выгоды⁶. Подробно проработан и вопрос нормирования: законодателем отводятся отдельные разделы на установление нормы землепользования в различных целях, а также приводится конкретная методология расчета необходимых показателей. Примечательно, что, рассматривая основания приобретения права на пользование землей, законодатель дифференцирует общественную полезность и общественную необходимость, выделяя последнюю для таких случаев, как застройка и устройство путей сообщения.

Не погружаясь в процедурные особенности порядка приобретения права землепользования, их осуществление и прекращение, остановимся лишь на некоторых из наиболее значимых, на наш взгляд, моментов. Право пользования землей не подлежало отчуждению, то есть переходу от одного лица к другому. Согласно статье 45 анализируемого декрета «никто не может передавать прав на пользование находящимся у него участком земли другому лицу». Уже в этот период начинает формироваться административный порядок предоставления и прекращения права пользования земельными участками. Так, в соответствии со статьей 38 «всякому осуществлению прав на пользование землей предшествует подача соответствующего заявления в тот земельный отдел Советской власти, в районе ведения коего данное лицо желает иметь участок земли для пользования». Переход земельных участков от одного землепользователя к другому может происходить, по общему правилу, только на основании распорядительных актов земельных органов государства. Поэтому существующие в советском государстве права землепользования носили строго личный характер⁷. Отдельное внимание в декрете уделено вопросам, связанным с осуществлением права землепользования. Например, право на пользование землей под постройку должно осуществляться «фактическим занятием земли или приготовлением к занятию, но не позже, как через три месяца после получения уведомления от местной Советской власти» (ст. 41). Согласно примечанию к статье 41, «за фактическое приготовление почитается подвозка строительных материалов к месту постройки

⁶ Подробнее о соотношении публичных и частных интересов при использовании земель см.: *Эйриян Г. Н.* Сочетание интересов общества и частных интересов в регулировании использования земель // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. Вып. 54. С. 699–721.

⁷ *Розенблюм Д. С.* Земельное право // Основы советского права: учеб. пособие для вузов / под ред. Д. Магеровского; РАНИОН, Ин-т сов. права. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. С. 354.

или заключение договора с рабочими о начатии работы в данном месте». Последнее положение Декрета о социализации земли явно перекликается с современным понятием «освоение земельного участка». Достаточно подробно декрет регламентировал основания прекращения права пользования землей, причем как «совершенного», так и в отношении конкретного участка. В последнем случае к числу оснований прекращения отнесены: формальный и фактический отказ от права на земельный участок; использование участка земли «для целей, законом недозволённых»; использование участка земли «способом, законом недозволённым (например, тайное применение наемного труда)»; а также пользование землей во вред соседнему хозяйству (например, выделка химических веществ).

Можно заключить, что большевики, изначально опиравшиеся на концепцию национализации земли, вовремя осознали ее непривлекательность для большинства населения в отличие от доктрины социализации земли, разработанной эсерами. Положив в основу принятого на II Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов Декрета о земле Крестьянский наказ о земле и декларировав приверженность принципу социализации земли, большевики постарались перехватить инициативу и продемонстрировать крестьянскому населению способность удовлетворить его нужды. Если Декрет о земле заложил концептуальные основы, на которые следовало опираться до проведения Учредительного собрания, то документы, принятые еще до января 1918 года, детализировали его основные положения, превратив их в конкретный план действий на местах. Разгон же Учредительного собрания, позволивший большевикам отныне не указывать на временный характер своих нормативных правовых актов, привел к принятию Декрета о социализации земли, который стал новой вехой в развитии земельного законодательства в России с точки зрения как обозначенных в октябре 1917 года принципов, так и уже разработанного алгоритма действий, который был существенно уточнен. Положения декрета, указывающие на социалистическое строительство и стремление развить коллективное хозяйство в России, станут базисом для соответствующих положений Конституции РСФСР 1918 года и для земельной политики большевиков в первые годы их власти.

Несмотря на отсутствие государственной монополии на землю в анализируемый в статье период, управление и распоряжение земельными ресурсами уже сосредоточено в руках новой власти. В первых советских актах уже отчетливо проявляются основные направления регламентации использования

земельных участков, к числу которых следует отнести государственное управление землями, распределение земельных участков, различные аспекты права пользования земельными участками, а также административный порядок разрешения земельных споров. Основным титулом на землю становится право пользования («право на пользование») земельным участком, которое в Земельном кодексе РСФСР 1922 года⁸ будет поименовано как право трудового землепользования.

Библиографический список

Захарова Л. Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России, 1856–1861. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.

Основы советского права: учеб. пособие для вузов / И. С. Войтинский, Ф. И. Вольфсон, А. Я. Вышинский и др.; под ред. Д. Магеровского; РАНИОН, Ин-т сов. права. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927.

Права и свободы человека в программных документах основных политических партий и объединений России. XX век / Ин-т федерализма и гражданского общества; под ред. А. Н. Аринина, В. В. Шелохаева. М.: РОССПЭН, 2002.

Розенблюм Д. С. Земельное право РСФСР. М.: Госиздат, 1925.

Сафронов С. А. Аграрные программы российских политических партий в начале XX века. Красноярск: СФУ, 2012.

Эйриян Г. Н. Сочетание интересов общества и частных интересов в регулировании использования земель // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. Вып. 54. С. 699–721.

Информация для цитирования

Ex jure

Эйриян Г. Н. На пути к первой конституции: начальный этап формирования советской земельной политики // *Ex jure*. 2024. № 3. С. 141–152. DOI: 10.17072/2619-0648-2024-3-141-152

Eyrian G. N. On the Way to the First Constitution: Land Policy in the First Months of Soviet Power. *Ex jure*. 2024. № 3. Pp. 141–152. DOI: 10.17072/2619-0648-2024-3-141-152

⁸ О введении в действие Земельного кодекса, принятого на 4 сессии IX созыва (вместе с «Земельным кодексом Р.С.Ф.С.Р.»): постановление Всерос. Центр. Исп. Комитета от 30 окт. 1922 г.

УДК 343.9

DOI: 10.17072/2619-0648-2024-3-153-165

Влияние экологической ситуации на преступность в мире и в регионах Российской Федерации

В. А. Кузьменков

Кандидат философских наук,
доцент кафедры социологии, экономики,
здравоохранения и медицинского страхования

Первый Московский государственный медицинский
университет им. И. М. Сеченова (Сеченовский университет)
123001, г. Москва, Большой Патриарший переулок, 3/1

E-mail: vakuzmenkov@gmail.com

Аннотация: одним из направлений инвайронментальной криминологии является изучение вопроса о влиянии экологической ситуации на динамику преступности. В зарубежных публикациях приводятся результаты исследования отдельных городов или даже кварталов города. Наиболее известные подходы – теория разбитых окон и концепция «предотвращения преступности при помощи средового проектирования». В статье сделана попытка на основе анализа статистических данных изучить различия в состоянии преступности в странах мира и регионах Российской Федерации в зависимости от экологической ситуации. Использованы статистические данные международных и российских экологических и криминологических индексов. Выявлено, что в странах с хорошей экологией ниже уровень убийств, но больше краж. В субъектах РФ не удалось установить наличие серьезной статистической связи экологических индексов с показателями убийств, преступности несовершеннолетних, бедности, коррупции, дорожно-транспортных происшествий, заболеваемости новообразованиями и ВИЧ-инфекцией. Преступность в большей мере объясняется качеством государственного управления. Таким

© Кузьменков В. А., 2024

образом, нельзя говорить о существовании статистически обоснованных тенденций влияния хорошего экологического состояния на снижение преступности.

Ключевые слова: *инвайронментализм; окружающая среда; преступность; теория разбитых окон; убийства; экология*

Influence of Ecological Situation on Crime in the Countries of the World and in Subjects of the Russian Federation

V. A. Kuzmenkov

I. M. Sechenov First Moscow State Medical University
3/1, Bolshoi Patriarshy Pereulok, Moscow, 123001, Russia

E-mail: vakuzmenkov@gmail.com

Abstract: *one of the directions of environmental criminology is the study of the influence of ecological situation on the dynamics of crime. In foreign publications the results of researches which have been carried out on the example of separate cities or even the blocks of a city are presented. The best known approaches are the theory of broken windows and the concept of crime prevention through environmental design. The article makes an attempt to study the differences in the state of crime in the countries of the world and regions of the Russian Federation depending on the environmental situation on the basis of the analysis of statistical data. Statistical data of international and Russian environmental and criminological indices are used. It is revealed that countries with a good ecology have a lower level of homicides, but more thefts. In Russian regions no serious statistical connection between ecological indices and rates of homicide, juvenile delinquency, corruption, traffic accidents, poverty, incidence of HIV-infection, and neoplasms was revealed. Crime is explained to a greater extent by the quality of public administration. Thus, we cannot say that statistically valid trends exist in the influence of good environmental conditions on crime reduction.*

Keywords: *environmentalism; environment; crime; theory of broken windows; murders; ecology*

Благоприятное экологическое состояние региона России снижает в нем уровень преступности, а неблагоприятное – повышает. К такому выводу автор пришел в одном из своих исследований¹. Это утверждение претендует на всеобщность и потому должно быть проверено на более широкой базе. Существует ли зависимость между экологической ситуацией и преступностью? Указанная проблема изучалась в зарубежной криминологии, поэтому рассмотрим ее основные концепции для выяснения сущности связи окружающей среды и противоправного поведения человека.

Инвэйронментальный подход к пониманию преступности зародился и по сей день развивается на стыке социологии города, социальной экологии, криминологии и урбанистики. Первые исследования в этом контексте были проведены в Чикагской школе социологии (например, Э. Бёрджессом) и получили развитие у американского урбаниста Дж. Джекобс, которая детально изучала градостроительные принципы безопасности человека в городе. Ее точка зрения была подтверждена трагедией квартала Прюитт-Айгоу в американском городе Сент-Луис. Во многом под ее влиянием в 1970–80-е годы в США формируются четыре подхода: теория рутинных действий, теория рационального выбора, концепция «предотвращения преступности при помощи средового проектирования» (*crime prevention through environmental design, CPTED*²) и теория разбитых окон. Третий и четвертый подходы в большей мере концентрируются на влиянии экологии на преступность, поэтому рассмотрим их подробнее.

Основоположниками CPTED стали криминолог С. Рэй Джеффри и архитектор О. Ньюман, положивший начало теории защищающего пространства. С. Рэй Джеффри предложил важную идею: окружающая среда никогда не влияет на поведение напрямую, а только через изменения в мозге человека. Необходимо заботиться об экологической чистоте города, в частности удалении свинца из его биосистемы, поскольку тот разрушает лобную кору мозга, отвечающую за самоконтроль и следование общественным правилам³. О. Ньюман исследовал взаимосвязь между правонарушениями и городским дизайном, сформулировав ряд архитектурных принципов по предотвращению преступности⁴.

¹ Кузьменков В. А. Криминальная аномия как социальная проблема // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 104.

² Произносится как «септед».

³ Jeffery C. R. *Criminology: An Interdisciplinary Approach*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1990.

⁴ Newman O. *Creating Defensible Space*. Philadelphia: DIANE Publishing, 1996.

Теория разбитых окон говорит: видимые признаки преступности, анти-социального поведения и беспорядка создают городскую среду, которая поощряет дальнейшие правонарушения и беспорядки⁵, в том числе серьезные преступления. Полицейская деятельность, направленная на предотвращение мелких преступлений, помогает создать атмосферу порядка и законности, тем самым предотвращая тяжкие преступления⁶. Теория была реализована в Атлантае, Нью-Йорке, Чикаго, Лос-Анджелесе и ряде других городов; при этом подвергнута многочисленным обсуждениям и проверкам, одни из которых свидетельствовали в пользу теории⁷, другие – против⁸. Противники теории упрекают ее защитников в искажении статистических данных, отсутствии эмпирического базиса и игнорировании других факторов сокращения преступности. По мнению критиков теории, беспорядок на улицах снижает социально-психологическую удовлетворенность от жизни в квартале и препятствует групповой солидарности, вредит социально-экономическому развитию и общей жизнеспособности района, что приводит к миграции образованного, экономически активного и законопослушного населения и его замещению маргиналами. Рост преступности наблюдается как следствие этих причин, но не беспорядка самого по себе⁹.

⁵ Здесь и далее слово «беспорядок» используется в узком смысле: это ситуация загрязненности улиц, их общей неухоженности, наличия на них асоциальных субъектов, ощущение психологического дискомфорта при их посещении.

⁶ *Kelling G. L., Wilson J. Q.* Broken Windows. The police and neighborhood safety // *Atlantic Monthly*. 1982. March. Pp. 29–38. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/1982/03/broken-windows/304465/>; *Kelling G. L., Sousa W. H.* Do Police Matter? An Analysis of the Impact of New York City's Police Reforms // *Civic Report*. 2001. № 22. URL: https://media4.manhattan-institute.org/pdf/cr_22.pdf; *Skogan W. G.* Disorder and Decline: The State of Research // *Journal of Research in Crime and Delinquency*. 2015. Vol. 52, № 4. Pp. 464–485.

⁷ *Keizer K., Lindenberg S., Steg L.* The Spreading of Disorder // *Science*. 2008. Vol. 322, № 5908. Pp. 1681–1685; *Skogan W. G.* Op. cit.

⁸ *Sampson R. J., Raudenbush S. W.* Systematic Social Observation of Public Spaces: A New Look at Disorder in Urban Neighborhoods // *American Journal of Sociology*. 1999. Vol. 105, № 3. Pp. 603–651; *Taylor R. B.* Breaking Away from Broken Windows: Baltimore Neighborhoods and the Nationwide Fight Against Crime, Grime, Fear, and Decline. Boulder, Colo.: Westview Press, 2001; *Harcourt B. E., Ludwig J.* Broken Windows: New Evidence from New York City and a Five-City Social Experiment // *The University of Chicago Law Review*. 2006. Vol. 73. Pp. 271–320; *Wichers J., Bakker M.* Broken Windows, Mediocre Methods, and Substandard Statistics // *Group Processes and Intergroup Relations*. 2013. Vol. 17, № 3. Pp. 388–403; *Wiggins D.* “Order as well as Decency”: The Development of Order Maintenance Policing in Black Atlanta // *Journal of Urban History*. 2020. Vol. 46, № 4. Pp. 711–727; *Ren L., Zhao J. S., Luo F.* In Search of Public Perceptions of Disorder and Crime: Examining the Core Tenets of Broken Windows Theory // *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. URL: <https://doi.org/10.1177/0306624X221124856>. *Alves Diniz A. M., Stafford M. C.* Graffiti and Crime in Belo Horizonte, Brazil: The Broken Promises of Broken Windows Theory // *Applied Geography*. 2021. Vol. 131. Art. 102459.

⁹ *Sampson R. J., Raudenbush S. W.* Op. cit.; *Wiggins D.* Op. cit.

В описанных выше подходах встречается термин «экологический», который используется для характеристики городского пространства как места преступления. Такая интерпретация является слишком узкой, поскольку недостаточно учитывает природные факторы и, по сути, сводит экологическую систему к антропогенной среде. Неоднократно предпринимались попытки преодоления такого рода ограничений, и в основном посредством изучения влияния объемов растительности в жилых кварталах на преступность. Было установлено, что в «зеленых» районах ниже уровень вандализма и агрессии¹⁰, реже развивается болезнь Альцгеймера¹¹, жители более дружелюбны, испытывают большее чувство безопасности и меньше устают¹², а преступность сокращается примерно наполовину¹³. Однако все эти исследования проводились на микроуровне.

Итак, существует проблема: влияет экология на преступность или нет на макро- и мегауровне? Необходимо сосредоточиться на проблеме влияния экологического состояния на динамику преступности в масштабе отдельной страны и мира в целом. Цель исследования – изучение взаимосвязи преступности и экологической ситуации. Объект исследования – преступность, предмет исследования – влияние экологической ситуации на динамику преступности. Гипотеза: благополучное экологическое состояние понижает преступность, негативное – повышает.

Гипотеза может быть проверена на глобальном и национальном уровнях при помощи статистики. С 2002 года Йельским университетом составляется Индекс экологической эффективности (Environmental Performance Index, EPI)¹⁴, который показывает экологическое состояние разных стран мира. В России экологический рейтинг рассчитывается общероссийской общественной организацией «Зеленый патруль»¹⁵. Он состоит из природоохранного, социально-экологического и промышленно-экологического индексов. В исследовании использовались средние данные за 2008–2018 годы, а также отдельно

¹⁰ Kuo F. E., Sullivan W. C. Environment and Crime in the Inner City: Does Vegetation Reduce Crime? // *Environment and Behavior*. 2001. Vol. 33, № 3. Pp. 343–367.

¹¹ Mooney P., Nicell P. L. The Importance of Exterior Environment for Alzheimer Residents: Effective Care and Risk Management // *Healthcare Management Forum*. 1992. Vol. 5, № 2. Pp. 23–29.

¹² Kaplan S., Kaplan R. Health, Supportive Environments, and the Reasonable // *American Journal of Public Health*. 2003. Vol. 93, № 9. Pp. 1484–1489.

¹³ Kuo F. E., Sullivan W. C. Aggression and Violence in the Inner City: Impacts of Environment and Mental Fatigue // *Environment and Behavior*. 2001. Vol. 33, № 4. Pp. 543–571.

¹⁴ Environmental Performance Index. URL: <https://epi.yale.edu/>.

¹⁵ Национальный экологический рейтинг // Общероссийская общественная организация «Зеленый патруль»: офиц. сайт. URL: <https://greenpatrol.ru/stranica-dlya-obshchego-reytinga>.

проводились расчеты по усредненным данным за период с 2014 по 2018 год. Экологические рейтинги играли роль независимых переменных.

Для изучения взаимосвязи нарушений правопорядка и экологической ситуации на глобальном уровне были применены показатели (из расчета на 100 тыс. жителей) умышленных убийств (1995–2016 гг.), краж (2003–2016 гг.)¹⁶ и смертности от наркотиков (для последнего показателя данные по каждой стране различаются по годам и представляют собой единичные измерения, а не динамический ряд)¹⁷. Из 264 стран, организаций и регионов, доступных в базе данных Всемирного банка, были отобраны 107 государств; при этом исключены страны с полностью отсутствующими или крайне малочисленными сведениями, а в оставшихся странах отсутствующие данные заменены средним показателем по ряду.

Для изучения преступности на национальном уровне привлекались данные Министерства внутренних дел России по 83 регионам Российской Федерации, находящиеся в Единой межведомственной информационно-статистической системе (ЕМИСС). Они отбирались за одиннадцать лет, с 2008 по 2018 год. Использовались первичные абсолютные данные, пересчитанные в показатель соотношения на 100 тыс. человек. В качестве зависимых переменных выступили: общее число преступлений; убийства; кражи; преступления, совершённые в состоянии алкогольного опьянения; преступления, совершённые в состоянии наркотического опьянения; преступления, совершённые несовершеннолетними; рецидивная преступность; число коррупционных преступлений; число дорожно-транспортных происшествий (ДТП); число самоубийств; число заболевших новообразованиями; число аборт; число ВИЧ-инфицированных; число разводов; процент бедных. Чисто криминальная статистика была дополнена показателями общих социальных патологий с целью расширения предметного поля анализа: представляется, что экологические проблемы связаны не только с правонарушениями, но и с социальной аномией – самоубийствами, абортами, разводами, бедностью и пр. Все вычисления проводились в системе IBM SPSS Statistics 23.0.

Лучшая экология и самый низкий уровень убийств – в странах Европы, а также в Австралии и Новой Зеландии; наихудшая экологическая ситуация наблюдается в странах Африки и Азии. Кражи также наиболее присущи странам Европы, Австралии и Новой Зеландии. Наивысший уровень насилия со смертельным исходом – в странах Северной и Центральной Америки,

¹⁶ World Drug Report 2018. URL: <https://www.unodc.org/wdr2018/>.

¹⁷ World Bank Open Data. URL: <https://data.worldbank.org/>.

при этом «вклад» собственно США и Канады минимален, а патологически высокие показатели убийств демонстрируют маленькие государства Карибского бассейна: Белиз, Гватемала, Гондурас, Колумбия, Сальвадор, Тринидад и Тобаго, Ямайка. Статистические данные представлены ниже в таблице.

Статистика показателей по регионам (100 тыс. человек)

Регион	Экология	Убийства	Кражи
Европа	72,69	2,39	1 231,47
Азия	59,60	4,40	436,03
Африка	55,07	7,10	438,28
Северная и Центральная Америка	65,32	25,73	655,32
Южная Америка	64,81	14,54	791,60
Австралия и Новая Зеландия	76,11	1,65	2 114,12

Описательный анализ не позволяет выявить линейную зависимость; можно только отметить, что в странах с хорошей экологией ниже уровень убийств, но чаще случаются кражи, а насильственные смерти чаще всего происходят в регионах со средними показателями экологии. Связь между преступностью и экологической ситуацией неочевидна, и необходимо обратиться к корреляционному и регрессионному моделированию.

Корреляционный анализ показал, что в странах с хорошей экологией ниже уровень убийств (коэффициент корреляции Пирсона¹⁸ $R = 0,231$, $p \geq 0,016$), но выше число краж ($R = 0,600$, $p \geq 0,000$) и смертность от наркотиков ($R = 0,395$, $p \geq 0,000$) (хотя в силу особенностей данных о смертности от наркотиков доверять этому выводу нужно осторожно). При проведении линейного регрессионного анализа использовался метод наименьших квадратов с одновременным включением всех предикторов, оценкой доверительного интервала и вычислением статистики Дарбина – Уотсона для проверки на автокоррелированность. Были построены две модели невысокого качества: первая объяснила всего 4,4 % дисперсии¹⁹, вторая – 35,4 %, показатели t-статистики Стьюдента ($-2,440$ и $7,724$) и F-статистики Фишера ($5,9$ и $59,653$) продемонстрировали низкие значения. Все это не позволяет принять полученные модели.

¹⁸ Далее при расчете корреляции везде приведен этот коэффициент.

¹⁹ Здесь и далее при описании объема интерпретированной регрессионной моделью дисперсии приведены значения скорректированного коэффициента детерминации (R^2).

Результаты анализа по международным данным свидетельствуют: во-первых, число убийств в регионах с хорошей экологией сокращается незначительно, во-вторых, в более экологичных странах выше уровень краж. В целом нет оснований утверждать, что хорошая или плохая экологическая ситуация существенно влияет на динамику преступности.

Напрашивается объяснение об опосредованности и преступности, и экологии какой-то внешней причиной. И экология, и правонарушения зависят от качества государственного управления, поэтому необходимо обратиться к его изучению. Здесь используем показатели эффективности Всемирного банка (Worldwide Governance Indicators, WGI)²⁰, включающие шесть параметров: 1) учет мнения населения и подотчетность государственных органов; 2) политическую стабильность и отсутствие насилия; 3) эффективность работы правительства; 4) качество законодательства; 5) верховенство закона; 6) сдерживание коррупции.

По данным корреляционного анализа, усредненный показатель убийств слабо отрицательно и статистически значимо коррелирует со всеми этими параметрами, кроме первого. Регрессионные модели объясняют не более 28,8 % дисперсии, что свидетельствует о многофакторности криминального насилия. Усредненный EPI как раз показывает статистически значимую и сильную корреляцию со всеми параметрами WGI. Регрессионный анализ демонстрирует наибольшее влияние на хорошее экологическое состояние учета мнения населения и подотчетности госорганов и эффективности работы правительства (63,4 % дисперсии, F-критерий равен 93,69). Это как раз и говорит о зависимости экологической ситуации от государственной политики и институтов гражданского общества. Отметим еще один факт: средний показатель краж значимо и сильно коррелирует со всеми параметрами WGI. Таким образом, напрашивается общий вывод: более эффективные во всех смыслах государства имеют меньший уровень убийств, но более высокие показатели краж и хорошую экологию.

Возможно, иная тенденция проявится на национальном, российском, уровне. Показатели преступности известны из ежемесячных отчетов Министерства внутренних дел Российской Федерации, поэтому не будем на них останавливаться. Наихудшая экологическая ситуация наблюдается в Уральском федеральном округе, где находятся два самых загрязненных субъекта

²⁰ Worldwide Governance Indicators URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/worldwide-governance-indicators>.

России – Челябинская и Свердловская области. Практически все регионы характеризуются невысокими показателями промышленно-экологического индекса, что свидетельствует о недостатке экологически ориентированного производства, слабой заинтересованности производителей в защите окружающей среды и чрезмерной эксплуатации природных ресурсов. Лучшие в экологическом отношении субъекты – это Тамбовская и Белгородская области, Республика Алтай, Алтайский край, Чукотский автономный округ, тогда как к худшим относятся уже упоминавшиеся выше Челябинская и Свердловская, а также Тульская, Московская и Курганская области.

Корреляционный анализ по средним показателям за весь период по регионам страны показал следующее:

– в регионах с высоким промышленно-экологическим индексом ниже уровень убийств ($R = -0,305$, уровень значимости $p \geq 0,005$);

– высокие значения промышленно-экологического индекса также сокращают ДТП ($R = -0,401$, $p \geq 0,000$);

– в регионах с хорошей природной ситуацией бедность выше ($R = 0,422$, $p \geq 0,000$), но при улучшении положения региона в социально-экологическом и промышленно-экологическом индексе она сокращается (соответственно $R = -0,301$, $p \geq 0,006$ и $R = -0,312$, $p \geq 0,004$);

– коррупция уменьшается при высоких показателях природоохранного индекса ($R = -0,443$, $p \geq 0,000$) и возрастает вместе с показателями промышленно-экологического индекса ($R = 0,291$, $p \geq 0,008$);

– новообразования ($R = -0,234$, $p \geq 0,034$) и случаи заболевания ВИЧ-инфекцией ($R = -0,401$, $p \geq 0,000$) реже в регионах с высокими значениями природоохранного индекса;

– в регионах с высокими показателями промышленно-экологического индекса выше уровень разводов ($R = 0,246$, $p \geq 0,025$).

Отдельно проанализировав средние данные за последние пять лет (2014–2018), можно сформулировать еще три вывода, отчасти пересекающиеся с вышеизложенными:

– ДТП возрастают соответственно положению в природоохранном индексе ($R = 0,247$, $p \geq 0,025$) и уменьшаются при росте промышленно-экологического индекса ($R = -0,438$, $p \geq 0,000$). Если второй тренд уже известен, то появление первого может быть связано с ухудшением качества автомобильных дорог в экономически отстающих регионах;

– коррупция реже при высоких показателях природоохранного индекса ($R = -0,430$, $p \geq 0,000$) и возрастает вместе с показателями социально-экологического индекса ($R = 0,231$, $p \geq 0,035$);

– развитая социально-экологическая инфраструктура снижает преступность несовершеннолетних ($R = -0,280$, $p \geq 0,011$).

При проведении регрессионного анализа были построены модели, связывающие промышленно-экологический индекс с уровнями убийств и дорожно-транспортных происшествий, бедность – с природоохранным и социально-экологическими индексами, показатели коррупции – с природоохранным индексом. Но ни одна модель не объясняет более 21 % дисперсии и не имеет высоких показателей t-статистики Стьюдента и F-статистики Фишера. Это свидетельствует об отсутствии прямой зависимости между экологическим состоянием региона и преступностью в России.

Следует обратить внимание на невысокое качество полученных регрессионных моделей; корреляционный анализ как метод вообще мало что доказывает и скорее отображает общие тенденции, в основе которых могут лежать более серьезные процессы. Экологические индексы коррелируют избирательно с некоторыми показателями, никак не влияя на общий уровень преступности или преступлений, совершённых в состоянии алкогольного/наркотического опьянения. Все это не позволяет однозначно подтвердить выдвинутую гипотезу.

Многие цитированные выше работы отмечают факт сокращения числа правонарушений в экологически чистых районах. По всей видимости, объяснением этому могут быть социально-экономические причины, к которым можно отнести следующие положения:

1. С точки зрения стратегии *crime prevention through environmental design* преступники подсознательно чувствуют, что за территорией следят, даже когда нет фактических наблюдателей. Порядок в окружающей среде посылает сигнал о том, что соблюдение законов контролируется и преступное поведение недопустимо. И наоборот, наличие беспорядка (разбитые окна, мусор, граффити и пр.) свидетельствует об отсутствии защиты окружающей среды и малой вероятности обнаружения и наказания преступного поведения.

2. Ухоженные городские кварталы говорят о хорошей социальной кооперации и развитом социальном капитале. Жители чаще общаются друг с другом, отличаются большей сплоченностью и доверием и потому реже совершают бытовые преступления. Квартал их проживания является «вторым домом», беспорядок в котором недопустим.

3. Люди, много находящиеся на свежем воздухе, гораздо реже страдают от нервного напряжения, умственной отсталости, раздражительности, невнимательности, стрессов и депрессии, быстрее восстанавливаются после заболеваний и вообще меньше болеют, реже испытывают чувство одиночества, чаще переживают положительные эмоции; у них улучшается мозговая и сердечно-сосудистая деятельность, снижается уровень враждебности и агрессии, что является прямым фактором профилактики преступности.

4. Хорошая экологическая ситуация уменьшает негативные химические и физические воздействия на человеческий мозг и предотвращает агрессивность человека, настраивает его на соблюдение социальных норм, минимизирует бытовые и общественные конфликты, повышает общий уровень здоровья.

Хорошая экологическая ситуация не связана сколько-нибудь статистически значимо с числом убийств (как наиболее показательных преступлений) в России и в мире. При анализе связи экологической ситуации и уровня преступности целесообразно учитывать значительный временной лаг, не менее пятнадцати-двадцати лет. По этой причине исследования, утверждающие наличие прямой и краткосрочной связи между преступностью и экологией, совершают методологическую ошибку. Также они чаще всего ограничиваются микроуровнем – городом или его кварталом. В конкретных условиях городской среды преступность может быть «выдавлена» в менее благополучные районы или попросту ликвидирована в результате общественных и экономических преобразований. Колумбийское исследование показывает, что теория разбитых окон если и работает, то лишь для кварталов с невысоким уровнем правонарушений и без организованной преступности²¹. В целом средовое проектирование рассматривается как эффективный способ превенции преступлений только в связи с иными мерами социально-экономической и правовой направленности²².

То обстоятельство, что в субъектах Российской Федерации с хорошей экологией уменьшаются коррупция, ДТП, преступность несовершеннолетних,

²¹ Mejía D., Norza E., Tobón Zapata S., Vanegas-Arias M. Broken Windows Policing and Crime: Evidence from 80 Colombian Cities // *A Modern Guide to the Economics of Crime* / Ed. by P. Buonanno, P. Vanin, J. Vargas. Edward Elgar Publishing, 2022. Pp. 55–87.

²² Бытко С. Ю., Варыгин А. Н. Некоторые методологические вопросы оценки эффективности предупредительного воздействия уголовных наказаний // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2019. Вып. 43. С. 146–177.

заболеваемость онкологическими новообразованиями и ВИЧ-инфекцией, может быть объяснено рядом иных причин, прежде всего социально-экономических. С другой стороны, отдельные факты, например установление корреляции между преступностью несовершеннолетних и некоторыми показателями социальной аномии, представляют интерес для дальнейших работ.

Отсутствие аргументов, основанных на использовании статистических данных государственного и международного масштаба, не означает невозможности связи между преступностью и экологией в принципе. Однако для ее выявления необходимы междисциплинарные исследования, сочетающие инструментарий криминологии, социологии и нейрофизиологии.

Библиографический список

Бытко С. Ю., Варыгин А. Н. Некоторые методологические вопросы оценки эффективности предупредительного воздействия уголовных наказаний // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 43. С. 146–177.

Кузьменков В. А. Криминальная аномия как социальная проблема // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 96–105.

Национальный экологический рейтинг // Общероссийская общественная организация «Зеленый патруль»: офиц. сайт. URL: <https://greenpatrol.ru/stranica-dlya-obshchego-reytinga>.

Alves Diniz A. M., Stafford M. C. Graffiti and Crime in Belo Horizonte, Brazil: The Broken Promises of Broken Windows Theory // Applied Geography. 2021. Vol. 131. Art. 102459.

Harcourt B. E., Ludwig J. Broken Windows: New Evidence from New York City and a Five-City Social Experiment // The University of Chicago Law Review. 2006. Vol. 73. Pp. 271–320.

Jeffery C. R. Criminology: An Interdisciplinary Approach. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1990.

Kaplan S., Kaplan R. Health, Supportive Environments, and the Reasonable // American Journal of Public Health. 2003. Vol. 93, № 9. Pp. 1484–1489.

Keizer K., Lindenberg S., Steg L. The Spreading of Disorder // Science. 2008. Vol. 322, № 5908. Pp. 1681–1685.

Kelling G. L., Sousa W. H. Do Police Matter? An Analysis of the Impact of New York City's Police Reforms // Civic Report. 2001. № 22. URL: https://media4.manhattan-institute.org/pdf/cr_22.pdf.

Kelling G. L., Wilson J. Q. Broken Windows. The Police and Neighborhood Safety // Atlantic Monthly. 1982. March. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/1982/03/broken-windows/304465/>.

Kuo F. E., Sullivan W. C. Aggression and Violence in the Inner City: Impacts of Environment and Mental Fatigue // *Environment and Behavior*. 2001. Vol. 33, № 4. Pp. 543–571.

Kuo F. E., Sullivan W. C. Environment and Crime in the Inner City: Does Vegetation Reduce Crime? // *Environment and Behavior*. 2001. Vol. 33, № 3. Pp. 343–367.

Mejía D., Norza E., Tobón Zapata S., Vanegas-Arias M. Broken Windows Policing and Crime: Evidence from 80 Colombian Cities // *A Modern Guide to the Economics of Crime* / Ed. by P. Buonanno, P. Vanin, J. Vargas. Edward Elgar Publishing, 2022. Pp. 55–87.

Mooney P., Nicell P. L. The Importance of Exterior Environment for Alzheimer Residents: Effective Care and Risk Management // *Healthcare Management Forum*. 1992. Vol. 5, № 2. Pp. 23–29.

Newman O. Creating Defensible Space. Philadelphia: DIANE Publishing, 1996.

Ren L., Zhao J. S., Luo F. In Search of Public Perceptions of Disorder and Crime: Examining the Core Tenets of Broken Windows Theory // *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. 2022.

Sampson R. J., Raudenbush S. W. Systematic Social Observation of Public Spaces: A New Look at Disorder in Urban Neighborhoods // *American Journal of Sociology*. 1999. Vol. 105, № 3. Pp. 603–651.

Skogan W. G. Disorder and Decline: The State of Research // *Journal of Research in Crime and Delinquency*. 2015. Vol. 52, № 4. Pp. 464–485.

Taylor R. B. Breaking Away from Broken Windows: Baltimore Neighborhoods and the Nationwide Fight Against Crime, Grime, Fear, and Decline. Boulder, Colo.: Westview Press, 2001.

Wichers J., Bakker M. Broken Windows, Mediocre Methods, and Substandard Statistics // *Group Processes and Intergroup Relations*. 2013. Vol. 17, № 3. Pp. 388–403.

Wiggins D. “Order as well as Decency”: The Development of Order Maintenance Policing in Black Atlanta // *Journal of Urban History*. 2020. Vol. 46, № 4. Pp. 711–727.

Информация для цитирования

Ex jure

Кузьменков В. А. Влияние экологической ситуации на преступность в мире и в регионах Российской Федерации // *Ex jure*. 2024. № 3. С. 153–165. DOI: 10.17072/2619-0648-2024-3-153-165

Kuzmenkov V. A. Influence of Ecological Situation on Crime in the Countries of the World and in Subjects of the Russian Federation. *Ex jure*. 2024. № 3. Pp. 153–165. DOI: 10.17072/2619-0648-2024-3-153-165

УДК 343.32

DOI: 10.17072/2619-0648-2024-3-166-179

Экстремизм и одна из форм его проявления

Н. М. Чудин

Кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовного права и прокурорского надзора

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: chudinm@yandex.ru

П. А. Корж

Старший преподаватель кафедры гражданского,
уголовного и государственного права

Западно-Уральский институт экономики и права
614000, г. Россия, Пермь, ул. Сибирская, 35д

E-mail: korzh2006@gmail.com

Аннотация: *статья представляет собой комментарий к резонансному уголовному делу, связанному с посягательством на честь и достоинство известного государственного деятеля, клеветой в его адрес, попыткой дискредитации, совершенной публичным способом. Анализируется возможность использования интернет-пространства, а также способы пропаганды, применяемые одной из сторон; роль штабов Навального*; реакция населения на массированную*

© Чудин Н. М., Корж П. А., 2024

* Общественное движение «Штабы Навального» признано экстремистской организацией и запрещено в РФ.

пропагандистскую кампанию атакующей стороны к созданию героического образа преступников. Отмечается воздействие на членов экспертной комиссии, имевшее характер травли. В практической квалификации рассматривается конкретное содержание экстремистских мотивов применительно к фиксированному поведению преступной группы.

Ключевые слова: *экстремизм; личность преступника; хулиганство; проблемы квалификации; пропагандистская кампания; организованная группа; международный резонанс*

Extremism and One of Its Forms

N. M. Chudin

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

E-mail: chudinm@yandex.ru

P. A. Korzh

West Ural Institute of Economics and Law
35d, Sibirskaya st., Perm, 614000, Russia

E-mail: korzh2006@gmail.com

Abstract: *a commentary on a specific high-profile criminal case related to an attack on the honor and dignity of a famous statesman is presented; slander against him; an attempt to discredit, committed in a public manner. The possibility of using the Internet space is analyzed, as well as the methods of propaganda used by one of the parties. The role of Navalny's headquarters (recognized as extremist and banned in the Russian Federation). The reaction of the population to the massive, offensive propaganda campaign of the attacking side to the creation of a heroic image of the criminals. The impact on the expert commission is highlighted, which is in the nature of bullying. Practical qualifications examine the specific content of extremist motives in relation to the fixed behavior of a criminal group.*

Keywords: *extremism; personality of criminals; hooliganism; qualification problems; propaganda campaign; organized group; international resonance*

Теоретические и практические проблемы противодействия антигосударственному экстремизму, сопряженному с посягательством на основы конституционного строя Российской Федерации, комплексно исследованы в достаточном количестве известных работ¹. В данной статье рассматривается конкретная резонансная ситуация, представляющая определенный научный интерес как свидетельство «развития» явления.

Фабула дела состоит в следующем. Ш. совместно с Э. и несовершеннолетним В., действуя группой лиц по предварительному сговору, совершили хулиганство, то есть грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу и совершенное по мотивам политической, идеологической вражды, а также вражды в отношении социальной группы лиц.

Итак, Ш. вступил с Э. и несовершеннолетним В. в предварительный сговор. Намереваясь придать противоправным действиям публичную огласку и общественный резонанс, они планировали привязать к столбу на центральной улице города Перми манекен, одетый в комбинезон с поперечными белыми и черными полосами (имитация тюремной одежды), с изображением политического деятеля, а также надписями «Лжец» и «Военный преступник», и разместить видеозапись своих действий в сети Интернет. Целью этой противоправной деятельности являлось открытое доведение до неопределенного круга лиц сообщения, которое содержит резко отрицательную оценку политической деятельности, публичное осмеяние и явное неуважение к личности, наносит ущерб репутации, оскорбляет чувства неопределенного круга лиц, поддерживающих эту политическую деятельность, провоцирует очевидцев происходящего и аудитории, имеющей доступ к просмотру видеозаписи, к ответным действиям, создает определенный стереотип поведения в отношении формы протеста, которая ими избрана и демонстрирует негативный настрой в отношении действующей власти.

Для проведения противоправных действий Ш. и В. выбрали многолюдное общественное место (пересечение центральных улиц Перми – улицы Ленина и Комсомольского проспекта, напротив здания ЦУМа), которое имеет высокий транспортный и пешеходный трафик. Временем для совершения противоправных действий избрали выходной день, тем самым желая привлечь к своей незаконной акции внимание наибольшего количества людей.

¹ См., например: Экстремизм: понятие, система противодействия и прокурорский надзор: метод. пособие / под ред. А. И. Долговой. М.: [б. и.], 2009; Чуганов Е. Г. Экстремизм: проблемы уголовной политики // Экстремизм и другие криминальные явления. М.: Рос. криминологическая ассоциация, 2008. С. 5–11.

Учитывая, что с момента совершения деяния прошло значительное время, сегодня можно представить себе картину произошедшего в целом, не торопясь разобрать интересующие вопросы. И начать следует с обзора того, как социальные сети отреагировали на освобождение фигурантов дела. Значение соцсетей в этой ситуации неоспоримо, ведь именно в них была организована «победоносная» кампания, которой официальные органы не смогли ничего противопоставить.

Пермский краевой суд отменил активисту Ш. реальный срок. В августе Ленинский районный суд признал его виновным по части 2 статьи 213 Уголовного кодекса Российской Федерации². Ему назначили наказание в виде двух лет лишения свободы. Прокуратура была недовольна приговором и требовала ужесточить наказание. Адвокат осужденного настаивал на отмене приговора вследствие отсутствия состава преступления.

Перед оглашением приговора юрист С. обратил внимание на два юридических аспекта дела «куклы государственного деятеля» – «один из области материального права, другой – процессуального»:

«Первый: если грубое нарушение общественного порядка (в гипертрофированном его понимании) в рамках вмененного фигурантам квалифицированного состава хулиганства (ч. 2 ст. 213 УК РФ) заключалось в действиях, направленных на оскорбление представителя власти – государственного деятеля, то по правилам разрешения конкуренции предпочтение должно отдаваться специальной норме статьи 319 УК РФ “Оскорбление представителя власти”.

Второй: коль скоро университет не является экспертным учреждением, то и процессуальные обязанности, предусмотренные частью 2 статьи 199 УПК РФ, его представителями исполняться не должны. Это – компетенция следователя.

В обычных условиях установления судом любого из указанных обстоятельств должно быть достаточно для отмены обвинительного приговора... Надеюсь, что так и будет, а общество найдет в себе силы отвергнуть несправедливость!»³

² Приговор Ленинского районного суда г. Перми от 18 авг. 2020 г. по делу № 1-83/2020.

³ «Это победа!» Как социальные сети отреагировали на освобождение фигуранта дела о «кукле Путина». URL: <https://russia24.pro/perm/264694904>.

Полагаю, что заявление С. является провокационным и юридически неграмотным. В статье 91 Конституции РФ⁴ говорится: «Президент Российской Федерации обладает неприкосновенностью». Это, безусловно, означает, что ему гарантирована защита в том числе от уголовного, административного преследования, иных ограничений его личной свободы. Такова общемировая практика, высший уровень иммунитета. И необходимо соблюдать конституционные положения, обратиться к законодательству, определяющему понятие, сущность и виды иммунитета в уголовном судопроизводстве.

Также заявление С. свидетельствует о незнании положений постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам». В соответствии с ним «к иным экспертам из числа лиц, обладающих специальными знаниями, относятся эксперты негосударственных судебно-экспертных учреждений, а также лица, не работающие в судебно-экспертных учреждениях», в том числе сотрудники научно-исследовательского учреждения, образовательной и иной организации, обладающие специальными знаниями и имеющие в распоряжении необходимое экспертное оборудование.

Постановлением следователя от 21 ноября 2019 года была назначена психолого-лингвистическая судебная экспертиза, а постановлением от 11 февраля 2020 года – дополнительная психолого-лингвистическая и юридическая судебная экспертиза, производство которых было поручено специалистам Пермского государственного национального исследовательского университета. Отсутствие в наименовании постановления следователя от 21 ноября 2019 года ссылки на необходимость привлечения юриста и проведения юридической судебной экспертизы не свидетельствует о недопустимости заключения комплексной психолого-лингвистической и юридической судебной экспертизы, поскольку ответы на поставленные следователем в первом постановлении вопросы требовали привлечения эксперта-юриста. Кроме того, статья 195 Уголовно-процессуального кодекса РФ⁵, предусматривающая порядок назначения судебной экспертизы, не содержит требований об указании класса, рода, вида и подвида назначаемой экспертизы.

⁴ Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.).

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ: принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г.: одобрен Советом Федерации 5 дек. 2001 г. (ред. от 02.11.2023). Далее – УПК РФ.

Выводы юриста и иных экспертов для суда обязательными не являются и оцениваются им в совокупности с иными доказательствами по уголовному делу по правилам, предусмотренным статьями 87 и 88 УПК РФ. Включение в состав экспертов юриста Ч. не может быть безусловным основанием для исключения экспертиз из перечня доказательств. Юридическая оценка действий подсудимых, изложенная в экспертизах, судом во внимание не принимается, поскольку указанная оценка является исключительной компетенцией суда, однако выводы экспертов в области психологии и филологии требуют юридических знаний, в связи с чем привлечение при производстве экспертиз юриста правомерно.

Не успокоившись на попытках опорочить, скомпрометировать экспертную комиссию, С. перешел к нападкам на университет. Приведем фрагменты статьи, опубликованной на сайте информагентства URA.RU⁶:

«Оппозиционно настроенных преподавателей... ПГНИУ могут уволить в ближайшие два года. Источник URA.RU, знакомый с ситуацией, сообщил, что такие планы якобы появились из-за силовиков, которым не нравится то, как проявляют себя в социальных сетях некоторые сотрудники вуза.

“Среди преподавателей ходят слухи, что в ближайшие год-два начнутся массовые увольнения. На вуз давят силовики. Им не нравится, что в университете среди педагогов зреют протестные настроения, которые транслируются студентам”, – рассказал URA.RU инсайдер. Он пояснил, что смена устава и ректора вуза является свидетельством того, что процесс запущен.

“Не сомневаюсь, что сама идея уменьшить количество ‘инакомыслящих’ в стенах университета кому-то из властей предрержащих приходила в голову не раз, но ее реализация будет иметь весьма отличный от запланированного эффект, возможно прямо противоположный”», – рассказал URA.RU юрист С., пояснив, что «подобные процессы противоречат традициям вуза, где сейчас нет избытка квалифицированных специалистов».

Д. Г. Красильников (врио ректора ПГНИУ) в беседе с URA.RU сообщил, что никаких зачисток по идеологическим мотивам в вузе не планируется: «Начнется работа по созданию кодекса этики преподавателей и студентов университета. У нас должны быть правила поведения, правила общения».

⁶ Источник: на пермский классический университет давят силовики. URL: <https://ura.news/news/1052475603>.

В то же время в социальных сетях была развернута широкая кампания по дискредитации членов экспертной комиссии. Чего стоит заявление с требованием уволить из университета всех участников экспертной группы под угрозой международной изоляции учебного заведения, широко распространявшееся в Сети и в уличных пикетах. О его существовании рассматриваемая группа не знала вообще, о чем и сообщила в судебном заседании. Координаторы со стороны Навального предусмотрели этот вариант. Подобные заявления были в Сети постоянными.

Вот первое: «Позор вам, (Ф.И.О.), позор и презрение. Читая между строк, не забывайте, что облаченное в псевдоакадемическую форму прислуживание и ассистирование преступлениям, лжи, демагогии и произволу режима – это огромное клеймо на всю вашу жизнь. Глядя на такие “заключения” “экспертов” типа вас, не приходится удивляться низкому качеству правосудия, следствия, как и в целом юридической культуры в нашей стране. Если у общества такие “учителя”, то и его юридическая культура будет деградировать». Звучали, кроме того, угрозы физической расправы.

Такое уведомление получили все специалисты экспертной группы. Очевидна отличная осведомленность инициаторов акции по поводу адресов электронной почты и в ряде случаев номеров сотовых телефонов указанных лиц. Кроме того, текст полностью содержит состав статьи 282 Уголовного кодекса РФ⁷. Однако соответствующей реакции со стороны судебных органов и представителей прокуратуры не последовало. Указанный документ был широко распространен через Интернет.

Примерно в это же время в той же Сети был опубликован документ под названием «Госдеп США нашел нарушения прав человека на Среднем Урале и в Прикамье»⁸. В нем сообщалось, что «Государственный департамент США опубликовал доклады о соблюдении прав человека в странах мира в 2019 году. В отчете, посвященном положению дел в России, 74 страницы; он содержит упоминания как федеральных, так и региональных событий, которые оцениваются как нарушения прав человека». В тексте отмечается и рассматриваемый нами случай как доказательство «в высокой степени централизованной и авторитарной политической системы».

⁷ Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой 24 мая 1996 г.: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.12.2023). Далее – УК РФ.

⁸ Вахрушев А. Госдеп США нашел нарушения прав человека на Среднем Урале и в Прикамье. Отличился известный вуз. URL: <https://ura.news/news/1052422374>.

4 ноября 2020 года издание Properm.ru разместило информацию, в которой группа активистов называет подготовленную преподавателями ПГНИУ экспертизу нарушением свободы слова. Их оппоненты отвечают, что «свободу надо защищать, подбирая слова, а не абы как»⁹.

Группа активистов направила в ПГНИУ письмо с требованием уволить сотрудников, подготовивших экспертизу по делу «куклы государственного деятеля». Текст разместил у себя в соцсетях общественник Г. «Если университет не отреагирует, то зарубежным партнерам университета будет направлена информация о толерантности вуза к политическим репрессиям», – заявлено в письме. Комментаторы Г. в соцсетях, в том числе доцент ВШЭ К., раскритиковали обращение, указав на допущенные грамматические ошибки: «Если наши друзья разошлют партнерам университета английские письма, написанные в таких же выражениях и с таким же количеством ошибок, те тут же будут отправлены в спам».

Координатор штаба Навального в Перми перед процессом написал следующее: «Главным удивлением в данном деле стала работа даже не следственных органов, которые готовы делать экспертизы, пока не получают нужный результат. Удивила меня работа прокуратуры. Они не подвергают сомнению любые выводы следствия, повторяют даже самые абсурдные вещи и еще настаивают на ужесточении приговора. Например, вывод об устойчивости преступной группы и совместной договоренности следствие и прокуратура делают на основании звонка Ш. В., где он говорит, что у него такая классная идея, нужно встретиться и переговорить о ней. На что В., по словам его адвоката, ответил, что ему некогда. Прокуратура говорит о сплоченности преступной группы, желающей реализации преступного умысла, как о неоспоримом факте». (Отметим, что высший уровень организованности группы был доказан в судебном порядке.)

Политолог К. перед судом написал: «Не знаю, какой там у суда политический выбор, но моральный выбор перед судьями точно стоит. Выступление подсудимых очевидно судьям показало, что перед ними никакие не злодеи, не моральные уроды, не уголовники и даже не “преступники” в бытовом смысле слова. Перед ними сознательные, рациональные, в чем-то умные,

⁹ Общественники потребовали уволить преподавателей пермского университета за экспертизу о «кукле Путина». URL: <https://properm.ru/ews/2020-11-04/obschestvenniki-potrebovali-uvolit-prepodavateley-permskogo-universiteta-za-ekspertizu-o-kukle-putina-2723294>.

в чем-то наивные, ответственные молодые граждане. Да, со своими политическими и оппозиционными взглядами, но это не преступление». А после суда К. отметил, что замена реального срока условным – «решение чисто политическое, даже политехнологическое: ни вашим, ни нашим, все требования со всех сторон отклонить. Главное – силу всех доказательств обвинения сохранить, состав преступления сохранить, но суровость приговора снизить». Политолог считает, что суд огласил следующее мнение: «...акцию и все последующие подобные акции необходимо рассматривать как преступление, как хулиганство, направленное не против изображаемого лица, а против его сторонников. За их оскорбление, за оскорбление некой “социальной группы сторонников Путина” должно следовать наказание, пусть и условное».

В основном в соцсетях встречаются восторженные высказывания о замене реального срока условным. Так, активист Г. написал, что «у пермской гражданской тусовки сегодня светлый день – Ш. получил условный срок!» Этот восторг разделяет и политолог Б.: «Кажется, из всех реалистичных вариантов это – победа. Ш. на свободе с условным сроком». «Очень рада за Сашу!» — написала бывший координатор штаба Навального в Перми В.

Но в общем хоре ликования звучали и более осторожные голоса. Председатель Пермского краевого отделения общества «Мемориал» (ликвидировано) Л. оставил комментарий под постом юриста П. По его словам, после приговора суда в стране одним политзаключенным станет меньше, а это прежде всего «победа адвокатов и общественности»: «Плохо только то, что двое фигурантов все равно признаны виновными по уголовному делу и осуждены. Это минимальное, но наказание, на что согласилось российское судопроизводство. Значит, надо будет тоже обжаловать в ЕСПЧ».

Депутат Пермской городской думы А. обратила внимание, что после данного дела «ангажированные эксперты могут найти в действиях любого из нас признаки политической ненависти и вражды»: «Определение экспертизы “негативное психолого-педагогическое воздействие” на молодежь или создание “условия для усвоения отрицательных шаблонов поведения”. Что такое шаблоны поведения? И какие условия должны быть созданы для их усвоения? Это к вопросу о том, что незнание закона не освобождает от ответственности. Еще как освобождает, если человек без специальных знаний в области лингвистики и психологии не может определить масштаб противоправности и общественного вреда. Эксперты придумали за Ш. его мотивы и цели. Без этого невозможно было вынести приговор». По ее словам, за время судебного

процесса «не случилось ни одного внятного высказывания против этой акции со стороны тех, кто согласен с действиями режима и поддерживает президента»: «Беспомощные показания на суде “пострадавших” молодогвардейцев и силовиков сложно выдать за искреннее возмущение. Хорошо, что реальный срок отменили. Но и состава преступления здесь нет совсем».

Организация «Апология протеста», чьи юристы защищали Ш., В. и Э., уже заявила, что будет добиваться для осужденных активистов оправдательного приговора: «Сегодня Ш. будет на свободе. Наши адвокаты – огромные молодцы. Но условные сроки не означают, что нарушения прав человека не было. Мы продолжим работу по делу: как в российских судах, так и в ЕСПЧ»¹⁰.

Хорошо известно, что экстремизм приобретает повышенную общественную опасность, квалифицирующие его элементы появляются во всё большем количестве статей УК РФ. Одному из авторов данной статьи пришлось столкнуться с необходимостью решения и оценки ряда вопросов как на следствии, так и в суде.

Адвокаты видели только административное нарушение; другая позиция выражала наличие части 2 статьи 213 УК РФ. Однако при изучении материала следует принять во внимание мнение Верховного Суда РФ о том, что «при решении вопроса о наличии в действиях грубого нарушения общественного порядка, выражающего явное неуважение к обществу, судам следует учитывать способ, время, место их совершения, а также их интенсивность, продолжительность и другие обстоятельства»¹¹.

Присутствует категория «общественный порядок». По содержанию объективной стороны можно констатировать следующие элементы. Способ – демонстрация манекена, отождествляемого с конкретным политическим деятелем. Способ, безусловно, оскорбительный, унижающий человеческое достоинство, носящий провокационный характер. Прослеживается устойчивое желание участников происшествия повлиять на общественное мнение путем создания скандально-лживой ситуации, привлекающей внимание людей в местах массового скопления в первую очередь неординарностью исполнения. Таким образом, квалифицирующий признак – грубое нарушение общественного порядка – подтверждается анализом места, времени, интенсивностью,

¹⁰ «Это победа!» Как социальные сети отреагировали...

¹¹ О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 15 нояб. 2007 г. № 45.

продолжительностью, фотосъемкой и другими обстоятельствами, отраженными в уголовном деле. Немаловажен и тот факт, что при задержании указанных лиц гражданами, присутствовавшими на месте происшествия, первые оказывали сопротивление. Заявление одного из задержанных В., что они так выразили свою гражданскую позицию, несостоятельно, поскольку для такого выражения существуют правовые границы¹².

Проводя анализ статьи 213 УК РФ, в происшедшем можно усмотреть следующие квалификационные признаки: мотив политической вражды (ч. 1, п. «б») и деяние, совершенное «группой лиц по предварительному сговору или организованной группой» (ч. 2).

Об устойчивости преступной установки свидетельствует также коллективный отказ от дачи показаний в порядке статьи 51 Конституции РФ. Если посмотреть с позиции оценки субъективной стороны, то получается следующая картина. Учитывая юридическую подготовленность данных субъектов – правонарушителей (имеется в виду знание статьи 51 Конституции РФ), им должно было быть известно и содержание статьи 25 УК РФ. Об этом свидетельствуют материалы первого тома уголовного дела. Следовательно, в случившемся наличествовал прямой умысел.

Политическая ненависть (вражда) связана с неприятием чуждых политических взглядов на проведение государственной внешней политики и деятельности по воплощению этих взглядов в жизнь в виде участия в работе политической партии или общественного объединения, в выборах и референдуме в качестве избирателя (участника референдума) или кандидата, в работе органов государственной власти и органов самоуправления и т.д. Не исключается возможность совершения преступления по этому мотиву в отношении индивидуально неопределенного круга лиц. «Уголовно-правовое различие мотива ненависти и мотива вражды: действующий по мотиву ненависти своими преступными действиями стремится к уничтожению чуждого ему, тогда как действующий по мотиву вражды лишь выказывает свое негативное отношение к чуждому, не стремясь при этом его уничтожить. При этом преступному проявлению ненависти и вражды может предшествовать затянувшийся конфликт между виновным и потерпевшей

¹² *Абызов Р. М.* О понятии и причинах экстремизма в российском обществе // Экстремизм: социальные, правовые и криминологические проблемы: сб. науч. ст. / под ред. А. И. Долговой. М.: Рос. криминологическая ассоциация, 2010. С. 24–36.

стороной (как данным потерпевшим, так и той общностью, к которой он принадлежит)»¹³.

В нашем случае фигуранты дела являются низшим звеном, исполнителями чьих-то заказов, поэтому их деятельность можно рассматривать только в рамках статьи 213 УК РФ. Хулиганский мотив – когда в основе хулиганских побуждений лежит стремление в вызывающей форме проявить себя, выразить нарочитое, показное пренебрежение к обществу, другим людям, законам и правилам общежития. Эта троица считает, что совершила «героический поступок», получила известность и ореол, который в рамках существующего уголовного законодательства расценивается как преступление.

Один из авторов данной статьи, выступая в качестве эксперта по данному делу, имел длительную беседу с героями материала. Что можно сказать об их ролевых характеристиках?

Фактическим руководителем мероприятия являлся У., руководитель штаба А. Навального в регионе. Формальный глава мероприятия – Ш., 1998 года рождения, гражданин Российской Федерации, житель Пермского края, образование среднее специальное.

В заключении комиссии экспертов утверждается, что Ш. хроническим психическим расстройством не страдает, у него наблюдается заострение черт характера смешанного типа. Об этом свидетельствуют присущие ему на протяжении всей жизни повышенная стеснительность, обостренное чувство справедливости, демонстративность, повышенная чувствительность к нарушению своих прав и интересов с их упорным отстаиванием, излишняя категоричность в оценках и суждениях, что полностью подтверждается результатами психиатрического обследования. Вместе с тем степень указанных личностных особенностей не столь значительна, у него нет каких-либо нарушений памяти и интеллекта, сохранены критические и прогностические способности. То есть этот человек возомнил себя политическим деятелем. Остальные – ведомые, вообще не разбирающиеся в ситуации, в которой оказались¹⁴.

¹³ Некоторые особенности производства по делам, связанным с проявлением ксенофобии / отв. ред. Л. А. Воскобитова. М.: Американская ассоциация юристов при участии ООО «Вариант», 2011. С. 27–44; Организация экстремистского сообщества: проблемы квалификации и доказывания: учеб. пособие / П. В. Агапов, С. В. Борисов, Д. В. Вагурин и др.; под. ред. В. В. Меркурьева. М.: Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2013.

¹⁴ Чудин Н. М. Комментарий к конкретному уголовному делу // VII Педагогические чтения, посвящ. памяти проф. С. И. Злобина: сб. материалов: в 3 т. Т. 1. Пермь: Перм. ин-т ФСИН России, 2021. С. 145–149.

Как известно, структуры Навального признаны экстремистскими. Они занимались в России формированием условий для дестабилизации социальной и общественно-политической ситуации, фактически выступали за изменение основ конституционного строя. Сегодня деятельность штабов запрещена, сами штабы закрыты. Они не имеют права создавать информационные ресурсы, вербовать новых участников, баллотироваться во властные структуры.

Таким образом, данное уголовное дело наводит на следующие выводы:

1. Осталась недооцененной возможность использования массового деструктивного наступательного воздействия, хорошо продуманного и организованного (через СМИ). Обширная аудитория черпала информацию, сидя у своих компьютеров, только из одного источника. Реальная правовая осведомленность оказалась невозможной. Контрпропаганда отсутствовала. Этот вопрос следует серьезно продумать, так как мы не застрахованы от подобного рода эксцессов в будущем.

2. Серьезного внимания заслуживает положение членов экспертной комиссии, подвергшихся ожесточенной травле. Бездействие правоохранительных органов в сложившейся ситуации не находит объяснений. По сути, это стимуляция преступников, которая порождает у них чувство безнаказанности и уверенности в своей правоте.

Такое же замечание следует сделать в адрес Пермского краевого суда: замена Ш. реального наказания на условное (два года лишения свободы условно) – это, по существу, поощрение данной разновидности преступного поведения.

3. Один из авторов статьи Н. М. Чудин был привлечен к процессу в качестве эксперта и глубоко погрузился в тему. В итоге при осмыслении данного уголовного дела оба автора пришли к выводу о необходимости грамотного понимания и объяснения мотивов, то есть единообразной юридической оценки правонарушения.

Библиографический список

Абызов Р. М. О понятии и причинах экстремизма в российском обществе // Экстремизм: социальные, правовые и криминологические проблемы: сб. науч. ст. / под ред. А. И. Долговой. М.: Рос. криминологическая ассоциация, 2010. С. 24–36.

Некоторые особенности производства по делам, связанным с проявлением ксенофобии / отв. ред. Л. А. Воскобитова. М.: Американская ассоциация юристов при участии ООО «Вариант», 2011.

Организация экстремистского сообщества: проблемы квалификации и доказывания: учеб. пособие / П. В. Агапов, С. В. Борисов, Д. В. Вагурин и др.; под. ред. В. В. Меркурьева. М.: Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2013.

Чуганов Е. Г. Экстремизм: проблемы уголовной политики // Экстремизм и другие криминальные явления: сб. ст. М.: Рос. криминологическая ассоциация, 2008. С. 5–11.

Чудин Н. М. Комментарий к конкретному уголовному делу // VII Педагогические чтения, посвящ. памяти проф. С. И. Злобина: сб. материалов: в 3 т. Т. 1. Пермь: Перм. ин-т ФСИН России, 2021. С. 145–149.

Экстремизм: понятие, система противодействия и прокурорский надзор: метод. пособие / под ред. А. И. Долговой. М.: [б. и.], 2009.

Ex jure

Информация для цитирования

Чудин Н. М., Корж П. А. Экстремизм и одна из форм его проявления // Ex jure. 2024. № 3. С. 166–179. DOI: 10.17072/2619-0648-2024-3-166-179

Chudin N. M., Korzh P. A. Extremism and One of Its Forms. Ex jure. 2024. № 3. Pp. 166–179. DOI: 10.17072/2619-0648-2024-3-166-179

ПРАВИЛА НАПРАВЛЕНИЯ И ОПУБЛИКОВАНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ В EX JURE

Представленная статья должна быть оригинальной, не публиковавшейся ранее, соответствующей тематике научной специальности 12.00.00 – юридические науки.

Объем текста статьи (без учета метаданных и библиографического списка) – от 20 до 30 тыс. знаков (15–20 стр.). Страницы нумеруются. Шрифт Times New Roman. Междустрочный интервал – полусторонний. Размер шрифта (кегель) для основного текста – 14, для сносок – 12. Сноски проставляются постранично, нумерация сквозная.

Правовые акты, упоминаемые в тексте, должны содержать дату принятия, номер и полное официальное наименование. Источник опубликования актов не приводится ни в сносках, ни в библиографическом списке.

Статья должна быть представлена единым файлом и иметь следующую структуру.

1. Метаданные на русском и английском языках:

- название;
- ФИО автора; ученая степень и звание, должность и место работы;
- юридический адрес организации – места работы автора;
- адрес электронной почты автора;
- аннотация: 100–150 слов;
- ключевые слова: 5–7 слов.

2. Текст статьи

3. Библиографический список (оформляется по ГОСТ 7.0.5-2008). Список литературы должен включать только те работы, которые упоминаются в тексте. Рекомендуем обратить внимание на статьи, смежные с тематикой автора, опубликованные в журнале «Вестник Пермского университета. Юридические науки» (www.jurvestnik.psu.ru); ссылки на эти статьи очень приветствуются.

Образцы оформления сносок:

Сырых В. М. История и методология юридической науки. М.: Норма, 2012.

Кузнецова О. А. Вина энергоснабжающей организации при неправомерном перерыве в подаче энергии // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. Вып. 2(28).

Червяков К. К. Основания возникновения и прекращения родительских правоотношений по советскому семейному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1971.

Голубцов В. Г., Кузнецова О. А. Цель цивилистического диссертационного исследования // Методологические проблемы цивилистических исследований: сб. науч. статей / отв. ред. А. В. Габов, В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. М.: Статут, 2016.

Файл статьи в формате «doc» прикрепляется к сопроводительному письму и направляется на адрес электронной почты редакции: ex-jure@mail.ru.

Несоблюдение правил оформления статьи является основанием для отказа в принятии ее к рассмотрению.

Статья, отвечающая требованиям к оформлению, подлежит обязательному анонимному рецензированию членом редакционного совета или редакционной коллегии или привлеченным специалистом в области тематики статьи, с целью ее экспертной оценки. При выборе рецензента главный редактор руководствуется следующими критериями: рецензент должен являться квалифицированным специалистом по тематике рецензируемой рукописи и иметь в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи.

Срок рецензирования составляет 2–3 месяца. Копии рецензии или мотивированный отказ направляются автору. Рецензии хранятся в редакции в течение 5 лет.

Редакция журнала обязуется направлять копии рецензий в Министерство науки и высшего образования РФ при поступлении соответствующего запроса.

Всем научным статьям присваивается DOI.

Плата за рецензирование, публикацию статей и присвоение DOI не взимается.

RULES OF SUBMISSION AND PUBLICATION SCIENTIFIC ARTICLES IN EX JURE

The presented article should be original, not previously published, corresponding to the subject of scientific specialty 12.00.00 – Legal Sciences.

The volume of a text (excluding metadata and references) – from 20 to 30 thousand characters (15–20 p.). The pages are numbered. Times New Roman Font. Line spacing is 1,5. The font size for the main text is 14, for footnotes – 12. Footnotes are given page by page, numbering should be continuous.

The legal acts mentioned in the text must contain the date of adoption, the number and the full official name. The source of publication of legal acts is not given either in footnotes or in the references.

The article should be presented as a single file and have the following structure.

1. Metadata in Russian and English languages:

- article title;
- name of the author; academic degree and title, position and place of work;
- legal address of the organization—the author's place of work;
- author's email address;
- abstract: 100–150 words;
- keywords: 5–7 words.

2. Text of article.

3. References (drawn up according to GOST 7.0.5-2008). The references should only include works that are cited in the text. We recommend to pay attention to the articles related to the subject of the author, published in the journal “Perm University Herald. Juridical Sciences” (www.jurvestnik.psu.ru). References to these articles are highly welcome.

Sample design footnotes:

Sirih V. M. History and methodology of legal science. Moscow, 2012.

Kuznetsova O. A. The guilt of an electric power supply organization in case of illegal interruption in power supply // Perm University Herald. Juridical Sciences. 2015. № 2(28).

Chervyakov K. K. Grounds for the emergence and termination of parental relations under soviet family law: synopsis of a thesis by PhD in law. Saratov, 1971.

Golubtsov V. G., Kuznetsova O. A. Civil Thesis Research Purpose // Methodological Problems of Civil Researches: Collection of Scientific Articles / Eds. in Ch. A. V. Gabov, V. G. Golubtsov, O. A. Kuznetsova. Moscow, 2016.

The article file in the doc format is attached to the cover letter and sent to the editorial e-mail address: ex-jure@mail.ru.

Failure to comply with the rules of submission and publication is the basis for refusal to accept it for consideration.

The article that meets the rules of submission and publication is subject to anonymous mandatory review by a member of the Editorial Board (or Editorial Staff) or by a specialist in the field of the article subject for the purpose of its expert evaluation. When choosing a reviewer, it is guided by the following criteria: the reviewer should be a qualified expert on the subject of the reviewed article and reported to have published on the subject of the reviewed article for the last 3 years.

The review period is 2–3 months. Copies of the review or a reasoned refusal are sent to the author.

Reviews are kept in the editorial office for 5 years.

The Editorial Board undertakes to send copies of reviews to the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation upon request.

All scientific articles are assigned a DOI.

Fee for peer review, publication and the assignment of a DOI is not charged.

Научное издание

Ex jure
2024. № 3

Редактор
Т. И. Ускова
Корректор М. И. Иванова

Дизайн обложки,
компьютерная вёрстка Т. А. Басовой

Подписано в печать 10.07.2024
Дата выхода в свет 15.07.2024. Формат 70x100/16
Усл. печ. л. 14,79. Тираж 150 экз. Первый завод 25. Заказ 104

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
Управление издательской деятельности
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15
+7 (342) 239 66 36
Отпечатано в типографии ПГНИУ
+7 (342) 239 65 47

Распространяется по подписке и бесплатно

Подписка на журнал осуществляется онлайн на сайте «Урал-пресс»
https://www.ural-press.ru/catalog/97266/8671870/?sphrase_id=396144
Подписной индекс 83987